

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!

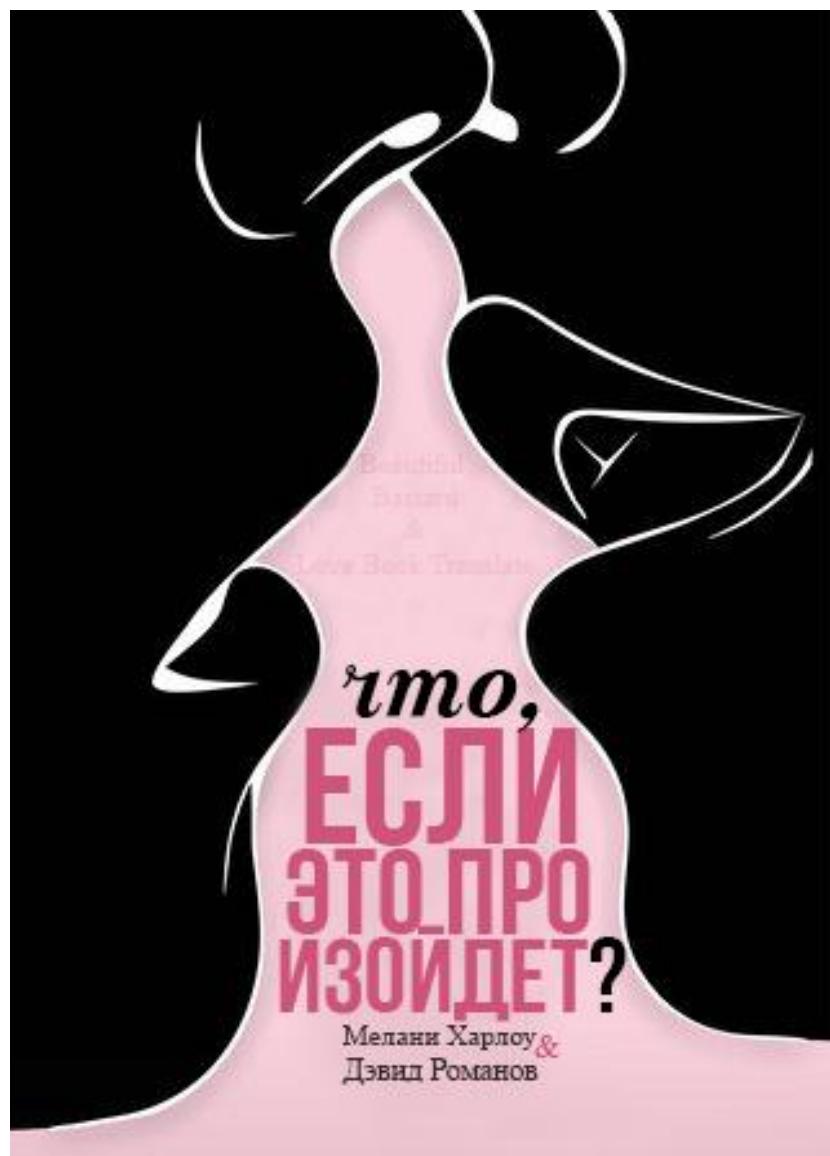
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.

Спасибо.

Мелани Харлоу и Дэвид Романов

"Что, если это произойдет?"

Серия: вне серии

Авторы: Мелани Харлоу и Дэвид Романов

Название на русском: Что, если это произойдет?

Серия: вне серии

Перевод: Лана Флата

Редактор: Eva_Ber

Обложка: Ника Бит

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

Я не искал Дерека Вулфа.

Я никого не искал. Я только хотел начать новую жизнь в Америке.

Но когда я оказался в затруднительном положении и мне некуда было идти, он пришел мне на помощь, предложив место для проживания.

Он умный, успешный и чертовски сексуальный — я едва могу спать, зная, что он прямо по коридору. И когда, однажды ночью, между нами вспыхивает химия с неистовой, огненной страстью, трудно отрицать, что это было что-то настоящее.

Но он это делает.

Он говорит, что был пьян. Говорит, что это был одноразовый поступок. Говорит, что ему не нравятся парни и то, что мы сделали, ничего не значит.

Он лжет. Потому что это происходило снова, и снова, и снова. И с каждым разом все прекраснее.

Я знаю, что нам было бы хорошо вместе, и я хочу попробовать, но мне надоело скрываться. Если он недостаточно уверен в себе, чтобы признать правду, я должен быть достаточно силен, чтобы уйти.

Глава 1

Дерек

Ее звали Кэролин, и она была чертовски прекрасна.

— Большое спасибо за ужин, — сказала она, когда я подъехал к ее дому. — Я как всегда отлично провела время

Красивая. Милая. Умная. Двадцати девяти лет. В разводе со своей школьной любовью, детей нет, но очень хотела бы их в будущем. Преподавала в колледже математику. Любила путешествовать. Добровольно работала в ЮНИСЕФ. Бегала марафон.

— Я тоже.

Я поставил «Рендж Ровер» на парковку.

— Позволь мне проводить тебя до двери. Подожди здесь.

Мы были на шести свиданиях — одно в кафе, два обеда и три ужина — и я наслаждался каждым из них. Она была именно той женщиной, которую я себе желал. Ничего меня в ней не отталкивало.

В чем проблема? Ничего меня в ней не возбуждало тоже.

Она отстегнула ремень безопасности и, прежде чем выйти, ждала, пока я обойду и открою пассажирскую дверь. Я предложил ей руку, и она взяла ее.

— Спасибо.

Ты недостаточно стараешься.

Поддерживая ее худенькую руку своей, я закрыл дверь машины и проводил ее до входной двери. Июньский ночной воздух был теплым и мягким, пахло апельсиновыми цветами. Этим вечером все шептало романтикой.

— Такой джентльмен, — дразнила Кэролин. — Приятно осознавать, что рыцарство не умерло.

Мне нравилась идея рыцарства, что человек может руководствоваться нормами поведения, основанными на традициях, чести и благородстве, несмотря на то, что в глубине души он воин. Что он похоронил свою склонность к насилию и свои темные побуждения, чтобы сохранить социальные нормы морали или, по крайней мере, внешний вид. Я осознавал это.

Мы ступили на ее крыльце, и она повернулась ко мне лицом.

— Ты хотел бы выпить? — ее глаза блеснули в темноте, когда ее тело качнулось к моему. — И, может быть, перестанешь быть таким джентльменом?

Она опустила руки мне на грудь.

Я обнял ее за талию и прижал к себе, наклоняя свои губы к её, молясь, чтобы хоть что-то почувствовать. Что угодно.

Но я ничего не почувствовал. Никакого учащенного пульса, никакого прилива тепла, никакого возбуждения в моей крови... или в моих штанах.

Она робко скользнула языком между моих губ, и я встретил его своим, приоткрывая шире, чтобы углубить поцелуй.

Ничего.

Разочарованный, я сжал ткань ее блузки в один кулак и схватил горсть ее волос в другой, надеясь, что некоторая агрессия и сопротивление были тем, что мне нужно, чтобы завестись. Мне больше нравился секс, когда он был немного противоборствующим. Немного агрессивным. Игра во власть. И так было длительное время...

— Ой! — вскрикнула Кэролин.

Я тут же отпустил ее и отступил назад.

— Прости. Мне очень жаль. Ты в порядке?

— Да. Я в порядке.

Она пригладила затылок и нервно рассмеялась.

— Не надо извиняться. Я сама сказала, что не надо быть джентльменом. Это просто застало меня врасплох, — она смягчила свой голос. — Может, попробуем еще раз? На этот раз полегче?

*В чем, бл*ть, смысл?*

— Мне очень жаль, Кэролайн. Я сегодня немного не в себе. Может, в другой раз?

— О, хорошо. Конечно.

Девушка выглядела подавленной, ее взгляд опустился вниз. Затем она снова подняла глаза.

— Может завтра вечером?

— Конечно.

Она улыбнулась, явно с облегчением.

— Классно. Я принесу десерт. Буду рада познакомиться с твоими друзьями.

— Они тоже будут рады познакомиться с тобой.

Она улыбнулась.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Засунув руки в карманы, я увидел, как она вошла и закрыла входную дверь.

Твою мать.

В чем, черт возьми, была моя проблема?

Спустя двадцать минут я зашел в красивый кирпичный дом с тремя спальнями, который купил несколько лет назад, когда собирался сделать предложение своей тогдашней девушке. Я думал, что к этому времени мы уже поженимся. Я думал, у нас уже будет семья. Думал, что уже чувствуя себя готовым.

Ничего из этого не произошло.

Я выключил свет и побрел наверх, ощущая себя на все свои тридцать шесть лет.

В ванной я нахмурился от своего отражения в зеркале, проведя рукой по-своему немного неухоженному подбородку. Господи, посмотри на эту выступающую седину. Какое-то время это было всего лишь несколько волосков, но теперь я был однозначно «соль с перцем». И на висках тоже. В этом возрасте нормально седеть? И какого черта эти морщины между бровями? От того, что хмурюсь? Я быстро расслабил лицо, и они в основном пропали. Но не полностью.

Черт возьми, я старею.

Но, по крайней мере, я был в хорошей форме. Я снял пиджак и повесил его и рубашку в шкаф, бросил футболку в корзину для белья, затем встал перед зеркалом на двери ванной в полный рост, критически оглядывая себя.

Живота пока что нет. Нигде не тронуто жиром. Мой живот все еще был твердым и плоским, шестерка кубиков сохранялась, грудь и руки были все еще мускулистыми. Возможно, у меня не было тех скульптурных линий и рельефов, которые были лет десять назад, но я упорно работал, чтобы поддерживать свое телосложение. Мне нравилось тренироваться. Это заставляло меня контролировать свое тело, чувствовать себя сильным и крепким. Я управлял им, и оно повиновалось. Бежать эти километры. Поднимать эти тяжести. Бить кулаками по мешку.

Легко.

По той же причине, по которой я держал свой дом таким безукоризненным. Моя семья и друзья бесконечно дразнили меня тем, что называли «одержимостью» мою аккуратность. Я не понимал — кто бы не захотел вернуться домой туда, где все было чисто и органично? Это не было зачатком чего-то, это было просто неприятие к хаосу и бардаку. Никакого беспорядка на полках, никакого грязного белья, разбросанного повсюду, никакой посуды, оставленной в раковине. И я всегда точно знал, где находится вещь, потому что после того, как я использовал ее, я, бл*дь, убирал ее на место. Что в этом такого странного?

Я готовился ко сну и выключил свет, чувствуя себя немного жалким, так как это было даже не десять часов вечера в пятницу, но я говорил себе, что надо хорошо выспаться и рано попасть в тренажерный зал. Я даже не успел закрыть глаза, когда мой телефон зажужжал на прикроватной тумбочке. Подняв его, я прищурился на экран в темноте. Моя сестра, Эллен.

— Привет?

— Привет, это я.

На заднем плане был слышен приглушенный шум бара: музыка, голоса, звон тарелок и бокалов.

— Что случилось?

— Мне нужна услуга.

Глава 2

Максим

Впервые с тех пор, как я прыгнул в самолет в Москве, я начал задаваться вопросом, не ошибся ли я.

Это было совсем на меня не похоже. Я имел тенденцию поспешно принимать решения и не был тем типом людей, который после этого мучается вопросом, правильно ли я поступил или нет. Я доверял своей интуиции.

Так что на прошлой неделе, когда моя интуиция сказала мне перестать мечтать о переезде в США и сделать это уже, я пошел за ней. Уволился с работы, забронировал билет и собрал вещи.

Оглядываясь назад, я, вероятно, должен был спланировать это немного лучше.

Друг из числа друзей — какой-то парень по имени Джейк — должен был быть здесь, в аэропорту, чтобы забрать меня, но я уже два часа стоял возле международного терминала Лос-Анджелеса, а он все еще не показывался. Я надеялся, что все было в порядке, но начал думать, что мне, возможно, придется перейти к плану Б.

Не то, чтобы у меня был план Б.

Почти все зависело от Джейка. Он нашел мне квартиру, и я уже перевел ему деньги за месячную аренду. Мне не нравилась идея платить за то, чего не видел, но Джейк сказал, что если я не возьму её, то возьмет кто-то другой, и он не знал ни одного другого места, где я мог бы арендовать так дешево, особенно в такой короткий срок. Я сказал ему, что возьму её и отправлю деньги. Однако я не спросил адрес.

Это было ошибкой.

Я снова проверил свой телефон, как будто он мог волшебным образом зарядиться в моем кармане. Все также мертв. К сожалению, взъявленный отъездом, я забыл бросить в свою сумку зарядное устройство.

Еще одна ошибка.

Не в силах больше стоять на месте, я перешел улицу и запрыгнул в такси.

— Куда? — спросил водитель.

Ну, черт.

«Даунтаун», — решил я, полагая, что где-нибудь смогу поесть, может, посмотрю, будет ли возможность зарядить свой телефон. Надеюсь, Джейк свяжется со мной в ближайшие пару часов. Если он этого не сделает, мне придется снять сегодня вечером номер в отеле. Это было бы абсурдно дорого, а я не хотел тратить такие деньги за одну ночь, но не видел никакого другого способа избежать этого.

Движение было ужасным, и, чтобы добраться до центра города, потребовалось много времени. Я кивал головой уже третий раз, пока водитель что-то рассказывал.

— Какой адрес? — он посмотрел на меня, и я моргнул несколько раз.

— Никакого конкретного адреса. Может, какой-нибудь бар или ресторан поблизости?

Он почесал макушку большим пальцем.

— «Слепая свинья» довольно популярна.

— «Слепая Свинья»? — повторил я, немного смутившись. Может быть, название имело другое значение, чем я подумал? Мой английский был довольно хорошим, но далеко не идеальным.

— Это другое название, которое использовалось для подпольного бара во время сухого закона (*прим. «Сухой закон» — собирательный термин, включающий в себя полный*

или частичный запрет оборота этианолодержащих веществ (за исключением медицинских, научных и промышленных целей, а также веществ с незначительным содержанием этианола)).

— Ах! — я быстро вытащил свой блокнот из сумки и записал его. Я хотел быть сценаристом, поэтому мне не только нужно было улучшить свой английский, но и узнать все эти маленькие культурные подробности, которые сделают сценарий правдивым.

Мои друзья смеялись надо мной, что я всегда носил с собой блокнот, где делал заметки и записывал все идеи, которые приходили ко мне в любой момент дня или ночи. Я научен опытом, что позже могу их не вспомнить. И так как я продал свой ноутбук на прошлой неделе, чтобы немного пополнить свои сбережения, блокнот — все, что у меня было. Как только я смогу себе это позволить, мне придется купить новый компьютер.

Но это займет некоторое время.

Через несколько минут водитель остановился и выключил счетчик.

— Это впереди, справа.

Я поблагодарил его, заплатив наличными из банкомата аэропорта, и выскочил. Несмотря на то, что я не был уверен, где буду сегодня ночевать, шагая по улице было трудно не чувствовать себя взволнованным. До сегодняшнего дня я видел такие места только на экране, но это было реально. Я действительно был здесь. Это заставило меня чувствовать себя непобедимым, как будто все возможно.

Через минуту я открыл тяжелую деревянную дверь «Слепой свиньи» и вошел внутрь. Свет был слабым, теплая атмосфера и бодрая музыка окружила меня. Было многолюдно, но мне удалось найти свободное место у длинного деревянного бара.

— Приветик! — бармен улыбнулась мне, когда я положил свою сумку на пол.

У нее были темные волосы, затянутые в хвост, и большие карие глаза.

— Я Эллен. Что вам предложить?

— Могу я взглянуть на меню, пожалуйста?

— Конечно.

Она принесла мне меню, и, посмотрев его, я решил заказать самое американское, что только смог придумать.

— Я возьму бургер. И пиво.

— Отлично. Могу я увидеть ваше удостоверение?

— Конечно.

Я вытащил портмоне, где хранил все важные документы, вручил ей паспорт и кинул бумажник обратно в сумку.

— Россия, да? — Эллен снова улыбнулась мне. — Вы здесь по работе или просто в гостях?

— Просто приехал.

Я не хотел сглазить, объявляя о своем намерении остаться здесь навсегда. Технически, я мог остаться только на шесть месяцев по моей туристической визе, но у меня не было желания использовать мой обратный билет.

— Хорошо проводишь время?

— Ну, я здесь всего около трех часов, и два из них провел в ожидании моего друга, который должен был забрать меня из аэропорта, но он так и не появился.

Бармен посмотрела на меня с сочувствием.

— В Л.А. движение может быть ужасным. Вы ему позвонили?

Она вернула мне мой паспорт, и я сунул его в карман пальто.

— Я не смог. Мой телефон мертв. А я забыл взять с собой зарядное устройство.

Я подарил ей очаровательную улыбку. Я не интересовался женщинами и никогда намеренно не разводил их, но не буду лгать, было полезно иногда быть привлекательным для них.

— Как думаете, у кого-нибудь здесь есть подобное, чтобы я мог зарядиться?

Это сработало или она просто была милой, потому что девушка тепло улыбнулась.

— Я могу проверить. Давайте пока я принесу вам пиво, оно вам понадобится. Какого сорта вы хотели бы?

— «Корону», пожалуйста.

Она кивнула и минуту спустя поставила его передо мной.

— Это за мой счет. Я распоряжусь по поводу вашей еды. Вы, наверное, очень голодны после такого долгого путешествия.

— Да. Благодарю.

После большого глотка из бутылки я снова вытащил из сумки блокнот, и с первых страниц выпала школьная фотография моей восьмилетней сестры Лилии. Она отдала её мне прямо перед моим отъездом, а на обороте написала: «Максиму. Не забывай обо мне. Люблю, Лилия». Я поставил её на барную стойку, когда на пустое место рядом со мной скользнула женщина.

— Приветик!

Она была примерно моего возраста и одета, как будто работала в офисе, но она была типичной американской блондинкой, которую я представлял больше как спасателя из телевизора или танцовщицу из пляжного фильма. Ее улыбка была уверененной и кокетливой. Американские женщины так отличались от русских.

— Здравствуйте, — сказал я.

Она взглянула на фотографию Лилии и ахнула.

— Боже мой, она такая красивая! И очень похожа на вас. Это ваша... дочь? — спросила она, предварительно сморшив нос, надеясь, что это не так.

— Нет, это моя младшая сестра. Но мы действительно похожи.

У нас с Лилией были большие голубые глаза, светлые волосы и ямочка на подбородке, несмотря на то, что наши отцы разные.

Она улыбнулась и протянула руку.

— Я Эми.

Я пожал её.

— Максим.

— Максим, — она повторила мое имя с акцентом.

После того, как моя ладонь сжала и держала её слишком долго, Эми повернулась ко мне лицом, скрестив ноги таким образом, чтобы продемонстрировать их.

— Я никогда не видела тебя здесь раньше.

— Я никогда не был здесь раньше.

— Мне нравится твой акцент. Откуда ты?

Она наклонилась чуть ближе ко мне, так близко, что я почувствовал запах ее цветочных духов.

— Из России.

— Я хотела отгадать!

Она слегка ударила меня по ноге, выглядя довольной собой.

— Что привело тебя в Лос-Анджелес?

— Просто путешествую.

— Путешествуешь в одиночку?

Она расширила глаза и похлопала своими ресницами.

— О, да.

— Значит, ты свободен?

Мне было странно, как американцы так легко задавали такие личные вопросы. Мне придется привыкнуть к этому.

— Да, но...

— Да, но что? Тебе не нравятся американские девушки? — она дразнила меня.

Уклончивые слова уже были на кончике моего языка, но голос в моей голове говорил: «Нет причин скрывать».

— Да, но я гей, — сказал я, глядя прямо в ее глаза.

Это был первый раз, когда я произнес эти слова вслух. Мне не было стыдно, когда я рос, о сексуальности просто не говорили, будь ты геем или натуралом. Очевидно, что границы здесь были разные.

Эми вздохнула, сосредоточившись на стуле, ее плечи опустились.

— Картинка, с такими-то данными. Я знала, ты слишком хорошо выглядишь, чтобы быть натуралом.

Она взяла свой бокал и долго, долго пила.

— Извини, если я тебя побеспокоила.

Я улыбнулся.

— Все нормально. Ты не побеспокоила.

— Почему-то я всегда выбираю геев. Это похоже на проклятие.

Я не знал, что на это сказать.

— Гм. Мне жаль?

Она вздохнула и покачала головой.

— В любом случае, добро пожаловать в Америку. Твое здоровье! — она подняла бокал с вином. — Эй, как сказать «твое здоровье» по-русски?

— *Na zdorovie*.

Она моргнула.

— Да я даже не буду пытаться.

Эми чокнулась бокалом с моей бутылкой, и мы оба выпили, когда появилась Эллен с тарелкой, полной еды, — толстым, сочным гамбургером и картофелем фри.

Мой рот наполнился слюной.

— Это выглядит восхитительно.

— Да, — уверенно сказала она. — Я не могу найти зарядное устройство, но я все еще ищу.

Я взял блокнот и убрал фотографию Лилии обратно в страницы, чтобы она могла поставить тарелку передо мной.

— Большое вам спасибо. Не могу поверить, что...

Я замолчал и посмотрел вниз, куда потянулся за сумкой, но ничего не почувствовал.

Она пропала.

— Еще раз извини, мне очень жаль. Ничего подобного здесь раньше не происходило.

Эллен наклонилась над стойкой и коснулась моей руки. Она была владелицей бара и чувствовала свою личную ответственность за кражу. Она извинилась уже тысячу раз, даже разрыдалась.

— Я так ужасно чувствую себя.

— Это не твоя вина, — сказал я ей. — Было очень многолюдно. Даже я не видел, как это произошло, хотя это было прямо у моих ног.

Полицейский, который ответил на ее безумный звонок, опросил всех в баре, видели ли они, как кто-то уходил с сумкой или, заметили что-то подозрительное, но никто ничего не видел. Он был приятным, но не слишком надеялся, что моя сумка будет найдена.

По крайней мере, у меня остался паспорт. К счастью, я засунул его в карман куртки, а не обратно в сумку после того, как показал его Эллен. Замена его в США была бы кошмаром. Моя самая большая проблема заключалась в том, что мой кошелек был в сумке, и мои наличные и банковская карта исчезли. Теперь даже не было возможным снять гостиничный номер на ночь. Не оплатить еду и питье, хотя можно вообще ничего не есть и умереть с голода...

Что мне делать?

— Боже, ты такой славный. Представляю, как любой другой парень взбесился бы.

— Это не принесет мне много пользы.

— Но что ты будешь делать сегодня вечером? — ее карие глаза были большими и грустными. — Куда ты собираешься идти?

Я покал плечами.

— Что-нибудь найду.

Эллен всплеснула руками, в ее голосе нарастила боль.

— Как? Ты даже никого здесь не знаешь! И кто-то украл твой бумажник, и у тебя нет денег!

— Со мной все будет хорошо. Правда. Мне просто нужно зарядить телефон, чтобы найти друга.

Я пытался говорить более уверено, чем на самом деле это чувствовал.

Расстроенное выражение Эллен вдруг сменилось решительным взглядом.

— Знаешь, что? Я собираюсь помочь тебе. Я верю в судьбу, и должна быть причина, по которой ты пришел сегодня именно сюда и все это произошло.

Я покачал головой.

— Я тоже верю в судьбу, но это, наверное, просто случайная неудача.

Она положила обе ладони на стойку.

— Нет. Ничего случайного нет. Сейчас уже поздно, и я вижу, как ты устал, так что я найду тебе место, где сегодня вечером можно остаться и зарядить телефон. А завтра я помогу тебе найти твоего друга.

— В этом нет необходимости, — возразил я, сдерживая зевоту.

— Максим. Посмотри на себя. Ты вот-вот упадешь от усталости. И решение уже принято.

Эллен кивнула, и ее тон сказал мне, что спорить с ней бесполезно.

— Я сейчас вернусь, мне нужно позвонить. Подожди здесь.

Она принесла мне еще одну «Корону», прежде чем исчезнуть через кухонную дверь, оставив меня задаваться вопросом, кому она собиралась позвонить.

Глава 3

Дерек

Конечно, моей сестре нужна помощь. Она когда-нибудь звонила мне по-другому поводу?

— Я не буду выхаживать очередного спасенного щенка, Эллен. Я все еще пытаюсь вывести пятна от последнего, которого взял.

— На этот раз это не щенок, — она понизила голос. — Это человек.

— Человек? — я приподнялся на локоть. — Какого рода человек?

— Русский человек.

Я нахмурился.

— Эллен, какого черта? Это еще один из твоих друзей из цирковой школы?

— Я же говорила, это не цирковая школа. Это класс воздушных искусств. И в любом случае, нет, он не оттуда. Он был клиентом, чья сумка была украдена, пока он сидел сегодня в баре.

— Его сумку?

— Его багажную сумку. Он буквально несколькими часами ранее сошел с самолета из Москвы. И друг, который должен был забрать его в аэропорту, не появился.

— Как он оказался в баре?

— Он сел в такси и сказал водителю отвезти его куда-нибудь в центр. Водитель привез его сюда. Это была судьба!

Я проигнорировал это заявление. Эллен всегда бубнила о судьбе, звездах и подобном мистическом деръме.

— А потом его сумку украли?

— Да. Прямо у всех под носом, пока он сидел в баре. И никто ничего не видел.

— Да, эти ребята хороши. Вероятно, видели, как он вышел из такси с сумкой и поняли, что он турист. Легкая добыча. Ты звонила в полицию?

— Да. Они пришли и сделали вывод, что вряд ли их найдут. И после всего этого бедный мальчик был так мил. Но сейчас он оказался тут ни с чем, потому что кто-то в моем баре украл все, что у него было. Я чувствую ответственность! Я должна ему помочь!

Эллен никогда не встречала беспризорного щенка, раненую птицу или котенка на деревне, которого ей не хотелось бы спасти. Она была такой всю свою жизнь. Я не виню ее за то, что у нее большое сердце, но у нее так часто это происходило, и почему-то все время именно я оставался со случайными животными в своем доме, пока она решала, куда их отдать.

— Во-первых, Эл, это не твоя вина. Это могло произойти где угодно.

— Но это не где-то произошло. Это случилось прямо здесь.

Я проигнорировал ее упрямый тон.

— Во-вторых, почему он под твоей ответственностью? А где его друг?

— Он не знает.

— Разве он не может ему позвонить?

— Его телефон разрядился.

— Так зарядите его.

Твою мать. Моей сестре было тридцать. Почему мне показалось, что я разговариваю с первоклассником?

— Он забыл свое зарядное устройство в Москве. И я не могу найти такой же здесь.

— О, Господи!

Я зажал переносицу, почувствовав головную боль.

— Пожалуйста, Дерек. Это только на одну ночь. У тебя в твоем доме есть дополнительная спальня и ванная комната.

— Что насчет твоего дома?

— Да ладно, у меня три соседки по комнате. И одну из них навещает ее брат, поэтому он занимает диван. Ты живешь один в этом милом большом доме.

Это, вероятно, не было подкапыванием под меня, но было что-то похожее.

— Бьюсь об заклад, что дополнительная спальня уже готова, не так ли? — Эллен продолжила. — Чистые простыни на кровати, никакой пыли на мебели, никаких разбросанных подушек. Готова поспорить, что даже ванна сверкает чистотой, а большие пушистые полотенца сложены и готовы.

— Знаешь, шутить надо мной — не лучший способ получить то, чего ты хочешь.

— Хорошо, ладно, прости. Но это правда, верно?

— Это правда, — признался я, стиснув зубы.

— Тогда, пожалуйста, забери его и отвези к себе на ночь. Только одну ночь, обещаю.

— Подожди минутку, я что еще должен приехать и забрать его? Ты серьезно?

— Ну, да. Я не могу просто посадить его в такси. У него вообще нет денег. И ты не настолько далеко. Пожалуйста, большой брат. Пожааааалуйста? Для меня?

Я стонал в муках, потому что знал, какое именно лицо она сейчас делает. Это всегда пробивало мою броню.

Она засмеялась.

— Спасибо тебе. Ты самый лучший.

— Я не сказал «Да».

Но я сел и отбросил покрывала.

— Я знаю тебя. Ты не можешь мне отказать.

— Отлично. Я приеду за ним, и он может остаться здесь на ночь. Но лучше ему тут ничего не испачкать.

— Он будет аккуратным, я обещаю. Но, возможно, тебе придется одолжить ему пижаму или еще что-нибудь.

Я встал с кровати и направился к шкафу.

— Господи, Эллен. Ты что, хочешь, чтобы я его уложил? Спел ему колыбельную?

— Что? Нет! Ты же знаешь, что ты ужасно поешь. Я бы никогда никого так не подвела.

Включив в шкафу свет, я схватил джинсы и рубашку, которые на мне были ранее.

— Напомни мне об этом, когда в следующий раз будешь злиться, когда я попытаюсь сказать тебе «нет».

— Бесполезно. Но я люблю тебя. Увидимся через несколько минут.

Завершив звонок, я отложил телефон в сторону и оделся. Из моего ящика комода достал чистую пару носков и сел на кровать, чтобы надеть их. Выключив свет и спустившись вниз, выбрал одну из нескольких пар кроссовок, выстроившихся в коридоре возле задней двери, и взял ключи. На секунду я сделал паузу и представил, как там же выстроились другие ботинки. Сандалии маленькой девочки. Бутсы маленького мальчика. Или, может быть, две маленькие пары Adidas, как и у их отца.

Это было так глупо. Если бы я не облажался со своей бывшей, мы бы поженились и у нас, вероятно, к этому времени, был бы уже ребенок, он бы, наверное, даже еще не вырос бы из подгузников.

Но все же... Я буду мужем. Отцом. У меня будет семья, которую надо будет поддерживать. Люди, которые будут нуждаться во мне, зависеть от меня и любить безоговорочно так, как я любил бы их. Было ли что-то проще, чем любовь между родителем и ребенком?

Остановись. Ты ведешь себя нелепо, и чем дольше ты будешь стоять здесь и жалеть себя, тем дольше это продлится, прежде чем ты опять вернешься в постель.

Проверив и убедившись, что телефон и бумажник в кармане, я вышел через заднюю дверь и закрыл ее за собой.

По дороге в бар я подумал, что не перепроверил свободную комнату, чтобы убедиться, что она должным образом подготовлена, но я не очень волновался. Я всегда держал ее готовой к гостям на всякий случай, и ванная в коридоре была убрана два дня назад. Мои друзья смеялись надо мной за то, что каждую неделю приходила уборщица, особенно друзья, которые были женаты и с детьми, потому что как мог быть беспорядок в доме, когда там жил только один человек, и этот человек был самым привередливым человеком на земле? В их домах всегда были бардак повсюду, как будто кто-то перевернул там все с ног на голову. На самом деле, дом Эллен тоже был таким, как и ее машина — О Боже, количество дерьяма в ее машине было достаточно, чтобы повышать мое кровяное давление каждый раз, когда я ехал в ней. Порой мне было интересно, в чем мы родственны? Вся ее жизнь была похожа на пучок со свободными концами, разбросанными в разные стороны, а моя была похожа на красивую, аккуратную линию. На светофоре я заглянул на заднее сиденье своей машины, радуясь, что там абсолютно ничего нет. Ничего на пассажирском сиденье, никаких старых стаканов из-под кофе или пустых бутылок от воды в держателях. Ни крошек, ни салфеток, ни залетной картошки фри. В ней даже хорошо пахло. Люди, которые ездили в моей машине, все время говорили это.

Разве это не было хорошо? Разве человек не должен заботиться о своем доме, машине и других вещах, за которые заплатил кучу денег? Эллен окунулась в свой трастовый фонд миллион раз, но я не прикасался к своему после оплаты школы. Я упорно трудился для всего, что у меня было, и хотел, чтобы так продолжалось. Кроме того, внешность имела значение. Люди судили тебя по ней.

А что еще у меня было?

Я припарковался в центре города и подошел к «Слепой свинье». Несколько человек выходили, когда я входил, и, прежде чем пройти, я придержал для них дверь открытой.

Эллен сразу меня заметила.

— Эй!

Она подошла к бару, перед тем как схватить меня в медвежьи объятия, и торопливо поцеловала меня в щеку.

— Большое спасибо. Кстати, ты хорошо пахнешь.

— Подлизываешься?

— Да. Но это так и есть.

Смеясь, она отпустила меня и бросила взгляд через плечо.

— Он сидит вон там, в баре. Мне его так жаль.

— И как зовут твоего русского сироту?

— Максим Матвеев, — сказала она с сильным акцентом.

— Подожди, он говорит по-английски?

На мгновение я запаниковал, что попал с кем-то, кто не поймет ничего, что я говорю. Мой русский язык был, мягко говоря, скучным. «Да». «Нет». «Водка». Я также знал слово «перестройка» благодаря классу истории в колледже, но я подумал, что это вряд ли пригодиться в разговоре.

— Да. Не волнуйся, ты сможешь сказать ему, чтобы вытер ноги, закрыл крышку унитаза и повесил полотенце на английском языке, и он полностью тебя поймет.

Я закатил глаза.

— Будь милым. Я думаю, он чувствует себя странно, принимая предложение. Он попытается сказать мне, как это нелепо.

— Это так.

Она показала мне рожицу, и я вздохнул.

— Идем. Представишь меня.

Она взяла меня за руку и потянула через толпу к бару.

Сначала я увидел его сзади. По крайней мере, я решил, что это он — он был единственным, кто сидел один. Светлые короткие волосы. Стройное, мускулистое телосложение. Он сидел ровно, выпрямив спину.

Эллен коснулась его плеча.

— Максим, это мой брат, Дерек.

Он повернулся лицом к нам, и даже в тусклом свете бара его глаза были поразительно голубого оттенка. Он выглядел моложе, чем я ожидал, и как-то менее... русским. Не знаю, чего я ожидал — Бориса Ельцина, может быть? — но не высокого, стройного блондина, который встал и протянул свою руку для рукопожатия. Только не кобальтовые глаза. Не остроугольный подбородок.

Я не ожидал увидеть его таким.

Я не ожидал ничего подобного.

Глава 4

Максим

Я был немного в шоке.

Этот мужчина был братом Эллен?

Она рассказала мне, что ему тридцать шесть, что он не женат, и о том, что не стоит волноваться, если он сначала будет немного грубоват.

Но она не упомянула, что он был чертовски привлекательным.

— Привет, — сказал он. — Приятно познакомиться.

Он протянул руку, и я пожал ее. Его рукопожатие было идеальным — теплым, сильным и достаточно долгим.

— Я слышал, что тебе немного не повезло.

Его голос был хриплым и немного резким. Он что-то сделал со мной. Что-то, что затрудняло смотреть ему в глаза.

Я забыл весь свой английский.

Слава Богу, Эллен пришла мне на помощь.

— Он может рассказать тебе всю историю позже — бедолага уже, должно быть, измотан. Но завтра мы все исправим. Все, что ему нужно сегодня, — это место для отдыха.

— Без проблем, — сказал Дерек.

Мне нравилось, как он стоял, широко расставив ноги и скрестив руки на груди. Он выглядел сильным и уверенным. Парень, которому было не стыдно за себя. Который проявлял инициативу и брал от жизни все. Я был так рад, что не стал спорить, что он не должен был оставлять меня на ночь.

Эллен мило улыбнулась ему.

— Ты самый лучший брат на свете. Самый дорогой мой человек.

— ...и самый большой простофиля, — проворчал он.

— Это тоже. Будь добр к нему, — сказала она, похлопывая его по плечу.

Она повернулась ко мне.

— Максим, увидимся завтра, хорошо? Не беспокойся ни о чем. Отдохни немного.

Эллен быстро обняла меня, и когда она меня отпустила, я наконец-то обрел дар речи.

— Большое спасибо вам обоим. Извините за беспокойство.

— Не беспокойся, — сказал он, и казалось, именно это и имел в виду. — Готов идти?

Я кивнул, схватив блокнот с фотографией Лилии с бара, и последовал за ним через толпу, выходя за дверь. Я не знаю, это из-за перелета, или кражи, или алкоголя на пустой желудок, или виной тому стала привлекательность старшего брата Эллен, словно удар под дых, но что-то немного выбивало меня из равновесия.

Давай, Максим. Возьми себя в руки.

В конце квартала мы остановились на перекрестке, ожидая зеленого света, чтобы перейти улицу. Я сделал несколько глубоких вдохов, надеясь, что прохладный ночной воздух немного проветрит мою голову.

— Итак... — Дерек посмотрел на меня. — Ты далеко от дома.

— Да, — ответил я. Казалось, он ждал, когда я продолжу, но мой язык чувствовался связанным в узел. Невозможно было подобрать правильные слова.

Свет изменился, и мы перешли улицу, идя бок о бок.

— Я припарковался в паркинге. На третьем этаже.

Я следовал за ним два лестничных пролета и до блестящего черного «Рендж Ровера». Даже его машина была великолепной. Он открыл двери и залез на водительское сиденье. Внутри было так же безупречно, как и снаружи. Я хотел сделать ему комплимент, но все, что я мог делать, это смотреть на его руки, когда он пристегивал ремень безопасности.

И в это время мой живот разразился одним долгим, громким и ужасным урчанием.

Наши глаза встретились, и выражение Дерека было удивленным.

— Ты голодный?

— Э. Да, — я неловко рассмеялся.

— Когда ты в последний раз ел?

Я вспоминал.

— Первый раз в самолете.

Он кивнул и завел машину.

— Неудивительно, что ты хочешь есть. Давай возьмем тебе еды.

— Не стоит беспокоиться об этом, — он уже оставил меня на ночь. Мне не хотелось, чтобы он еще и кормил меня. — Я в порядке.

— Максим, у тебя живот рычал как гребаная немецкая овчарка. Тебе нужно поесть. Не спорь.

Мне понравилось, как он произнес мое имя — это меня успокаивало. И, кроме того, моя мать учила меня, что было невежливым и оскорбительным отказываться от предложений еды и напитков.

— Окей. Спасибо.

Мы съехали вниз на улицу и выехали из гаража. Когда мы ехали через центр города, я на мгновение забыл о голоде и смотрел в окно, как зачарованный ребенок. Мы проезжали один старый кинотеатр за другим, и, разглядывая вывески, я чуть не свернулся себе шею.

— Эта улица невероятна! Что это?

— Это старый Бродвейский Театральный квартал, — сказал Дерек. — У него действительно классная архитектура двадцатых годов, хотя некоторые здания больше не являются театрами.

— Это выглядит именно так, как я в детстве представлял себе Калифорнию.

— Да?

— Да. Моя мать одержима голливудскими мюзиклами, поэтому мы с сестрой выросли на них.

— У тебя тоже есть сестра, да?

— Да, Лилия. Ей восемь лет.

Когда мы остановились на светофоре, я вытащил ее фотографию из своего блокнота и держал ее, чтобы Дерек смог посмотреть.

— Она намного симпатичнее моей сестры, — сказал он. — И, вероятно, гораздо меньше раздражает.

Я засмеялся.

— Не знаю. Мне кажется, твоя сестра довольно милая.

Мужчина покачал головой, снова ускоряясь.

— Она хорошая, я передам ей это. Она просто немного сумасшедшая.

Примерно через двадцать минут он свернулся на подъездную дорожку рядом с двухэтажным кирпичным домом с крыльцом и белой входной дверью. Дом был очень красивым, но не таким, каким я себе его представлял. Почему-то я представлял себе что-то более современное и мужественное для Дерека — квартиру с большим количеством стекла и металла и симметрично ровным фасадом или нечто подобное, а не что-то традиционное.

Это просто смешно. Ты его совсем не знаешь.

Он припарковался в гараже на заднем дворе, и я последовал за ним к задней двери. Дерек открыл ее и отошел в сторону, пропуская меня вперед. Я помедлил. Казалось неправильным заходить в чей-то дом первым, тем более что я был неожиданным гостем. Я посмотрела на Дерека, и между нами возник неловкий момент, когда никто из нас не знал, что делать.

— Окей, в таком случае...

Он вошел первым и включил свет, я вошел вслед за ним.

Первое, что я почувствовал, зайдя в дом Дерека, это как хорошо здесь пахло — свежестью, чистотой и немного деревом. Я глубоко вдохнул, когда он обошел меня, чтобы закрыть дверь.

— Что это за запах? — спросил я. — Это потрясающее.

Какой-то момент он выглядел растерянным, а потом принюхался.

— Я ничего не чувствую.

Положив ключи на полку, он снял обувь и аккуратно поставил к стене рядом с несколькими другими парами. Я тоже оставил свою около стены и пошел за ним на кухню.

Он включил подсветку и махнул в сторону круглого деревянного стола, окружённого четырьмя стульями.

— Присаживайся. Давай я включу свет и принесу тебе что-нибудь поесть.

— Ты правда не должен...
Он пригвоздил меня взглядом.
— Я знаю.

Мои внутренности скрутило. Это именно то, что Эллен имела в виду под «быть грубым»? Мне, вроде как, понравилось — устрашающий взгляд в его глазах, тон, каким он сказал, был утверждающим и не терпящий никаких возражений. Это было чертовски сексуально.

Дерек прошел сквозь арку, и в соседней комнате загорелся свет. Я огляделся, внимательно рассматривая все вокруг. Кухня выглядела как картинка в журнале, все из темного полированного дерева, от начищенного деревянного пола до темных кухонных шкафов, от светлых каменных стоек до стеклянного фартука зеленых оттенков. И была такая чистота! Все сияло: приборы из нержавеющей стали, мраморные стойки, даже зеленые яблоки в чаше на столе. Они вообще настоящие? Я наклонился, рассматривая их, и в это время Дерек вернулся на кухню.

— Ты, вероятно, очень голоден, раз решил есть пластик, но не стоит есть эти фрукты.

Я засмеялся, выпрямляясь.

— Я не был уверен, настоящие они или нет. Эта кухня может быть съемочной площадкой, она такая идеальная.

— Благодарю.

Он подошел к большой белой раковине и вымыл руки.

— Это был довольно интересный проект, но я доволен тем, каким он получился.

— Ты сделал это сам? — с удивлением спросил я.

— По большей части.

Он смыл мыло с рук и вытер их полотенцем, которое было сложено на полке.

— Вероятно, поэтому это заняло так много времени, но я никогда никому не доверяю, если хочешь сделать хорошо — сделай сам. Я немного помешан на контроле.

Я кивнул. Эллен говорила то же самое, пока мы ждали, когда он придет в бар, но я не думаю, что стоило упоминать об этом.

— Могу я воспользоваться ванной?

— Конечно. Это прямо там, — он указал на дверь из заднего зала.

— Спасибо. Сейчас вернусь.

Зайдя в ванну и закрыв дверь, я посмотрел на себя в зеркало, пытаясь представить, что видел Дерек, глядя на меня. Увиденное не очень радовало. Грязные волосы. Красные, уставшие глаза. Бледное лицо с болезненным взглядом человека, не спавшего и не евшего пару дней.

И мое сердце билось быстрее, чем обычно.

Хорошо, что он этого не видел.

Глава 5

Дерек

Он казался таким молодым.

Может так казалось потому, что он нуждался в помощи сегодня вечером? Но даже помимо этого, в нем было что-то непосредственное и милое. То, как он смотрел в окно машины на старые обветшальные театры. Волнение в его голосе, когда он говорил о поездке в Калифорнию. Он не вел себя как мудак после того, как его сумку украли в баре. Мне

было даже немного стыдно, что я так много ворчал о помощи ему. Бедный парень — какое паршивое невезение: ограбление, едва он сошел с самолета. Он, должно быть, измотан и голоден.

Голоден. Я имел в виду голод.

Не то, чтобы он был непривлекательным. Нужно быть слепым, чтобы не оценить идеальную симметрию его черт. Яркий оттенок его глаз. Точеную челюсть. Это был объективный факт — прохожие люди, скорее всего, обращали на него внимание. Нет ничего плохого в том, чтобы признать это. И в этом нет ничего греховного. И как человек, который не понаслышке знаком со спортом, я видел, что он держал себя в хорошей форме. Я не должен был чувствовать себя плохо из-за этого.

Нахмутившись, я сосредоточился на приправе для стейка, который достал из холодильника для Максима. Я разогрел немного масла на сковороде, и когда оно нагрелось, положил стейк. Он шумно зашипел.

Интересно, сколько ему на самом деле лет? Живет ли он в России? Был ли одинок? Как долго он пробудет здесь? Что происходило в его жизни там, что он принял решение уехать? Экономика? Политика? Меня давно так никто не интересовал.

Через пару секунд я услышал, как смывается туалет и включается вода в раковине.

Было немного странным находиться в доме наедине с другим мужчиной. Мне нравилось развлекаться с друзьями частыми ночных просмотрами кино или зваными ужинами, но я не задумывался о том, что это может быть только я и другой парень. Большинство моих хороших друзей были женаты еще с тех пор, как я купил этот дом. Но ни одна женщина не оставалась здесь на ночь. С Габриэль мы расстались еще до того, как получили ключи.

Я на самом деле был готов сделать ей предложение, когда она, как по щелчку, сделала выводы, что я на самом деле не люблю ее. Конечно, она не считала, что это внезапно — она чувствовала, что между нами была отдаленность в течение нескольких месяцев, и приняла решение больше это не игнорировать. Обрывки нашего последнего спора, подобно граду, пробились в мой мозг, — ее требования и упреки, мои вопросы и мольбы, а затем, наконец, печальное расставание.

- Будь искренен хоть раз.
- Зачем ты это делаешь?
- Ты не хочешь меня видеть.
- Выкинь это из головы.
- Здесь нет ничего настоящего.
- Что тебе надо?
- Я хочу большего.
- Мне больше нечего тебе дать.

Я пытался исправить это, пытался сделать из себя мужчину, которого она хотела, пытался почувствовать те вещи, которые должен был чувствовать. В итоге, я оцепенел. Я был опустошен и истощен.

В следующий раз будет лучше.

Нахмутившись, я вспомнил провал с Кэролин сегодняшним вечером. Она, в отличие от меня, не выглядела слишком обеспокоенной. Должно же быть что-то, что вызовет желание и создаст химию, но что? Я подошел к холодильнику и начал вытаскивать ингредиенты для салата: помидор, огурец, морковь, редис, салат. Пока я нарезал овощи, Максим вернулся на кухню и глубоко вдохнул.

— Как вкусно пахнет. У меня потекли слюни.

— Надеюсь, стейк готов.

Я положил немного зелени на тарелку, добавил ломтики помидоров и начал нарезать редиску.

— У меня был один размороженный, я как раз собирался приготовить его на ужин сегодня вечером, но все закончилось тем, что я уехал.

— Я бы, наверное, съел тарелку, на которую ты его положил, я так голоден, но да, я люблю стейки. Это так мило с твоей стороны. Спасибо.

Я ненадолго встретился с ним глазами и перевел взгляд на разделочную доску. Черт. Эти голубые глаза.

— Я не против. Мне нравится готовить.

— Я начинаю чувствовать себя счастливым, что меня не встретили в аэропорту. Я бы наверно не ел так хорошо, если бы поехал с ним.

Я закончил резать салат и перевернул стейк.

— Выходит, он просто не появился?

Он вздохнул, запустив руку в волосы.

— Да. Но я надеюсь, что это было всего лишь недоразумение. Эй, я могу зарядить свой телефон?

— Да. У меня есть зарядное устройство там на полке.

Я указал на то, о чем говорил, и он, достав свой телефон из кармана, подключил его.

— Спасибо. Не могу поверить, как мог забыть свое.

— Так бывает.

Я заметил, что он с любопытством заглядывал через мое плечо в столовую.

— Давай. Если есть желание, можешь осмотреться.

— Ты уверен? Не хочу показаться невежливым. Но твой дом такой классный.

— Я уверен. И спасибо.

Я достал бутылку вина из маленького холодильника под стойкой.

— Я хочу выпить вина. Присоединишься?

— Нет, спасибо. Я не очень люблю вино.

— Что-то другое? — вытаскивая из ящика штопор, спросил я. — Водка?

— Водку я тоже не очень люблю.

— Мне казалось, в России все пьют водку.

Я взял бокал из шкафа и поморщился.

— Извини. Наверное, это стереотип.

Но он улыбнулся.

— Многие русские пьют водку. Это может быть делом поколений.

Доставая пробку из бутылки, я не смог удержаться и спросил:

— Сколько тебе лет?

— Двадцать четыре.

Двадцать четыре. Боже. Я налил в бокал вина. Много вина.

— Я так понимаю, ты пьешь вино? — спросил он.

— Изредка. Я люблю виски.

Поставив бутылку, я снял стейк с огня.

— Иди осмотрись вокруг. Будет готово через несколько минут.

Он исчез в столовой, а я сделал хороший, длинный глоток.

Глава 6

Максим

Было очевидным, что Дерек имел хороший вкус и гордился своим домом. Он не был огромным или слишком роскошным, но был красивым и ухоженным. Каждая комната отличалась своими штрихами, которые делали его теплым и гостеприимным. Все, что я видел, — кухня, каждая комната, могли бы быть голливудской декорацией.

Стены столовой были окрашены в мягкий сине-серый цвет, длинный прямоугольный стол украшала блестящая серебряная чаша, полная белых цветов. Кроме того, была гостиная, застеленная белыми коврами, и вокруг большого дивана были расположены стулья и широкие кресла в нейтральных тонах.

На белой полке над кирпичным камином стояли фотографии в рамках. Я подошел поближе, чтобы их рассмотреть. Детская фотография Дерека и Эллен вызвала у меня улыбку. Он выглядел примерно лет на десять, она, может быть, вдвое младше. Другой мальчик, чуть ниже Дерека, стоял между ними, и я подумал, возможно, есть еще и третий брат. Все были в купальных костюмах и широко улыбались, щурясь на солнце. И у каждого из них отсутствовал хотя бы один зуб.

Больше было семейных фотографий, сделанных на выпускных и рождественских праздниках, с чьей-то свадьбы — возможно, брата? Похоже, что Дерек был шафером. Интересно, был ли Дерек когда-нибудь женат или, может быть, у него была девушка? Должна быть. Какой парень в его возрасте, который так хорошо выглядел и был, очевидно, добрым, умным и успешным, все еще одинок?

— Все готово.

Под звуки его голоса я повернулся.

— Я смотрел твои фотографии. Могу я спросить тебя о них?

— Конечно.

Он вошел в комнату и, засунув руки в карманы, встал рядом со мной.

— У тебя помимо сестры, есть еще и брат?

— Да. Дэвид. Он на два года младше, — он указал на их фото в официальных темных костюмах. Дэвид был высоким, как Дерек, но не таким красавчиком. — Это его свадьба три года назад. Он с женой и шестимесячным сыном Гэвином живут в Сан-Диего.

— Это он? — я жестом показал на фотографию, на которой Дерек держал ребенка на руках.

— Да. Это было на его крещении. Я его крестный отец, — в его голосе звучали нотки гордости, что вызвало у меня улыбку. — Итак, готов есть?

— Определенно.

Мы вернулись на кухню, где Дерек начал сервировать мне место за столом, в комплекте с льняной салфеткой, ножом для стейка справа и вилкой слева. Рядом стоял стакан с водой со льдом.

— Словно в пятизвездочном ресторане, — сказал я, когда сел, положив салфетку на колени. — Я чувствую себя в неглиже или что-то вроде того.

— Да нет. На самом деле у меня есть бумажные салфетки, но я ненавижу их.

Он поставил передо мной тарелку, и мне хотелось заплакать, как хорошо это выглядело — идеально выдержаный жареный стейк и свежий салат. Просто, но идеально.

Я тут же набросился на еду.

Дерек прибрался на кухне, а затем, взяв вино, сел за стол напротив меня.

— Обалдеть. Какой ты голодный.

Я застенчиво улыбнулся и отрезал кусочек последней оставшейся части стейка.

— Мои бабушка и дедушка выросли в трудные времена, и они научили меня никогда не покидать стол, пока я не доем все со своей тарелки, потому что ты никогда не знаешь, будет ли завтра возможность хорошо поесть. Но это очень вкусно.

— Стейк хорошо приготовлен?

— Идеально.

— Хорошо. Думаю, я должен был спросить тебя, понравилось ли тебе, как я прожарил.

Я на секунду замер с вилкой на полпути ко рту, прежде чем продолжить. *Не будь извращенцем. Он имел в виду стейк.*

— Мне нравится, как ты его приготовил, — заверил я его. Я не мог поднять глаза от своей тарелки и чувствовал неловкость, когда жевал. Я проглотил кусок слишком быстро, и пришлось сделать глоток воды, чтобы протолкнуть его.

— Это твоя первая поездка в США? — скрестив руки на груди, спросил меня он.

— Нет, вторая. Я был в Нью-Йорке три года назад.

— Как долго ты планируешь тут быть?

Я решил быть честным. В России считают невезением говорить о планах до их завершения, типа как слазить, но что-то в Дереке вызывало желание довериться ему.

— Я надеюсь навсегда.

— Правда? Ты надеешься иммигрировать?

— Да.

— Есть такая возможность? Я имею в виду, это законно?

— И, да и нет. Это сложно, — я закончил стейк и сделал еще один глоток воды. — Виза дает возможность остаться на полгода без проблем. А вот после этого мне придется что-нибудь придумать.

— Тебя это не беспокоит?

— Не совсем, — я пожал плечами. — Я сделаю все, что потребуется.

— Это будет непросто.

— Это, безусловно, будет тяжело. И, скорее всего, рискованно, но я не возражаю. Я люблю рисковать. У нас в России говорят: «*Kto ne riskuet, tot ne pyet shampanskoye*», что, я думаю, приблизительно переводится как: «Тот, кто не рискует, не пьет шампанское».

Он задумчиво кивнул.

— У нас говорят: «Нет мужества, нет славы». Хотя идея та же.

— Да, совершенно верно.

— У тебя много родственников в России? Ты не будешь скучать по ним? — он спрашивал с неподдельным интересом.

Я чувствовал угрызения совести, думая о своей матери, которая недавно развелась во второй раз и изо всех сил пыталась прокормить себя и Лилию.

— Безусловно, я буду скучать по своей семье. Я чувствую себя отвратительно, что оставил маму и сестру. Но мама знает, почему я хотел сюда приехать.

— И почему же? — он потянулся за своим вином.

— Я хочу быть голливудским сценаристом.

Он рассмеялся.

— Тогда, я думаю, ты находишься в правильном месте. Ты уже написал какие-нибудь сценарии?

— Начал около пятидесяти, но ни один из них не закончил, — признался я. — Мне хотелось бы получить несколько уроков здесь. Я брал некоторые онлайн, но считаю, что в

классе с учителем и другими студентами будет значительно лучше, особенно для моего английского языка.

— Твой английский уже чертовски хорош. Чем ты занимался в России?

— Спасибо. Я был техническим писателем нефтехимической компании (*прим. специалист по подготовке инженерной документации*). Это была нормальная работа, но не моя мечта. Что насчет тебя? Чем ты занимаешься?

Дерек выпил еще и поставил бокал на стол.

— Развитие коммерческой недвижимости для компании моего отца.

— Тебе это нравится?

— Да, наверное.

— Но это не твоя мечта?

Он пожал плечами.

— Я не знаю, мечта ли это, но точно не такая, как у тебя, — он криво улыбнулся, подняв брови. — Знаешь, я буду честен, я был удивлен, когда увидел тебя первый раз. Я ожидал кого-то абсолютно другого.

— В самом деле? И кого?

Он поежился, но потом начал смеяться.

— Как Борис Ельцин. В одной из этих пушистых русских шапок.

Я засмеялся.

— Каким разочарованием я стал.

Он улыбнулся, откидываясь на спинку.

— Нет.

Сердце в груди застучало немного сильнее. Было так приятно сидеть здесь, напротив него, быть единственным объектом его внимания, быть причиной его улыбок. Мне нравится его голос, как легко и непринужденно он откидывается на спинку стула, его морщинки, появляющиеся в уголках глаз, когда он смеется. Мне нравится его широкая грудь, полные губы и то, как он смотрит на меня прямо сейчас, как будто мы делимся секретом. Я хотел все это записать в блокнот, чтобы навсегда запомнить детали сегодняшнего вечера.

— Я должен отправить тебя отдыхать.

Поднявшись, Дерек взял мою тарелку и поставил ее в раковину. Я принес стакан, а он, все сполоснув, загрузил посудомоечную машину.

— Куда мне убрать салфетку? — держа ее, спросил я.

— О, вот сюда, — он забрал ее у меня и наши пальцы соприкоснулись. — Я брошу ее в стирку.

Он исчез в конце коридора. Через несколько секунд, Дерек вернулся на кухню и потянулся за меня, чтобы выключить свет. Какой-то момент мы стояли в темноте, и никто из нас не двигался. Он стоял достаточно близко, и я мог видеть, как поднимается и опускается его грудь, чувствовать его дыхание, в какой-то момент подумав о двух очень опасных словах — что, если?

Он прошел мимо меня.

— Ты очень устал. Пойдем наверх. Я покажу тебе твою комнату, а потом вернусь и выключу остальной свет.

Ничего не сказав, я прошел за ним через столовую, гостиную и вверх по лестнице. Я был настолько истощен, что мой разум играл со мной, заставляя меня думать о безумных вещах.

Потому что на секунду мне показалось, что Дерек собирается меня поцеловать.

Ложись спать, Максим. Ты бредишь.

На верхней части лестницы Дерек повернул налево.

— Гостевая ванная здесь, — сказал он, открыв дверь в коридоре и включив свет. — Полотенца тут, на раковине, и... — он открыл ящик и достал упаковки с зубной щеткой и пастой, — можешь использовать это.

Я стоял в ванной, разглядывая ее.

— Невероятно. В России, как правило, в квартире одна ванная комната для всех членов семьи.

— Звучит многолюдно, — он открыл дверь душа, проверяя. — Там шампунь и кондиционер.

— Спасибо.

Он начал выходить из ванной, и я отступил, чтобы пропустить его, но его плечо все равно коснулось моей груди. Мой живот стянуло — меня уже довольно давно никто так не привлекал.

— Ты можешь спать в этой комнате, — сказал он, открывая следующую дверь. Дерек вошел внутрь и включил свет.

В комнате была большая двуспальная кровать, аккуратно застеленная постельным бельем в полоску, прикроватные тумбочки, на которых стояли одинаковые светильники, темный деревянный комод под огромным зеркалом в раме. Так же, как и в комнатах внизу, присутствовали свои индивидуальные штрихи, которые делали гостевую спальню еще более уютной: картины на стенах, свечи, комнатные растения у окна, графин с водой на тумбочке, полдюжины подушек на кровати, одна из которых шептала о сладких снах.

— Здесь великолепно, — сказал я.

— Уверен, ты предпочел бы отель, но надеюсь, что тебе будет удобно.

— Не правда, — не соглашаясь с этим, я покачал головой. — Это намного лучше, чем отель.

Он пожал плечами, будто не поверив мне, и сунул руки в карманы.

— Нужно что-то еще? Если хочешь, я могу дать тебе что-нибудь, в чем спать. Или что-либо из одежды на завтра?

В обычной ситуации я бы сказал «нет», но перспектива носить что-то от Дерека была слишком заманчивой.

— Если это не слишком большая проблема. У меня ощущение, что я в этих вещах уже несколько дней.

— Никаких проблем. Просто дай мне минутку.

Он вышел из комнаты, а я продолжил стоять, чувствуя себя немного виноватым. Пару часов назад я даже не хотел принимать предложение остаться в его доме, а теперь соглашаюсь принять его одежду?

Тебе не нужна его чертова одежда. Останови его.

Но когда он вернулся в комнату и положил стопку одежды на кровать, мой пульс участился.

— Спасибо тебе.

— Дай мне знать, если тебе понадобится еще что-нибудь. Моя спальня прямо по коридору.

O, черт.

— Хорошо.

Он снова сунул руки в карманы.

— Завтра ты, наверное, захочешь подольше спать. Я рано утром иду в спортзал, но постараюсь тебя не разбудить. Я вернусь около девяти.

Я кивнул, но едва слышал, что он говорил. Я был слишком занят, пытаясь не думать о том, что его комната находится напротив.

— Если ты проснешься и захочешь позавтракать, найди себе что-нибудь на кухне, — его широкие плечи приподнялись. — Думаю, на этом все.

Не уходи пока.

— Дерек, еще раз спасибо за все.

— Без проблем, — он направился к двери. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Он закрыл за собой дверь, а я подошел к кровати и сел рядом с одеждой, которую он принес мне, положив на нее руку.

Я говорил себе, что он так добр ко всем.

Я говорил себе, что не особенный — я был просто одолжением сестре.

Я говорил себе, что выдумал напряжение между нами там внизу, в темноте.

Но я не верил этому.

Глава 7

Дерек

Я закрыл за собой дверь и остановился на мгновение, моя рука была все еще на ручке. Я обо всем подумал? Ему еще что-нибудь понадобится? Я ведь сказал ему про полотенца, да? Может, ему нужно дополнительное одеяло? Дезодорант? Бритва?

Какого черта тытворишь? Оставь уже его в покое.

Я отдернул руку с дверной ручки, как будто она обжигала меня, и спустился вниз. Закрыв заднюю дверь и установив сигнализацию, я шел через темную кухню и заметил на стойке рядом с его телефоном блокнот. Я взял его, борясь с желанием заглянуть внутрь. Что это было, дневник или типа того? Или сценарий? Любопытство боролось с моей совестью.

Положи его, кретин. Что бы это ни было, это личное.

Не отрывая от него взгляда, я вернул его на стойку. Может, он нужен ему наверху. А что насчет телефона? Ему он точно понадобится, не так ли?

Так. Стоп. Скорее всего, он уже спит.

Я могу тихо постучать.

Это может подождать до утра.

Но, возможно, он захочет позвонить своему другу сегодня вечером.

Это оправдание, и ты это понимаешь.

Нахмурившись, я стоял с чужим телефоном в руке несколько минут. Правда была в том, что меня тянуло к этому парню, и это было не только из-за его внешности. Притягивали его душевность и оптимизм. Его манеры. Его благодарность. Он поразил меня как человек, не воспринимающий вещи как должное, чем грешили многие американцы. Мне понравилось, что он приехал сюда, приняв решение изменить свою жизнь, оставив все и всех, кого он знал. Не потому, что он чувствовал, что имеет право на лучшее, а потому, что у него была мечта, и он был готов работать ради нее. Он был как будто из другой эпохи — часть поколения иммигрантов, которые приехали сюда, чтобы сделать эту страну такой, какой она была сегодня. У них, возможно, не было много средств, но у них была основа. Сила духа. Твердость характера.

Ладно, хорошо — мне понравилось, что он снял и аккуратно поставил обувь без моего предупреждения.

Но я беспокоюсь за него. Как он собрался жить тут? У него хотя бы есть деньги? Где он будет жить? Как он будет питаться? Мне хотелось защитить его, с того самого момента, как я пришел ему на помощь, теперь я был ответственен за то, чтобы убедиться, что с ним будет все в порядке.

Черт, не смеши меня. Ему двадцать четыре, а не двенадцать. Он не нуждается в тебе. Плюс, у него здесь уже есть друг.

Но посмотрим, как он сегодня подвел Максима. Насколько он может быть ответственным? Максим никого не знал здесь, так что, может быть ему и понадобится кто-то вроде меня, чтобы оказать помощь. По крайней мере, пока он не встретит новых друзей.

Это не займет много времени. Возможно, у него тоже скоро появится девушка. Конечно, может быть. Роскошная молодая блондинка с огромными голубыми глазами, как и у него. Плавные изгибы. Ноги длиной в милю. Они бы быстро влюбились друг в друга и сразу же поженились, что решило бы его иммиграционную проблему, и никто никогда бы не подумал, что он женился на ней, ради того, чтобы остаться, — было бы очевидным, что они без ума друг от друга. Они были бы чертовски идеальны вместе. Его мечта жизни станет реальностью. Прям сахарный сироп.

Я по-глупому был зол на все это.

Значит, действительно ничего существенного не произойдет, если я поговорю с ним еще пару минут, не так ли? В конце концов, как только завтра он уйдет, я, вероятно, больше никогда его не увижу. На этом все и закончится.

Я отключил зарядное устройство от розетки и через минуту стоял в коридоре наверху, слушая, как за закрытой дверью ванной работает душ. Я должен был просто оставить его вещи в комнате, где он их найдет, и пойти спать. Но нет. Вместо этого я стоял там, как гребаный шпион, представляя его голым под душем.

Сейчас же остановись. Это не нормально.

Вода отключилась, но я продолжал стоять. Я представлял, как он вытирается одним из моих полотенец, вешает его (да, в моих представлениях все вешают свои полотенца), берет мою одежду. Я подготовил ему пару спортивных штанов, чистую футболку, толстовку, а также пару новых носков и нижнее белье в упаковке, которые у меня были. Мне никогда раньше не приходилось одолживать свою одежду другому парню.

Господи, какое это имеет значение? Убирайся из коридора, пока он не открыл дверь и не застукал тебя стоящим здесь, чертов придурок!

Я поспешил в его комнату и положил блокнот и телефон на тумбочку, но у меня не получилось сделать это быстро. Максим вошел в комнату, когда я уже поворачивался к двери.

— Эй! — с удивленным выражением лица сказал он и провел рукой по мокрым волосам.

Его грудь была голой, а штаны держались низко на бедрах, так низко, что я мог видеть косые, V-образные мышцы его пресса. Хоть он и не был крепким, но каждая мышца резко выделялась. Мои глаза скользили по его коже, опускаясь все ниже. Глубоко внутри меня шевелилось что-то опасное.

Черт. Это было ошибкой.

Я заставил себя посмотреть вверх.

— Извини за беспокойство. Я просто... — я замолчал, не зная, как закончить свое предложение. — Я подумал, что тебе может понадобиться телефон и блокнот. Я положил их на тумбочку.

Он улыбнулся.

— Это так приятно, спасибо. Я как раз думал, что, наверное, стоит позвонить маме. Я быстро кивнул и, обходя его, пошел к двери, стараясь держаться подальше.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — повторил он.

Но я уже был на полпути по коридору.

Десять минут спустя, положив руки под голову и уставившись в потолок, я лежал в постели.

Я был зол на самого себя. Я должен сознавать то, что даже ненадолго, нельзя позволить этой позорной части меня всплыть. Все, чего я хотел достичь в жизни, зависело от сохранения тайны об этих похороненных запутанных желаниях. И разве я еще не освоил маскировку? Разве я не потратил годы, учась контролировать свои сексуальные наклонности? Разве мне не удавалось подавлять каждое запретное желание, которое у меня возникало, доходя до того, что я вообще ничего не чувствовал? Почему я позволил паре часов в компании одного красивого незнакомца разрушить меня?

Потому что желать — это хорошо.

Выдохнув, я закрыл глаза. Было хорошо от того, что он разбудил во мне эти темные и опасные стороны. Это заставляло чувствовать себя живым. Чувственным. Мужественным. Это вызывало у меня голод, жажду, желание. Даже сейчас Максим угрожал уничтожить мою оборону, когда моя правая рука скользила по верху моих штанов.

Потому что желать — это хорошо.

Член увеличивался внутри моего кулака, когда я представлял себе голую грудь Максима, тугой пресс, его тело. Ненавидя себя, я сдался.

Потому что желать — это хорошо.

Его кожа теплая и влажная от душа. Его рот решительный и ненасытный. Его руки сильные. Я хотел, чтобы они были на мне вместо моих собственных. Я хотел, чтобы он был моим. Я хотел быть жестким с ним, наказывая его за то, что он заставил меня испытывать это. Быть наказанным, в свою очередь, за то, что поддался этому чувству.

Потому что желать — это хорошо.

Моя рука двигалась — быстрее, сильнее, крепче. Мышцы живота сокращались. Я представлял нас вместе — два твердых, сильных, мускулистых тела, двигающихся друг на против друга — открытые, бесстыдные, непримиримые. Я слышал свое имя на его губах. Я пробовал на вкус его кожу. Я чувствовал, как его тело напряглось — или, может быть, это мое — напряжение внутри вытягивало из меня глухую злобу, которая все еще пыталась подавить желание, и если у нее получалось подавить позыв, хранить этот секрет, приручить животное, то сейчас все было обречено на провал, нет ничего сильнее, чем вожделение, в тот момент не существует такой великой силы, и все это вырывается из меня внезапным пульсирующим горячим потоком.

Мое сердце все еще гремит в груди, а живот липкий. Я лежал, надеясь, что не наделал никакого шума; хорошо, что между двумя закрытыми дверями есть коридор, чтобы скрыть его.

Через минуту я пошел в ванную, чтобы помыться, злясь на себя, что поддался фантазии, но решил оставить все позади. Что я сделал, было неправильным, но, в конечном счете, все было бессмысленно. Не нужно страдать или мучить себя. Я не был смущен, у меня был момент слабости, вот и все.

Но этот момент закончился, и я полностью контролировал свое тело, свое сознание, свои поступки.

Я не потеряю контроль снова.

Глава 8

Максим

Я проснулся с мыслями о нем. Засыпал я тоже, думая о нем.

Но это было естественно, верно? Я был одет в одежду этого парня, спал под его крышей, восхищался его щедростью. Это была благодарность, вот и все. Я был очень, очень благодарен. Это не имело ничего общего с тем фактом, что он был таким чертовски сексуальным, но в любом случае это не имело значения, потому что он был натуралом.

Я никак не мог перестать думать о том, как он вчера смотрел на меня после душа. Я возвращался в спальню в штанах, и то, как он шарил взглядом по моему телу, заставило меня чувствовать, как будто я забыл их надеть. Мне пришлось перепроверить, посмотрев вниз. В тот момент притяжение между нами казалось безошибочным. Но он так быстро выскочил из комнаты, что я не был в этом уверен.

Perestan' vydityuat', Maxim. Хватит воображать. Даже если Дерек был геем, а это не так, зачем ему интересоваться тобой?

Ему это не нужно. Потому что у него может быть, кто угодно. Умный, сексуальный и успешный, каким он был сам. Более зрелый. Состоявшийся в профессии. С университетским образованием, красивым домом и Феррари в своем гараже — может быть, даже двумя. Такой парень, которого он хотел бы, и тот парень, кого он заслуживает. А не какого-то бестолкового русского иммигранта, который даже не был уверен, когда и что он в следующий раз будет есть.

В любом случае, у меня было достаточно дел, чтобы не отвлекаться на Дерека. Я схватил свой телефон, чтобы узнать, написал или звонил ли Джейк, и увидел, что пришла голосовая почта от него.

Я включил, поднося телефон к уху.

— Эй, чувак, это Джейк. Я пытаюсь дозвониться до тебя, но твой телефон продолжает пересыпать меня на голосовую почту. Ты, наверное, уже едешь сюда. В любом случае... у меня сломалась машина в горах, и я застрял здесь еще на день или два, пока не отремонтирую ее. Извини, что я не смогу забрать тебя из аэропорта, но ты можешь взять такси и поехать прямо в квартиру. Это в Голливуде, я напишу тебе адрес. Мой друг Майк живет там и ждет тебя. Кстати, парень может помочь найти работу за наличные. Я пришлю его контактную информацию. Извини еще раз, что не смогу забрать тебя, надеюсь, доберешься нормально. Пока.

Я проверил свои сообщения и увидел, что Джейк написал адрес и поделился контактной информацией на Майка Джонса. Я быстро написал Майку, что я друг Джейка, который арендовал квартиру и должен был приехать сегодня. Также поинтересовался, есть ли вакансии на любую срочную работу за наличные. Я разговаривал ночью со своей матерью и после того, как она узнала о том, что случилось со мной (и потребовала информацию, был ли Дерек кинозвездой), она пообещала перевести мне мои сбережения в понедельник, когда будет работать банк. Надеюсь, Майк поможет с работой, которая позволит мне продержаться следующие пару дней.

Я положил телефон и открыл тумбочку, надеясь найти ручку. Конечно, там была ручка. И блокнот, и фонарик для книги, и книга со спичками (*прим. выглядит как книга, но когда открываешь твердую обложку, внутри оказывается отсек, в котором лежат спички*).

Я подумал, Дерек должен управлять отелем или еще чем-то. Он так хороши в этом. Но он, вероятно, безупречен и в своей настоящей работе. Он, наверное, во всем хороши.

Сидя в изголовье кровати, я открыл блокнот на пустой странице и записал все о нем, что вспомнил о прошлой ночи, о том, как чувствовал себя, сидя напротив него. Исписав страницу, я закрыл блокнот и положил его обратно на тумбочку.

Скатившись с кровати, натянул вчерашние джинсы, чистую рубашку и носки, которые он мне дал. Я никогда не носил чужую одежду. Это было удивительно интимно, что, конечно, было именно тем, чего я хотел. Я снова почувствовал себя неловко. *Перестань думать о нем таким образом.*

Я заправил кровать и оставил в изножье аккуратно сложенные штаны, в которых я спал. В ванной я еще раз воспользовался зубной щеткой и пастой, которые он оставил мне, и немного намочил волосы.

Спускаясь по лестнице, я почувствовал запах готовящегося завтрака и кофе. Мой живот жадно заурчал. Добравшись до кухни, я увидел у плиты Дерека. Когда я вошел, он посмотрел на меня через плечо.

— Доброе утро, — сказал он. Он недавно принял душ, его темные волосы все еще были немного влажные. Дерек был одет в джинсы и облегающую черную футболку, которая демонстрировала его мускулистые руки и спину.

— Доброе утро, — я старался не пялиться.

Он повернулся обратно к плите.

— Хорошо спал?

— Да. Более чем нормально.

— Я вижу, что одежда тебе подошла.

— Да. Я сейчас же верну ее тебе.

— Не торопись. Ты голоден? Хочешь позавтракать?

— Да, — признался я. — Пахнет восхитительно. Хотя ты уже накормил меня вчера, и мне совсем не хочется напрягать тебя снова...

— Это не так. Это всего лишь яйца. И как уже говорил, я люблю готовить для кого-то, — он начал заполнять две тарелки едой. — Наливай себе кофе. Там есть чашка для тебя.

Поблагодарив, я сунул телефон в карман и налил из кофейника кофе в пустую чашку. Я заметил, что его чашка была заполнена только наполовину.

— Тебе долить еще немного?

— Да. Спасибо.

Когда я доливал кофе, наши локти столкнулись, но он не отодвинулся. Я поставил кофейник и принес кофе к столу, устанавливая чашки с мыслью о «наших местах» прошлой ночью.

— Не позволишь ли мне накрыть на стол?

— Конечно. Салфетки в этом ящике, — он кивнул в сторону ящика возле бедра. — Столовое серебро — в крайнем правом.

— Понятно, — сказал я, открывая ящик с салфетками.

Каждый раз, когда я приближался к Дереку, мой желудок подпрыгивал.

Я положил салфетки и столовое серебро на стол, минуту спустя Дерек уже ставил тарелки. Я почти рассмеялся, когда увидел это. То, что он назвал «просто яйца», на самом деле было омлетом, полным овощей, хрустящими полосками бекона и двумя ломтиками свежей тыквы.

— Выглядит замечательно. Ты, должно быть, в прошлой жизни был шеф-поваром.

Он закатил глаза, когда мы сели.

— Ты говоришь, как Эллен. Не говори мне, что веришь в эту чепуху.
Я улыбнулся.

— Хорошо, не буду.

Он громко застонал, и что-то в этом звуке меня заводило.

— Ты не всегда веришь в то, что она делает? — спросил я, когда мы начали есть.

— Нет. Чтобы поверить, мне нужно увидеть. Ты нашел своего друга?

— Да. Он застрял в горах, потому что его машина сломалась, но он извинился и прислал мне адрес квартиры, которую снял для меня.

— Где это находится?

— В Голливуде. Идеально для меня, правда?

Он взял свой кофе и молча выпил. Поставив чашку обратно, он сказал:

— После завтрака я отвезу тебя.

— Я думал, Эллен...

— Я разговаривал с ней утром. Она, конечно же, забыла о том, что должна была сделать сегодня, поэтому я предложил отвезти тебя.

— О, — я почувствовал вину за то, что обрадовался занятости Эллен, но мне так понравилась перспектива провести с Дереком больше времени, даже если это была простая поездка на машине.

— Спасибо тебе. Ты уже столько для меня сделал. Надеюсь, это не помешает твоим планам.

Он не поднял глаз от своего завтрака.

— Ничего страшного. Я пригласил сегодня на ужин гостей, несколько своих друзей, но это будет позже. Так что времени достаточно, чтобы подготовиться.

— Ты уверен? — спросил я. — Из-за прихода гостей я чувствую, что слишком много отнимаю времени у тебя.

Он наконец-то встретился со мной взглядом.

— Это не так. Я хочу сам отвезти тебя.

Наши глаза встретились, и мои руки покрылись гусиной кожей. Ничего такого не было сказано, тем не менее, казалось, что мы обменялись чем-то большим.

Но потом он снова перевел взгляд вниз, и это чувство исчезло.

Глава 9

Дерек

Пока этим утром я был в тренажерном зале, наказывая себя особенно изнурительной тренировкой, позвонила Эллен и оставила голосовое сообщение, умоляющее меня о другом одолжении, — могу ли я сегодня помочь Максиму найти своего друга и отвезти его туда, куда ему было нужно?

По дороге домой, я перезвонил ей кучу упреков, хотя тайно не возражал. Мне искренне нравился Максим, поэтому я хотел убедиться, что у него все в порядке, плюс моя голова чувствовала себя утром намного яснее.

Это была темнота, которая добралась до меня прошлой ночью.

Позднее время.

Вино.

Одиночество.

Максим был очень притягательным. В нем было правильное сочетание факторов: он общался со мной и заставил анализировать, чего я хотел и чего не хотел. Сегодня все

будет по-другому. Я никогда не мог признаться в своих грехах вслух, но, по крайней мере, я мог бы искупить их, оказав ему помощь. И если бы я почувствовал хоть малейшее подозрение в том, что чувствовал прошлой ночью, я бы не позволил этому накрыть меня — я бы сопротивлялся.

А потом я увидел его в своей одежде и первое, о чем я подумал, это *снять ее. Не потому, что я не хочу, чтобы она была на нем, а потому, что я хочу надеть ее прямо сейчас на себя, почувствовать ее на своем теле, хочу чувствовать в ней его.*

Не совсем сопротивляющиеся мысли.

Но я собрался, держа свои желания в узде, даже когда он передвигался по моей кухне, как будто жил тут. Это было так приятно, что я мысленно начал разговор с собой. *Дело не в нем. Это потому, что тебе одиноко. Ты хочешь, чтобы кто-то разделил твою жизнь. Такой близости с кем-то. Тебе нравится заботиться о людях, а ему как раз это необходимо.*

Не смешивай это ни с чем другим.

Во время завтрака все было в порядке до тех пор, пока мы не встретились взглядом. Потому что каждый раз, когда мы это делали, я чувствовал, что невольно отдавал маленький кусочек своего секрета. Его влияние на меня нервировало. Я никогда не испытывал ничего подобного.

Темные, солнцезащитные очки. Это должно помочь.

В коридоре я взял пару с полки стеллажа и надел их.

— Готов идти?

— Да, — сказал он, показывая мне экран своего телефона. — Вот адрес.

Я немного поежился при мысли о квартире в этом районе, но для Максима Голливуд, вероятно, звучал как самый гламурный адрес в Калифорнии. Я не хотел ранить его чувства.

По дороге туда я спросил о планах.

— Мои планы на что?

Я взглянул в его сторону. Он выглядел совершенно беззаботным, хотя у него абсолютно ничего не было, кроме телефона, пакета с грязной одеждой и блокнота с его именем.

— Для того чтобы жить здесь. Ты должен был продумать план до того, как приехал, верно? Что ты будешь делать, как будешь жить.

— О? — он на мгновение замолчал. — В России мы говорим: «*Yesli khochesh' rassmeshit' Boga, rasskazhi yemti o svoikh planakh*» — это значит, если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах.

Я закатил глаза.

— Бог не спрашивает тебя. Только я. И я почти уверен, что Бог никогда бы и не спросил, он просто предоставляет возможности выбора, который ты совершаешь.

— Ну, у меня есть квартира. Я уже заплатил за первый месяц.

— И что, достаточно хорошая?

— Не знаю. Я никогда ее не видел.

Я нахмурился.

— Что ты имеешь в виду под «никогда ее не видел»? Ты сказал, что уже заплатил за аренду.

— Я должен был заплатить, чтобы быть уверенным, что получу ее. Джейк — тот парень, который должен был забрать меня вчера — сказал, что не так много квартир, за которые я реально смогу платить аренду, пока устраиваюсь тут.

— Ты заплатил за квартиру, которую никогда не видел? — я был шокирован, но Максим не выглядел слишком обеспокоенным.

— Да, — сказал он, пожав плечами. — Но кроме этого, у меня действительно нет плана. Потому что, несмотря на то, что я хотел переехать сюда на несколько лет, решение сделать это было вроде... я не могу подобрать слово. Как будет называться, когда ты что-то делаешь, не задумываясь вначале о том, что произойдет после этого? — он посмотрел на меня.

— Импульсивность?

— Да, импульсивность. Мое решение приехать сюда было импульсивным, спонтанным. Я не слишком много думал или говорил об этом.

— Это очень важное решение, чтобы так спонтанно его принимать.

— Так и есть. Но я думаю, что если все планировать в своей жизни, можно так сосредоточиться на плане, что не заметить всех других возможностей. Ты будешь игнорировать интуицию. А мне нравится следовать своей интуиции. Я думаю, если ты это делаешь, то всегда примешь правильное решение.

Я не был в этом слишком уверен. Я был человеком, который любил планировать и не всегда доверял своему чутью действовать в моих интересах. Внутренние инстинкты могут быть полезными, но они все еще были инстинктами, основанными на врожденном принуждении, а не на причинах или фактах. И у меня были весьма пугающие жизненные потребности.

Но я не хотел того, что было у Максима. Это была его жизнь, не моя.

— Хорошо, давай представим, что с квартирой все уложено. Что ты будешь есть? — я посмотрел через плечо, прежде чем перестроиться в другой ряд на дороге. — У тебя есть накопленные деньги или ты будешь пытаться искать работу?

— В конце концов, мне придется работать, но пока моя мать переведет мне мои сбережения. Это не займет много времени.

— Как долго это продлится?

— Всего пару дней.

— Пару дней? — я посмотрел на него. — Ты не сможешь прожить пару дней без еды, Максим.

— Я и не буду. Парень, который арендует мне квартиру, поможет найти работу за наличные.

Для меня это прозвучало обобщенно.

— Чем он занимается?

— Я не знаю. Но не беспокойся обо мне, правда. Ты и так сделал достаточно, — он протянул руку, как будто хотел дотронуться до моей руки, но потом отдернул ее. — Моя мама спросила, не кинозвезда ли ты.

Это заставило меня засмеяться.

— Серьезно?

— Да. По ее мнению, Голливуд кишит кинозвездами. Они на каждом углу. Также она думает, что все американцы любят оружие и каждый день едят в Макдональдсе.

— Э-э, нет и нет. По крайней мере, я не такой американец, — я на мгновение задумался. — Но не могу ее винить. Все, что я знаю о русских, — это стереотипы, не то, чтобы ты подходил к одному из них.

— Ты имеешь в виду, что мы все холодные, недружелюбные и никогда не улыбаемся? И с хмурым взглядом на жизнь сидим и пьем водку?

— На самом деле, да.

— Русские улыбчивые, мы просто не делаем это так часто, как американцы, как бы случайно, и мы определенно не улыбаемся незнакомцам. Мы не так открыты и дружелюбны с людьми, которых не знаем.

— Это так.

Он пожал плечами.

— Я буду учиться приспосабливаться.

— Так *какие* русские на самом деле?

— Хммм. Сердечные после знакомства. Щедрые. Неунывающие и находчивые, потому что жизнь заставляет быть такими. О, и мы абсолютно суеверны.

Мне понравилось, как он сказал «абсолютно». Он произнес второй «t» так же, как и первый, в то время как американец превратит его в «d».

— Да? И в чем?

— Практически во всем. Например, я понял, что забыл зарядку телефона по дороге в аэропорт Москвы, но вернуться туда было бы невезением. Русские считают, что никогда не стоит возвращаться домой за забытыми вещами.

— Серьезно?

— Да, и если ты вернешься за чем-то, ты должен посмотреть в зеркало, прежде чем выйти снова.

Я качал головой и смеялся.

— Это просто абсурд.

— Вот еще одно, — сказал он. — Ты никогда не должен использовать жесты рук на себе или на ком-либо еще, описывая что-то негативное. Например, если ты говоришь о страшном шраме на чьем-то лице, никогда не показывай жестами на своем собственном в качестве примера. И если ты сделаешь это случайно, тебе нужно стереть плохую энергию с лица и стряхнуть ее.

— Забавно. Боже мой, неудивительно, что вы с Эллен столкнулись. Вы оба сумасшедшие.

Но они оба заставляли меня смеяться. Они оба были бесстрашны, спонтанны и абсолютно уверены, что независимо от того, чтобы им жизнь ни бросала, они с этим смогут справиться. В глубине души я завидовал. У меня была сила и упорство, но иногда я задавался вопросом, сделал ли бы я другой выбор, если бы у меня была какая-то свобода или легкость Эллен. Или желание наплевать на то, что другие люди думают обо мне.

— Твоя сестра рассказывала мне вчера вечером о двенадцатилетних жизненных циклах, — продолжал Максим, — и то, что каждый цикл должен начинаться в новом месте, так что хорошо, что я приехал сюда сразу после двадцати четырех лет.

— Будь осторожным. Следующая удивительная новость, которую ты узнаешь от нее, будет у вас на одном из ее сумасшедших сеансов анализа сновидения, или она возьмет тебя, чтобы получить экстрасенсорные замеры. Полный бред.

Он изучал меня.

— Ты действительно не веришь ни во что, чего не видишь?

Я задумался.

— Это не так уж и много. Я имею в виду, я верю в Бога. Думаю, я просто верю в свободу воли над судьбой. Я не думаю, что что-то неизбежно — у тебя всегда есть выбор и твои убеждения направляют этот выбор. Если ты не хочешь, чтобы что-то случилось, ты не позволишь этому случиться. И если ты хочешь чего-то достаточно сильно, ты идешь за ним.

— Я с этим определенно согласен, — сказал Максим. — Вот почему я приехал сюда. Но мне также нравится верить, что некоторые вещи предначертаны. Что некоторые

моменты обязательно произойдут, несмотря ни на что, и никакая сила их не остановит. Мы не можем это контролировать. Даже чувства иногда находятся вне нашего контроля.

Черт возьми, да, так и есть.

— Но наши действия — нет, — утверждал я. — Ощущение чего-то не означает, что ты должен действовать под его влиянием. Если бы все вокруг делали то, что чувствовали, мы бы жили в полном хаосе.

— А хаос — это бардак.

— Да.

— И тебе не нравится беспорядок.

Я взглянул на него боком, а потом посмотрел прямо. Для кого-то, кого я встретил менее двадцати четырех часов назад, это было чертовски интуитивно. Это меня немного раздражало.

— Нет.

— Я понимаю, — он замолчал на мгновение, затем снова заговорил. — Я восхищаюсь твоей дисциплиной и самоконтролем. Я, наверное, мог бы также. И мне не нравится платить за квартиру, не видя ее, но какой у меня был выбор? Я больше всего на свете хотел приехать сюда. Я был готов рискнуть.

Я немного смягчился. Максим был молод — я должен был это помнить. Я даже завидовал некоторому безрассудству, которое просто не понимал. Многие в его возрасте ошибаются и учатся на своих ошибках. И я не мог винить его за это.

— Я понимаю. Тебе просто нужно еще немного набраться опыта. Быть практическим. Планировать заранее. Рассмотреть все возможные последствия, прежде чем рисковать.

— Я постараюсь, — сказал он. — Я действительно хочу, чтобы моя жизнь здесь состоялась.

И до того, как я понял, что сказал, слова сами вылетели из моих уст.

— Я буду помогать тебе. Я могу тебе с этим помочь.

Я пожалел, что это сказал, не потому, что он мне не нравился или я не хотел, чтобы он преуспел, а потому, что я не был доволен тем, что он заставлял меня чувствовать. Я думал, что проявление доброты к нему заставит меня чувствовать себя менее подавленным из-за прошлой ночи, но это не так. Даже находясь в машине с ним, я был на краю — в салоне «Рендж Ровера» вчера я чувствовал себя совершенно свободным, с Максимом на пассажирском сиденье я чувствовал себя уютно. Я постоянно ощущал, насколько он близок. Моя кожа вибрировала рядом с ним.

Все, чего я должен хотеть, это отвезти его в съемную квартиру, пожелать всего хорошего и выкинуть из головы.

Адрес, который мне дал Максим, был старым двухэтажным зданием в паре кварталов от голливудской автострады. Я нахмурился, когда мы подъехали. Ни один уважающий себя житель Лос-Анджелеса не захотел бы жить в этом районе. Тут были только туристы, бездомные и ужасные пробки. Само здание было похоже на бункер времен Второй Мировой Войны с обвалившимся фасадом и выжженной лужайкой.

— Ты уверен, что это тут? — спросил я.

— Да. Выглядит неплохо, не так ли?

Ты издеваешься? — размышлял я, но ничего не сказал, когда он выскочил из машины. Кто знал, какими были его условия жизни в России? Может, это место для него было похоже на дворец.

Спокойно.

— Как долго ты планируешь оставаться здесь? — я вышел из машины и закрыл дверь, убедившись, что запер ее. — Это не самый благоприятный район.

— По крайней мере, на некоторое время, — он оглянулся вокруг парковки. — Я надеюсь, что близко к общественному транспорту. Это мне понадобится.

— Общественный транспорт? Здесь ты не доберешься слишком далеко на общественном транспорте.

— Нет? Я думаю, что тогда мне придется ходить пешком.

Я смотрел на него.

— Максим, это Л.А. (*прим. принятое сокращение города Лос-Анджелес*), никто не ходит пешком в Л.А., разве ты не слышал эту песню?

Его лицо ничего не отражало.

— Нет.

Я глубоко вздохнул, почувствовав, как поднимается давление. Как это возможно, что кто-то делает такой ответственный шаг, как трансатлантический перелет, совсем не имея детальных планов? Может он был одним из тех людей, которые верили, что всё само как-нибудь сложится? Кто преуспел исключительно на инстинктах, решимости и обаянии? Может быть, Максим действительно был на грани достижения американской мечты, но у меня было плохое предчувствие от этого места. В то время как я пытался решить, как помочь ему, не слишком втягивая свои чувства, он протянул руку.

— Эй, спасибо, что подвез меня. И вообще, за все. Я не забуду это.

Я ответил на рукопожатие, не обращая внимания на жар, который перешел в мою руку от соприкосновения наших ладоней.

— Ты уверен, что с тобой будет все в порядке? Может, мне стоит подождать? Убедиться, что это нормальное место.

— Нет, — его голос был твердым. — Ты уже достаточно сделал для меня. И я постараюсь вернуть одежду как можно быстрее.

— Оставь ее, — мне понравилась мысль о нем в моей одежде. Я мог позволить себе эту маленькую прихоть, может быть, даже подать ее под видом благотворительности, так как у него было так мало вещей.

Мы мгновение смотрели друг на друга, и я был рад, что на мне были солнцезащитные очки. Чтобы не говорить и не делать то, о чем я бы пожалел, я засунул руки в карманы.

— Ну. Удачи.

— Спасибо. Увидимся. Я надеюсь.

Улыбнувшись напоследок, он повернулся и пошел к входу.

Он успел отойти где-то на десять футов.

— Максим! — я побежал, чтобы догнать его, несмотря на то, что каждый инстинкт в моем теле говорил мне идти, бл*ть, к машине и ехать домой. — Позволь мне все-таки остаться и убедиться, что ты в порядке, — это было разумно, верно? Это то, что сделала бы Эллен. Бывают ведь самые разные чудики. А что если адрес был неправильный?

— Ты можешь, если хочешь, но это не обязательно.

— Я буду чувствовать себя лучше, если сделаю это. Эллен никогда не простит меня, если у тебя что-то пойдет не так, — пошутил я. К тому времени, как мы добрались до двери, я старался убедить себя, что делаю это для Эллен.

Дверь открылась на лестничную клетку, которая сразу же поразила меня — угроза безопасности. Что, любой мог просто войти?

— Квартира 202, — сказал Максим, поднимаясь по лестнице и глядя в свой телефон.
— Второй этаж.

На втором этаже мы вошли в темный коридор, в котором пахло застарелой жареной едой. В моем желудке все перевернулось.

Комната 202 была прямо напротив лестницы. Дверь была приоткрыта, и Максим постучал, прежде чем полностью открыть и толкнуть ее.

Воздух внутри был туманным, а освещение тусклым, поэтому мне потребовалось время, чтобы присмотреться. Первым человеком, которого я увидел, был коренастый, темноволосый парень в белой майке, курящий на кухне, которая была справа от одной из больших комнат. На противоположной стороне комнаты на потрепанном диване сгорбились, глядя в свои экраны телефонов, несколько человек. Одна из двух девушек поздоровалась, а другая помахала, но парень даже не поднял голову. Он был весь в своем ноутбуке, покрытым наклейками. Телевизор стоял на полу, настроенный на CNN, хотя никто, казалось, его не смотрел. Квартира вся провоняла застоявшимся сигаретным дымом.

— Он не сказал мне, что вас двое, — сказал парень в майке.

— Нет. Мой друг просто провожает меня, — ответил Максим. — Ты, Майк?

Парень кивнул.

— Приятно познакомиться. Эта квартира? — спросил Максим.

Мне было интересно, молился ли он, как и я, чтобы парень сказал «нет».

— Да. Посмотри там в коридоре, твоя комната слева, — Майк ткнул сигаретой в другую сторону. — Ванная прямо там, но сейчас там кто-то есть.

— Сколько людей здесь живет? — спросил я.

— Сейчас шесть.

— Шесть? — у меня отвисла челюсть, и я снова оглянулся. Не может быть, чтобы это место было настолько большим для шести человек. — И где все спят?

Майк пожал плечами.

— Где придется. Пойдем, я покажу тебе комнату.

Мы следовали за Майком из кухни и по коридору. Когда я шел, то чувствовал что-то вроде песка, хрустящего под моими ногами. Майк толкнул дверь, которая выглядела так, как будто ее постоянно пинали, и вошел в комнату. Я стоял за спиной Максима в дверном проеме, заглядывая ему через плечо.

Она была крошечной и тесной. В ней было одно окно, выходящее на стоянку, голый двуспальный матрас на полу и сломанный комод с провисающими ящиками. Каждая доступная поверхность была покрыта пылью и грязью, а краска на стенах цвета зеленой мяты облупилась. Мое левое веко начало дергаться. Какого черта я настоял на том, чтобы увидеть это место?

— Что за ней? — спросил Максим, указывая на дверь напротив нас.

— Эта дверь ведет в мою комнату, — сказал Майк. — Но не волнуйся, я постараюсь не будить тебя, когда буду приходить и уходить.

— Подождите минутку, — я поднял одну руку. — Вы должны пройти через эту комнату, чтобы добраться до своей?

— Да, — сказал Майк, как будто тут не было ничего страшного. — Раньше тут был гардероб.

Затем он указал на матрас, скомканный и покрытый пятнами.

— Это твое, если хочешь. До этого здесь жила девушка.

По полу бежал таракан, и Майк топнул по нему ботинком.

— Бл*дь. Надо тут привести все в порядок, — бросил он нам и пошел по коридору.

Пока я боролся с совестью, Максим зашел в комнату и осмотрелся. С одной стороны, Максим не был щенком, которого мне нужно было спасти, — он был взрослым человеком, который вполне способен позаботиться о себе. И снова вернуться со мной домой было плохой идеей по многим причинам. Но, неужели я смогу оставить его в этом

прокуренном клоповнике, дыре, с потрепанным диваном и грязными полами, где совершенно незнакомый человек марширует через его спальню несколько раз в сутки, и один грязный матрас для сна? У него даже не было простыней! Я вздрогнул при мысли об этом.

— Максим. Ты не можешь здесь оставаться.

— Другого выхода нет, — он смотрел на шелушащуюся краску и голый матрас.

— Всегда есть другой вариант. Ты можешь остаться у меня, пока не получишь свои сбережения, — *два дня. Я могу справиться с этим, верно?* — Ты сможешь найти что-то лучше этого?

— Я так не думаю. Мои сбережения не так велики, а мне нужно еще купить ноутбук. Хотелось бы еще сэкономить деньги на занятия по сценарию, — он покачал головой и спокойно заговорил. — Дерек, ты сделал для меня очень много. Я ценю твое предложение, но это то, что я сейчас могу себе позволить, так что тут я и буду жить. Со мной все будет в порядке.

Майк снова вошел в комнату с пачкой бумажных салфеток в руке, которые использовал, убирайая грязь от таракана.

Я выдохнул, прикрыв ненадолго глаза.

Просто убирайся отсюда. Он не под твоей ответственностью. Он импульсивно сделал выбор приехать сюда, теперь пусть сам разбирается с последствиями своих действий.

Но я не мог заставить себя уйти.

— Ну, в чем дело? Ты остаешься или нет? — раздраженно спросил Майк.

— Да, — сказал Максим.

— Нет, — встретившись с ним взглядом, демонстративно расправил я плечи.

Его глаза расширились.

— Спасибо тебе за все, Дерек, но мне не нужна твоя помощь.

— Я знаю, что это не так. И ты примешь ее. А теперь пойдем, — я повернулся и зашагал так быстро, как только мог, из квартиры, через вестибюль и входную дверь, глотая свежий воздух.

Ублюдок. Что же я творю?

Глава 10

Максим

Я мог сопротивляться. Я почти это сделал.

Я знал, что новая квартира будет своего рода вызовом, когда принял решение ехать сюда. Я не боялся этого. И мне совсем не хотелось, чтобы Дерек думал, что я не справлюсь сам. Не хотел, чтобы он чувствовал, что мои проблемы стали его проблемами. Не хотел, чтобы он видел во мне того, кого нужно было спасать от проблем, потому что я с ними не могу справиться самостоятельно.

Но, черт возьми, даже если бы я не последовал за ним, я бы все равно ушел из этой квартиры. Я оправдывал это, говоря себе, что только дурак позволит своей гордыне держать себя в ловушке в такой грязной дыре, но в глубине души я осознавал другое.

Правда была в том, что мне нравился Дерек. Мне нравилось, как он контролирует ситуацию. Острота его хриплого голоса. Решительный взгляд, когда он хотел сделать что-то по-своему. И когда я смотрел на его жизнь, видел того, кто все делал правильно. Он знал, чего хочет, и шел к этому. Я понимал, что должен учиться этому у него.

Я догнал его у лестничного пролета.

— Эй, — сказал я. — Ты не должен этого делать.

— Возможно, — он снова надел солнцезащитные очки. — Сколько ты заплатил за этот кусок дерьяма?

— Четыреста долларов.

— Забери их обратно. За половину этого я сдам тебе комнату для гостей на две недели.

Он пошел к стоянке, и я последовал за ним.

— Я заплачу все четыреста, — принять его щедрость было легко, но я хотел внести свой вклад. Моя гордость требовала этого.

— Ты не можешь сейчас себе это позволить, Макс. Доверься мне. Я знаю, сколько здесь стоят приличные квартиры.

— В конце концов, потом я оплачу все, — утвердительно ответил я, немного отвлекаясь на то, как он сократил мое имя. Это предполагало дружеское общение, даже близость. Мне понравилось.

Мы добрались до машины и сели.

— Сколько у тебя сбережений? — спросил он.

— Около двух тысяч долларов.

Прищурившись, он посмотрел на меня.

— Нам нужно найти тебе работу.

— Несомненно. Я это и планировал сделать.

— Ты не говорил этого, когда я спрашивал тебя о твоих планах, — нахмутившись, сказал он.

— Потому что, если бы я сказал об этом вслух, — признался я, — это могло бы не произойти.

Его выражение лица стало еще более озадаченным, а затем подозрительным.

— Опять проблемы русских?

Я почти улыбнулся.

— Да.

Выдохнув, он включил двигатель.

— Рискуя испортить тебе ауру или еще что-то в этом роде, я посмотрю, смогу ли помочь тебе найти что-нибудь. У Эллен в баре может быть для тебя работа.

— Я хотел бы работать на Эллен. И у меня есть некоторый опыт работы в баре.

— Отлично, — сказал он, вливаясь в движение. — Хотя ты знаешь, какая Эллен. Она утверждает, что нанимает людей на основе их аур, а не их резюме. Как твоя аура?

— Я надеюсь, довольно хорошая? — засмеялся я. — Хотя не совсем понимаю, что такое аура.

— Я тоже, — он покачал головой. — Но каким-то образом до сих пор с ней это срабатывало. В баре все в полном порядке.

— Это замечательно.

— Это так. Я рад за нее. Какое-то время я волновался, что она никогда не устроит свою жизнь. Назови профессию, и она в момент хотела ее: космонавт, циркач, ветеринар, балерина, стюардесса. Она хотела попробовать всё. Совершенная противоположность мне.

— Но вы так хорошо ладите.

— Стараемся, — размышлял он. — Это забавно, потому что наш брат, Дэвид, как бы противоположность нам обоим. Он никогда не хотел работать в семейном бизнесе, потому что не хочет иметь ничего общего с корпоративной культурой. Говорит, что у него не

хватает смелости для переговоров. Но он всегда был сосредоточен на изучении морской биологии и на том, чтобы стать профессором.

— Профессор. Классно.

Дерек пожал плечами.

— Он кажется счастливым, особенно сейчас, когда женат и имеет ребенка. Я бы хотел, чтобы они жили ближе, хотя он, вероятно, рад удаленности от моих родителей. Он не очень хорошо ладит с отцом.

Я не знал, что сказать. Любопытство разъедало меня, но я ничего не спрашивал. К счастью, Дерек говорил дальше.

— Ничего особенного, они просто очень разные. Наш папа был жесток с нами, когда мы росли. Очень религиозный и требовательный. Но всегда очень гордился нами, когда мы оправдывали его ожидания. Яправлялся с давлением лучше, чем Дэвид.

Я кивнул, принимая все это.

— Ваша семья религиозна?

— Мои родители. Нет, на самом деле, нет. Но я ходил в католические школы. Я был послушником и все такое. Я не всегда соглашуюсь со всем, что говорит и делает церковь, но, когда у тебя есть догмы, закладываемые в тебя так долго, дома и в школе, некоторые из них остаются с тобой, хочешь ты этого или нет.

— Ох.

— Мне нравятся некоторые из основных идей, — продолжал Дерек, — ценность человеческой жизни, важность семьи и общества, обязательство помогать другим.

— Я могу однозначно подтвердить, что ты и твоя сестра любите помогать другим.

Его щеки окрасились, он казался немного смущенным от комплимента.

— Что насчет твоей семьи? Вы близки?

— С мамой, да. Своего отца я едва знаю.

— Серьезно?

— Да. Он и моя мать были очень молоды, когда я появился у них, и вскоре он ушел.

— А что насчет твоей сестры?

— У нас разные отцы. Но этот парень тоже сбежал.

— Черт. Думаю, у твоей мамы есть типаж выбора определенных мужчин.

— Да. Но я чувствую себя ужасным сыном. Я думаю, она всегда хотела идеальную семью.

Он ничего не ответил. Возможно, он думал о том, что она должна была быть более благоразумнее, способной контролировать свои чувства, не поддаваться им, когда было ясно, что она не будет счастлива. Но на самом деле я этого не понимал — как ты можешь воздействовать на свои чувства? Что еще можно было предпринять?

Через несколько минут мы подъехали к его дому.

— Черт возьми, — сказал он, замедляясь и снижая скорость.

— Что случилось?

— Я просто заметил, что озеленители еще не показывались. Они должны были прийти сегодня утром. Не знаю, почему я даю этим засранцам второй шанс.

— Что нужно сделать?

Дерек издал какой-то звук.

— Все. Я, конечно, могу делать кое-что из этого, я унаследовал с домом эти гребаные розовые кусты, которые требуют более высокий уровень обслуживания, нежели чем красивая женщина. И если бы мне не нравилось, как они выглядят, я бы вырвал их к черту.

— Я могу позаботиться об этом.

Он смотрел на меня, как на сумасшедшего.

— У тебя и опыт озеленения тоже есть?

Я пожал плечами.

— У меня было много разных работ. В детстве я проводил каждое лето в загородном доме бабушки и дедушки и помогал ухаживать за садом. И да, у нас были розы. Моя бабушка обращалась с ними как с младенцами.

— У вас есть *розы* в России?

— Да, Дерек, — я смеялся, наслаждаясь ощущением его имени на языке. — Там не все время снег и лед. У нас даже бывает солнце и тепло летом.

— Извини, — поморщился он, въезжая в гараж. — Я обещаю исправить свои предвзятые представления о том, откуда ты родом.

— А я обещаю помочь тебе здесь и потом, через две недели, убраться с твоего пути.

Дерек отключил машину.

— Ты не стоишь у меня на пути.

Мы сидели в затемненной машине, и я думал, что он еще что-то скажет, но он промолчал.

На заднем дворе были клумбы и сад. Дерек, нахмурившись, остановился на подъездной дорожке и посмотрел на часы.

— Черт, уже два часа, а я еще даже в магазин не съездил. Скорее всего, сегодня вечером у меня не получится использовать внутренний дворик. Здесь все такое заросшее.

В действительности, это не было так, двор на самом деле выглядел очень ухоженным, и внутренний дворик был красивым. Но я знал, что для Дерека не было такого понятия, как «достаточно хорошо» — все должно быть идеально.

— Я могу все это сделать. Честно. Просто покажи мне, где все, и за несколько часов я все сделаю.

Он посмотрел на меня искоса.

— Ты уверен?

— Уверен. Мне нравится такая работа и с руками у меня все в порядке.

Солнцезащитные очки закрывали его глаза, но небольшой наклон головы позволил мне подумать, что он посмотрел на мои руки после того, как я сказал это. Через секунду он прочистил горло.

— Хорошо. Работа твоя. Я вычту из твоей арендной платы.

— Нет. Это помощь, Дерек, — сказал я, когда мы направились к дому. — Я все равно заплачу полную арендную плату.

Толкнув, он открыл заднюю дверь.

— Как угодно. Но тебе также понадобятся деньги на одежду.

О, да. Я вроде как забыл об этом. Пока я пытался найти решение, он продолжил.

— Давай пока не будем беспокоиться об аренде, хорошо? — он положил свои ключи и солнцезащитные очки на полку и снял обувь. — Когда твои деньги будут у тебя, мы сможем поговорить. Я помогу тебе с бюджетом. И мы найдем тебе работу, чтобы ты мог начать экономить на занятиях.

Я снял обувь и пошел за ним на кухню.

— Это звучит идеально. Я не знаю, как тебя благодарить.

Полная ложь. Я мог бы придумать множество способов отблагодарить его.

Он прислонился к стойке и достал свой телефон.

— Оплатишь как-нибудь потом.

— Окей, — отвернувшись от него, я снял толстовку, которую он одолжил мне, и повесил ее на спинку стула. На улице было достаточно тепло, и она мне не понадобится.

Когда я закончу работать, надо будет спросить, где можно будет помыть инструменты, а затем оставаться вне поля зрения во время его вечеринки. — Я собираюсь начать.

— Инструменты в гараже, — не поднимая глаз от своего телефона, сказал он. — Я выйду через минуту. Я просто просмотрю список покупок.

— Хорошо, — я снова обулся и, не сдерживая улыбки, вышел через заднюю дверь на солнце.

Все это уже казалось новой жизнью.

Глава 11

Дерек

Я смотрел в телефон, пока не понял, что Макс вне моего поля зрения.

Потом я выдохнул.

Это будет нелегко, если он будет рядом две недели. И все же... это будет совершенно легко. Даже приятно. Это был мой самый сумасшедший поступок — я чувствовал себя комфортно с Максимом во многих отношениях. С ним было легко разговаривать, он заставлял меня смеяться, он был интересным, веселым и... *другим*. Мне нравилось слушать о его жизни в России. Это давало мне некоторое представление о том, почему он был именно таким, каким был.

Стало некомфортно тогда, когда мое тело отреагировало на него. Заминка в дыхании. Стеснение в груди. Жар в моей крови. Провокация того, что существовало во мне, — желать и не волноваться о последствиях.

Это было безумием, что я не мог всего этого чувствовать с кем-то вроде Кэролин, которая во всем была идеальна для меня. Почему именно Максим, а не она, разжег во мне этот огонь? Что в нем такого, что позволило мне выйти из-под контроля? За что меня так наказывают?

Как магнитом меня притянуло к стулу, где висела толстовка, которую я одолжил ему. Взглянув на раздвижную стеклянную дверь во внутренний дворик, я увидел его, стоящего у розовых кустов. Солнце золотом сверкало в его волосах. Я взял толстовку и поднес ее к лицу.

Она была еще теплая от его тела.

Я медленно вдохнул. Мыло. Кондиционер. Но также было что-то еще. На конце моего глубокого вдоха был пьянящий мужской запах его кожи, и, прикрыв глаза, я держал его в легких как в плену.

Ты внутри меня.

Мой разум наслаждался запахом. Я представил свои губы на его коже, руки на его спине, свою грудь напротив его. Он был горячим, сильным, твердым и...

Два быстрых стука в стеклянную дверь заставили меня вздрогнуть, мои глаза открылись, чтобы посмотреть на Максима, который стоял на террасе, отвернувшись в другую сторону. Я сразу же опустил толстовку на стул и отодвинул дверь.

— Эй.

Он посмотрел на меня, его лицо было бесстрастным.

— Эй. У тебя есть перчатки?

— О, да, — мое лицо, наверное, было пятидесяти гребаных оттенков красного. Но он ничего не видел, верно? — Будут прямо сейчас.

Снова надев обувь и пройдя в гараж, я стал рыться на полках своего верстака. Где, черт возьми, были эти перчатки? Я знал, где в этом гараже что находится, так почему,

бл*дь, я не мог их найти? Мой разум был мутным от смятения и стыда. Он видел, что я делаю? Нет, скорее всего, не мог. Он даже не смотрел на меня, когда постучал. И даже если и так, он знает, как я отношусь к порядку. Он, наверное, мог решить, что я собираюсь повесить толстовку куда-нибудь или отнести ее в его комнату.

Мой пульс замедлился, и я вспомнил, где были перчатки. Я достал их с полки и на секунду скользнул в них руками, сжимая и разжимая кулаки.

— Нашел? — со стороны спросил Максим.

— Да, — быстро стащив их, я направился к выходу, щурясь от солнечного света. Я забыл надеть солнцезащитные очки. — Вот, пожалуйста.

Я вручил ему перчатки и наблюдал, как он их надевал, заполняя пальцами пространства, которые еще минуту назад заполняли мои.

Это было почти так, как прикасаться к нему.

* * *

— Эй, — я перехватил телефон левой рукой, а правой потянулся, чтобы взять пару лимонов.

— Привет, большой брат. Как все прошло сегодня с нашим русским сиротой? Кстати, еще раз спасибо.

— Без проблем. Это было, эм, увлекательно, — Я прихватил несколько лаймов, на случай, если кто-то захочет их для коктейлей.

— Ты его отвез?

— И да, и нет.

— И да, и нет?

Прищурившись, я сканировал пучки трав, выбирая из них тимьяна.

— Я отвез его на квартиру, в которой он должен был жить, но не смог его там оставить.

— Почему нет?

— Это было ужасно.

Эллен рассмеялась.

— Например, сиденье унитаза было поднято? На полу были влажные полотенца? Крошки печенья на полках?

— Нет, кишащий тараканами, отвратительно вонючий, в грязных пятнах матрас, даже-если-вы-заплатите-мне-миллион-долларов-я-все-равно-не-останусь-тут-так-омерзительно.

Женщина, выбирающая овощи справа от меня, ужаснулась и отошла.

Моя сестра ахнула.

— Серьезно? Так он не остался?

— Нет, он был в полном порядке. Я имею в виду, не был, конечно, он не был в порядке, но он сказал, что все нормально, это то, что он мог себе позволить, и это было только временно.

— Погоди, я думала, он остановился у друга, который не появился прошлой ночью.

— Нет. Этот парень собирался подвезти его до квартиры. Но его машина сломалась в горах или типа того.

Она засмеялась.

— Благодарность потому что задаром.

— Именно. В любом случае, я не мог его бросить. Там было действительно невозможно жить.

— Обалдеть. Так что вы с ним сделали?

— Что я с ним сделал? Его мама должна перевести его деньги, но их не будет до понедельника. Поэтому я привез его домой.

— Конечно, ты это сделал, — она хихикнула. — Ты добрая душа.

Я поморщился, прочесывая ярусы овощей. Где, черт возьми, был фенхель?

— Я не добрая душа. Это временно, я же говорю тебе, никто бы не смог оставить друга в таком месте.

— О, вы теперь друзья? Это так мило.

— Мы не совсем друзья, я просто... я не знаю, кто мы, — схватив последний пакет укропа, я бросил его в свою тележку. — Но я сказал, что помогу ему.

— Поможешь, в чем?

— Во всем, Эллен. Он самый милый парень на свете, но он переехал сюда по прихоти и ничего не планировал.

— Он переехал сюда? Я думала, он просто путешествует.

— Планирует остаться, — я перенес телефон к правому уху и толкнул тележку в середину секции продуктов к ящикам с картофелем и луком. — Он хочет быть сценаристом.

— Ни кем попало.

— Верно. Так что, у него накоплено около двух тысяч долларов, с помощью которых ему нужно будет купить еду, ноутбук, снять жилье и, в обозримом будущем, взять уроки сценаристов.

— Да, у него не получится.

— Именно это я и сказал, — я бросил в корзину несколько луковиц и большой пакет картошки. — Я предложил ему остаться на две недели, в течение которых собираюсь помочь просчитать его бюджет и найти место для жилья, которое он сможет себе позволить, как только найдет работу.

— Работу?

— Это — то, куда ты тоже ходишь. Ты можешь нанять его?

— Я бы рада. А это законно?

Я нахмурился.

— Не совсем. Тебе придется платить ему наличными. Держать его нелегально.

— Окей, — Эллен это не беспокоило. — Я не работаю сегодня вечером, но могу взять его завтра.

— Отлично! — в верхней части спины напряжение ослабло. — Он говорит, что у него есть некоторый опыт работы в баре.

— Звучит неплохо. Где он сейчас?

— Он дома, работает в саду.

— Ты уже заставил его работать? — фыркнула Эллен. — Это так на тебя похоже.

— Ха-ха. Он сам предложил, большое спасибо за комплимент. Максим сказал, что у него есть опыт в садоводстве тоже, хотя он может сейчас как раз вырезать все мои розы, но это все, что я знаю.

— Он настоящий мастер на все руки, да?

— Видимо.

— Очень жаль, что он такой непривлекательный.

Его красивое лицо пришло мне в голову, и я выдавил.

— Непривлекательный?

— Это была шутка, Дерек! Я пошутила. Ради Бога, парень выглядит как оживший рекламный щит Кельвина Кляйна.

— Все может быть, — *не думай о нем в нижнем белье. Не думай о нем в нижнем белье. Не думай о нем в нижнем белье.*

— Все может быть? Извини, но ты, должно быть, умер, если не считаешь его привлекательным. И даже не недавно умерший. Как будто лет сто мертв, — она вздохнула. — Жаль, что он гей.

Я завис, мое тело замерло.

— Что?

— Он гей. Один из моих официантов нечаянно подслушал, как он прошлой ночью говорил это девушке в баре, — она засмеялась. — Судя по возгласам, та была очень разочарована. Бедная.

— О мой Бог, — магазин врацался.

— Да какая разница? Ты собираешься включить «папочку» и прочитать нотации по этому поводу?

— Нет! Это не имеет никакого значения. Я просто не понял, — не своим голосом проговорил я.

— Хорошо. Ты напугал меня. Я могу выдержать только одного узкого родственника. В любом случае, мне лучше закончить разговор. У меня еще тонна дерьмового инвентаря.

— Окей.

— Эй, что вы делаете сегодня вечером? У меня выходной. Может, посмотрим фильм или еще что-то?

— Эм, нет. Я имею в виду, я не могу. Может быть, Максим захочет? — его имя было другим на моих губах.

— Почему ты не можешь?

— Я пригласил друзей на ужин.

— Что будешь готовить?

— Жареная курица с овощами, — которую я должен был купить, чтобы ехать домой и приготовить, но я все еще не мог сдвинуться с места рядом с картофелем.

— Ням! Есть место еще для одного?

— Конечно, — сказал я рассеянно.

— Супер! Во сколько я должна прийти?

— В семь — нормально?

— Отлично. У меня есть время пойти домой и прибраться. Кто еще придет?

Я заставил себя снова начать ходить и сосредоточиться на поставленной задаче.

Курица. Мне нужна курица.

— Эм, Гейдж и Лэни. Кэролин.

— О, это твоя девушка?

— Она не моя девушка. Она просто... та, с кем я встречаюсь.

— Ну, как угодно. Ты упоминал ее, и я надеялась познакомиться с ней. Увидимся вечером!

— Окей. Пока, — я отключил звонок и, чтобы закончить, просмотрел свой список покупок, но мне пришлось смотреть на него снова и снова, так как мой мозг был занят тем, что мне сказала Эллен.

Максим — гей?

Если я еще смирился с его присутствием в моем доме в течение следующих двух недель — эта новость все разрушила.

Это правда? А это имеет значение?

Черт возьми, да. Мое влечение к нему внезапно стало в тысячу раз опаснее, теперь, когда я знал, что все возможно и это может быть взаимным.

А было ли так? Максим меня привлекал? Я прокручивал это в своей голове всю прошедшую ночь и сегодняшний день, ища явные знаки — слова, прикосновения, взгляд — что-то, что отдалило бы его от меня, но я ничего не придумал. Может, потому что он ничего не чувствовал? Возможно, потому, что он как все русские имел это отстраненное лицо. Или, может быть, я настолько был одержим своими собственными чувствами и постоянно сосредотачивался на том, что он сделал со мной, что не мог найти никаких доказательств того, что тоже привлекало его внимание, как он захватил мое?

На долю секунды это разочаровало меня.

Какого черта, придурак? Это хорошо. Последнее, что тебе нужно, чтобы он заинтересовался тобой. Ты не хочешь этого. Ты не должен этого хотеть. Это неправильно. Ничего не произойдет.

Я сделал несколько глубоких вдохов и повторил слова в своей голове.

Ничего не произойдет.

Глава 12

Максим

Я видел его.

Через стекло, я видел его.

Я посмотрел на розы, понимая, что мне нужно с ними сделать, но чтобы начать, мне были нужны перчатки. Когда я шел к дому, через большую стеклянную дверь террасы заметил Дерека и решил постучать. Подойдя ближе, я увидел, что он держит толстовку, в которой я был. Его лицо было спрятано в ней.

Сначала я подумал, что это игра света на стекле, что мой воспаленный рассудок отражается в видении. Я несколько раз моргнул, но он все еще был там.

Мой пульс участился. Зачем кому-то нюхать чужую вещь, если только он не пытался почувствовать запах этого человека? Внутри все перевернулось.

Но вместо того, чтобы стоять там и рисковать быть пойманным, я отвернулся и постучал. *Заставь его думать, что ты ничего не видел.* Ситуация, кстати, слишком неловкая для нас обоих.

К счастью, я был хорошим актером. Без дрожи в голосе, с ничего не выражавшим лицом, я спросил его о перчатках. Его же щеки, напротив, были пунцовыми, и он пытался отвести взгляд. Это было самым волнующим, что мне когда-либо приходилось видеть. И даже не взглянув на меня, Дерек выскочил на улицу и поспешил в гараж.

После поисков перчаток, он вышел снова собранным, в своем привычном «я». Он объяснил мне, что хотел сделать во дворе в целом, какие на сегодня были приоритеты и где находились инструменты. Я слушал, задавал вопросы и уверял его, что смогу справиться со всем, что он запланировал, но в моей голове было одно — я видел его лицо, спрятанное в моей толстовке.

Я был одержим этим весь день, складывая все существенные детали: отсутствие подруги или жены, странный момент на кухне, когда мне показалось, что он хочет меня поцеловать, то, как он смотрел на меня прошлой ночью в моей спальне.

Может, я и не сумасшедший.

Может я чувствовал некоторую химию между нами? Возможно ли, что это влечение взаимно? Может он хотел почувствовать запах этой толстовки по той же причине, по которой я просил одолжить его одежду, чтобы испытать иллюзию близости без реального физического прикосновения?

Сегодня утром я бы решил, что это не так.

Но сейчас я удивлен.

Вернувшись из магазина, едва взглянув в мою сторону, Дерек занес пакеты с продуктами прямо в дом. Он провел весь день, занимаясь приготовлением обеда, не сказав мне ни единого слова, хотя в какой-то момент он вышел во внутренний дворик и поставил тарелку с несколькими бутербродами и чипсами на длинный деревянный стол с двумя скамейками с обеих сторон. Рядом с едой он поставил высокий стакан воды со льдом.

Прежде чем вернуться обратно, Дерек крикнул мне:

— Ланч.

Поблагодарив, я решил сделать небольшой перерыв, чтобы поесть и остыть. Закончив, я оставил тарелку и стакан на столе, полагая, что отнесу их внутрь, когда закончу. Но немного позже, я обнаружил, что он уже все убрал.

В тот момент я был готов сделать вывод, что уже вообще ни в чем не уверен. По его поведению не было заметно, что я ему нравлюсь. На самом деле, если бы я не знал большего, мог бы подумать, что по какой-то причине раздражают его.

В конце концов, он вышел поговорить со мной. Я был в процессе стрижки газона, и он, сунув руки в карманы, бродил рядом. Днем было очень жарко, поэтому мне пришлось снять футболку, и, хотя Дерек был в солнцезащитных очках, я видел, как он смотрел на меня. Спине было жарко от яркого солнца, но от его взгляда на меня, было еще жарче.

— Тебе нужен солнцезащитный крем? — спросил он.

Я выключил косилку.

— Наверно. Хотя я редко сгораю.

Прежде чем осмотреть двор, его взгляд оставался на мне еще несколько секунд.

— Ты проделал большую работу. Вообще-то, я думаю, ты справился даже лучше, чем мои ландшафтные дизайнеры.

— Спасибо. Но я еще не добрался до розовых кустов.

— Не беспокойся об этом. Это может подождать до завтра.

— До вечера сделаю.

— Ну, ужин сегодня вечером около семи тридцати, а сейчас около шести. Я не знаю, сколько тебе понадобится времени, чтобы почистить одежду, или я могу одолжить тебе что-нибудь, если хочешь постирать эту.

— Спасибо, но мне не обязательно идти на твой званый ужин. Как только приедут твои гости, я просто останусь наверху.

— Вообще-то, ты окажешь мне услугу, если придешь.

— Услугу?

— Да, — с опущенными вниз глазами, он выглядел немного смущено. — Изначально, это должны были быть мой друг с женой и Кэролин, девушка, с которой я встречаюсь.

Он встречается с девушкой. Разочарование ударило меня под дых.

— Когда я говорил с сестрой, она спросила, может ли она прийти тоже, и я, не раздумывая, сказал «да». Но тогда нас будет пять человек, — сказал он, как будто это объясняло проблему.

Я был немного смущен.

— Пять человек?

— У меня есть предубеждение по поводу нечетного количества людей за обеденным столом, — он закатил глаза и пожал плечами. — Я знаю, это звучит странно, но я не выношу это. Мне нравится четное количество — это не значит, что я суеверный, — сказал он оборонительно, вероятно, потому, что я начал улыбаться. — Это просто означает, что визуально, мне нравятся все заполненные места. Это личное предпочтение.

— Понятно.

— У меня достаточно еды, и я уверен, что Эллен будет рада тебя видеть, так что будет здорово, если ты присоединился к нам, — он, наконец, посмотрел мне в глаза и сказал слова, которые я хотел услышать. — Я хочу, чтобы ты присоединился к нам.

Я снова это почувствовал — притяжение между нами.

— Тогда я приду, — честно говоря, даже если бы он не сказал мне, что хочет, чтобы я был там, я бы согласился, потому что мне понравилась идея оказать ему любезность. — Ты сказал семь тридцать?

— Да.

— Сейчас быстро закончу, — я посмотрел на свои заляпанные грязью джинсы и блестевшую от пота грудь. — Потом приберусь и, возможно, постираю.

Дерек, кажется, не знал, куда смотреть — за пять секунд его взгляд пробежал от моего тела к моим глазам, а затем переместился на дом.

— Я положу одежду на кровать, надеюсь, она подойдет тебе и ты сможешь бросить свои вещи в стирку.

Я кивнул.

— Спасибо.

Он вернулся внутрь, а я, закончив с газоном, прибрался и вернулся на место инструменты, которые использовал. Я знал, как Дерек придерживается порядка.

Захватив свою влажную от пота футбольку, я пошел в гостевую спальню. Дерек оставил на кровати пару джинсов и две рубашки, а также новые носки и нижнее белье. Я в недоумении покачал головой. Этикетки все еще прикреплены, сколько новых вещей может быть у одного человека под рукой?

Я разделся и сунул все грязные вещи в пакет, который использовал раньше. Смывая в душе пот и грязь, я очень старался не представлять себе другие руки, бегущие по моей коже, кроме своих. Он встречается с девушкой, помнишь? *Не с парнем, не с тобой, ни с кем-либо еще*. Так что выкинь его из головы.

Дерек оставил на раковине сложенное чистое полотенце. Оно было еще теплым, как будто только что из сушилки. Он также оставил небольшой набор для путешествий со всем необходимым: бритва, дезодорант, расческа и средства для волос. *Он так добр ко мне*. Но было ли это для него всего лишь представлением о помощи людям? Он чувствовал себя обязанным быть таким, или тут что-то еще?

Немного просушив волосы, я повесил полотенце и пошел в спальню, где снова оделся в одежду Дерека. Я был рад, что они принадлежали ему и не были новыми — это означало, что он носил их раньше. На самом деле, прежде чем сунуть руки в рукава

рубашки, я обнаружил, что ищу какие-либо следы, хочу уловить его запах, но почувствовал себя обманутым, когда не нашел его. Одевшись, я посмотрел на свое отражение в большом зеркале на двери шкафа.

Мне приятно, что его одежда почти идеально мне подходила. Нет, это было нечто большее — это меня заводило. Надевая его вещи, я чувствовал физическую близость между нами. Чувствовал, как мое тело реагирует, когда я представлял, что он снимает ее с меня, заменяя теплом своей кожи.

Довольно.

Закрыв глаза, я пытался остановить быстро бегущую кровь и гул под моей кожей, увеличивающий желание выбежать отсюда к нему. Безумие заключалось в том, что мое влечение, казалось, становилось сильнее с тех пор, как я услышал, что он встречается с женщиной. И о чем это говорит?

О том, что ты желаешь того, чего не можешь иметь, засранец. А теперь перестань делать глупости. Он просто очень хороший парень. Он не заинтересован в тебе и никогда не будет. Признай это.

Ничего не будет.

Глава 13

Дерек

Я пригласил Максима на ужин не просто так.

Помимо того, что я не выносил свободные стулья за столом, когда у меня были гости, я надеялся доказать себе некоторые вещи: во-первых, это какое-то недоразумение, что Максим вызывал во мне возбуждение, которое так просто вытеснило желание быть с Кэролин, настолько идеальной, что подсознанием я чувствовал — она слишком хороша для меня; и, во-вторых, возможность видеть их рядом, совершенно ясно показала бы, что мое влечение к Максиму не было настоящим, это просто отчаянная попытка установить связь с кем-то от чувства одиночества. Что Бог не наказывает меня за мои грехи — он испытывает меня.

Это было моей задачей — доказать, что насколько бы сильным не было искушение, я сильнее. Смогу преодолеть его. Смогу победить.

Но все шло не очень хорошо.

— Максим, я слышала, ты хочешь быть сценаристом? — спросила Кэролин.

Она сидела справа от меня. В шелковой красной блузке, с несколькими расстёгнутыми пуговицами сверху, джинсах, сидевших на ней как вторая кожа, и высокими каблуками, она выглядела потрясающе. Когда она приехала, я встретил ее глубоким поцелуем в губы. Это было странно и вынужденно потому, что Максим стоял рядом. Он отвернулся, было видно, что его это задело.

Посмотри на меня. Вот кто я.

Но этого так и не случилось. Я не мог меньше интересоваться его задницей в узких джинсах, но и не мог быть достаточно близко с Максимом. Это вызывало раздражение.

— Это мечта, — сказал Максим. — Но сначала мне нужно кое-что изучить, — я усадил его в конце стола, потому что это был самый дальний стул от меня, в итоге, это позволило нам быть друг напротив друга, и все, что я делал, это весь вечер смотрел на него. Даже затемнение света не помогло, потому что этот говнюк при свечах выглядел еще лучше.

— Оооо, ты мог бы писать сценарии к русским шпионским фильмам, — Эллен налила еще вина в свой бокал и хихикнула. — Всякий раз, представляя Россию, я думаю о шпионах. Это ужасно с моей стороны? Подожди, ты ведь не шпион, не так ли?

— Нет, — он блеснул ей озорной улыбкой, которую я хотел бы получить в свой адрес. — Даже если бы я им был, уж точно не сказал бы об этом.

Эллен игриво ахнула, а потом щелкнула пальцами.

— Черт, а я уже решила, что буду хвастаться всем, что сидела за ужином рядом с КГБ-шником.

— КГБ все еще существует? — спросил Гейдж. Он был моим лучшим другом с седьмого класса, и восемь лет назад я был шафером на его свадьбе с Лэни. Теперь у них было трое детей в возрасте до шести лет, и они редко выходили в общество, но несколько раз в месяц мы встречались, чтобы попить пива. — Мне немного стыдно, что я об этом не знаю.

— Печально, что все, что мы знаем о русских, или все, что они знают о нас, — это стереотипы из фильмов, — сказала Лэни. — Почему так?

— Потому что они чертовски далеко? — потянувшись за выпивкой, сказал Гейдж.

— Далеко, — с улыбкой сказал Максим, — но я думаю, что наши культурные различия затрудняют понимание друг друга, даже когда люди находятся в одном месте. Дерек говорил мне, что у русских репутация неприступных, но это не так. Мы просто более скромно выражаем свои эмоции. И даже когда нам что-то любопытно, мы не задаем личных вопросов, потому что не хотим показаться невоспитанными.

— А в Америке это может показаться безразличием, — сказала Эллен. — Даже, может быть, грубостью, что ты не проявляешь достаточно участия, чтобы поинтересоваться или улыбнуться кому-то.

— Да, — кивнул Максим. — Я думаю, что это просто часть восточной культуры, которая у нас тоже укоренилась, где люди более погружены в свой собственный мир, чем настроены на то, что происходит вокруг них. Если бы вы ехали в метро где-нибудь в Москве, например, вы не увидели бы большого количества улыбающихся людей. Их лица не реагируют на вас, все погружены в свои мысли. Но если вы познакомитесь с ними, вы обнаружите, что на самом деле они очень приятные. Если вы приедете домой к русским на ужин или еще за чем-то, вы будете удивлены, узнав, насколько гостеприимны и щедры хозяева.

— Должна признать, я всегда представляла Россию холодной, но экзотической. Женщины в шубах сверкают бриллиантами и едят икру, — засмеялась Кэролин. — Но это, вероятно, тоже стереотипы из фильмов.

— Есть богатые люди в России, которые именно так и живут, но это также характерно для тех, кому в детстве очень нравились красивые, роскошные вещи и жизнь напоказ, — Максим пожал плечами. — А у некоторых людей никогда не было хорошей одежды или игрушек. Порой даже еды не хватало. Когда ты вырос в этом, ты никогда больше не захочешь так жить. Это и моя история тоже.

— Я понимаю, — сказала Лэни.

У него было бедное детство, — размышляя, я жаждал каких-то личных подробностей о нем. Мне было интересно, насколько он был бедным. Он вырос в нищете? Голоде? Лишенным чего-то?

— Так же мы хотим произвести впечатление, — с блеском в глазах, продолжал он. — Вот почему, живя в крошечной квартире, некоторые россияне ездят на роскошных автомобилях или носят дизайнерские бренды, ходят в дорогие рестораны, — потому что

раньше у них этого не было, возможно, из-за нехватки вкуса, а, возможно, и из-за стесненности средств, и они хотят показать, что сейчас все по-другому.

— Говоря о вкусе, мой старый сосед по комнате встречался с русской девушкой с невероятными пережитками семейных обязанностей, — сказал Гейдж. — Она приходила и готовила картофельные оладьи... — он закрыл глаза и застонал. — Настолько вкусные.

— Это вкусно, — кивнул Максим. — Я готовлю их иногда.

— Ты умеешь готовить? — спросила Эллен.

— Немного. Моя мама много работала, поэтому в детстве мне приходилось ей помогать с готовкой. Она научила меня некоторым блюдам, — он поймал мой взгляд и ухмыльнулся. — Но ничего похожего с Дереком. Я сказал ему, что он, должно быть, был шеф-поваром в прошлой жизни.

— Точно! — воскликнула Эллен. — Он определенно получил в семье все навыки приготовления еды. Я едва могу вскипятить воду.

— Отличный ужин, Дерек, — Кэролин коснулась моей руки. — Спасибо, что пригласил меня.

— Всегда пожалуйста. Я рад, что ты здесь, — я положил свою руку на ее. По неправильным причинам, конечно, но я все равно был рад.

— Максим, твой английский просто отличный, — похвалила Лэни. — Я преподаю в средней школе, и у меня есть студенты, прожившие здесь всю свою жизнь, но они не говорят так хорошо, как ты.

— Спасибо, — смутившись от комплимента, Максим опустил подбородок, и даже через весь стол мне было видно, какими длинными были его ресницы.

Какого хрена? Его *ресницы*?

Возьми себя в руки!

Но я не мог, вместо этого я схватил руку Кэролин и держал ее на своих коленях. Она улыбнулась мне удивленно, и я ответил ей тем же, но мой пульс не ускорился так, как должен был, учитывая, что ее рука так близко находилась к моей промежности.

— Я все еще не могу поверить, что твою сумку украли в моем баре, — сказала Эллен. Во время распития напитков на террасе, она рассказала историю первой ночи Максима в Америке с большим драматическим талантом, включая множество бессмысленных рассуждений о судьбе, как будто предложение водителя такси, которое привело его в бар, не было случайностью. — Я ужасно себя чувствую из-за этого.

— Перестань, — сказал Максим. — Все закончилось хорошо. Лучше, чем хорошо. У меня появились новые друзья.

— Хорошо, что ты был дома, Дерек, когда Эллен позвонила тебе, — Кэролин сжала мою руку. — Теперь я даже рада, что не задержала тебя слишком долго тогда.

— Я предполагала, что он будет дома, так как по субботам он рано утром ходит в спортзал, — глаза Эллен блестели озорством. — И все мы знаем, что Дерек не пропустит субботнее утро в тренажерном зале.

— Не дай бог, чтобы он вышел из графика, — Лэни схватилась за сердце.

— Или оставил гаражные ворота открытыми, — добавил Гейдж.

— Или тарелки в раковине, — Элен любила эту игру.

— Или ел в машине.

— Или носил обувь в доме.

— Или чтобы у него под кроватью образовался хоть комочек пыли.

— Хватит, — пробормотал я, чувствуя, как накаляется моя шея под воротником.

— Но тебе повезло, Максим. Отель «Дерек» самый превосходный, чистый и имеет лучшую еду, чем в любом другом месте Лос-Анджелеса, — сказала Лэни.

— Все верно. Хоть и случилась неудача с сумкой, — настаивала Эллен, ее выражение было самодовольным.

— Я даже считаю, что это была не неудача, а скорее удача, — Максим встретился со мной взглядом, и я увидел там оно — желание. Я видел это. И что-то во мне раскололось. — Я уверен, что некоторые моменты в нашей жизни предначертаны.

Бл*дь.

Я продолжал пить. Каждым глотком я пытался заглушить чувства, которые не только отказывались оставаться похороненными, но, к ночи, разрастались еще больше. Как будто желание в его глазах открыло тюрьму, где я прятал свои эмоции. Я кидал на него косые взгляды, замечая мелкие детали, которые пропустил ранее, — его длинные пальцы, полноту губ, вены на руках. Они напомнили мне вены, которые я видел прошлой ночью на его животе, как они ускользали под пояс его штанов.

Я хотел прорисовать их своим языком.

Каким-то образом я пережил кофе — настоящей проверкой на сдержанность стал для меня десерт, хотя я не притронулся к шоколадному торту, который принесла Кэролин. У меня ни к чему не было аппетита, кроме него.

Гейдж и Лэни ушли первыми, сказав, что им нужно к одиннадцати отпустить няню домой. Я обнял Лэни и пожал руку Гейджу, пообещав встретиться с ним на этой неделе, чтобы попить пиво. Эллен перед отъездом помогла Максиму перенести всю посуду на кухню, обняла нас троих и сказала Максиму, что позвонит завтра по поводу работы в баре.

— Замечательно, — сказал он. — Я сделаю все, что нужно. Проводить тебя до машины?

— Конечно. Пока, ребята! — послав мне воздушный поцелуй и застучав каблуками, она вышла с Максимом из комнаты.

Пока Кэролин задувала свечи и собирала скатерть с салфетками, я закончил загружать посудомоечную машину.

— Может помочь тебе помыть всё остальное вручную? — подворачивая рукава, спросила она.

— Нет. Ты и так достаточно помогла. Я слишком устал, чтобы делать это сегодня. Сделаю это завтра, — это была ложь, я бы никогда не лег спать, зная, что раковина полна грязной посуды, но я не мог больше притворяться. Я был наполовину пьян, полностью расстроен и серьезно зол, и я хотел быть один, чтобы в тишине ненавидеть себя. И, вероятно, пока это делаю, дрохнуть.

— Ты уверен? — она прикусила губу, явно разочарованная. — Я не против остаться, — обняв меня, она поднялась на цыпочках, чтобы прошептать мне на ухо. — Мне не надо быть дома к одиннадцати. И в любое другое время тоже.

Я неволко рассмеялся и отцепил ее руки.

— Мне очень жаль. Я действительно очень устал.

— О, — я почувствовал себя ужасно, увидев, как изменилось ее лицо.

Ты такой дебил. Вторую ночь подряд ты ищешь себе оправдания. Она не будет ждать вечно, придурок. Она заслуживает лучшего.

— Могу я проводить тебя до машины? — спросил я.

Она кивнула.

— Да. Подожди, я возьму свою сумочку.

Когда мы выходили, то столкнулись с Максимом, входящим в центральную дверь.

— Я провожу Кэролин до машины, — избегая зрительного контакта с ним, сказал я. Он кивнул и протянул руку.

— Было приятно познакомиться, Кэролин.

— Взаимно, — она пожала ему руку и тепло улыбнулась. — Надеюсь снова увидеть тебя.

— Ты можешь ложиться спать, Максим. Я завтра приберусь, — не давая ему возможности спорить, я вывел Кэролин через дверь и закрыл ее за нами. Чувство вины заставило меня взять ее за руку и держать, когда мы спускались по ступенькам переднего крыльца и пока я провожал ее.

— Я отлично провела время, — сказала она. — Мне понравилась встреча с твоей сестрой и друзьями.

— Я рад.

— И Максим такой интересный. Это так мило, что ты делаешь для него.

— Это не сложно.

Когда мы добрались до ее Ауди, она отпустила мою руку и достала ключи. Я быстро поцеловал ее в щеку и засунул руки в карманы.

— Дерек, — сказала она, и я услышала замешательство в ее голосе, — у тебя все в порядке? В смысле, с нами?

— Конечно это так, — я солгал, но я солгал ради нее. Ладно, ради нашего общего блага. Но я не хотел ранить ее чувства словами, которые не имели бы для нее смысла, и я не хотел пока отказываться от себя. Я все еще могу победить то, что внутри меня. Я знал, что смогу. Но не сегодня. — Я просто устал.

— Окей, — она не была уверена в этом. — Я просто хотела убедиться. Временами, как например, сегодня вечером, мне казалось, что это не так. Я не тороплю тебя или что-то в этом роде. Я просто не хочу тратить твое и свое время. Если это ни к чему не приведет, я хочу знать.

— Я понимаю, — тихо сказал я. Закрыв глаза, я выдохнул и предложил ей что-то более близкое к истине. — Со мной сейчас кое-что происходит, и поэтому я чувствую себя немного не в своей тарелке. Иногда я бываю таким. Когда я не чувствую себя самим собой.

— Это... депрессия? — спросила она осторожно.

— Нет. Я так не думаю. Это больше похоже на... беспокойство или что-то вроде того. Я озабочен некоторыми вопросами, и, прежде чем я смогу двигаться дальше, мне необходимо их решить.

— О, — она с облегчением улыбнулась. — Я могу тебе чем-нибудь помочь?

— Ты замечательная, но нет. Это то, что я должен сделать сам.

— Что у тебя происходит? — спросила она и сразу покачала головой. — Прости. Ты не обязан отвечать. Это не мое дело.

— Все в порядке. Нет, никакой тайны или чего-то еще. Я просто пытаюсь сделать шаг назад и дать себе время. Убедиться, что мои приоритеты верны. Переоценить жизненные цели. Напомнить себе, что для меня важно.

— Я думаю, всем когда-нибудь приходится отступать. И мне в том числе.

— Я могу дать немного пространства, если тебе это нужно.

— Нет. Все нормально. Я много думала о тебе, Дерек. И я много размышляла о том, чего хочу в отношениях. Ты мне очень нравишься, но я ищу обязательства. Не кольцо или что-то еще, а обязательство. Потому что это то, что сделает меня счастливой, и я заслуживаю быть счастливой, — она улыбнулась. — Мне потребовалось три года терапии, чтобы сказать это. Как у меня получилось?

Я улыбнулся, хотя внутри чувствовал себя плохо.

— Классно! Это правда. Ты заслуживаешь счастья.

Она ухмыльнулась.

— Спасибо тебе. Я была счастлива, когда ты держал мою руку за столом.

— Замечательно, — черт возьми, я был мудаком. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — я смотрел, как она садится в машину и отъезжает.

Развернувшись, я поплелся по дорожке к дому. Ощущения были дерзкими. Я чувствовал себя неудачником, все, что я планировал в своей жизни, ускользало из моих рук, по моей собственной гребаной вине. Я даже не мог винить Максима. Я боролся с собой задолго до того, как увидел его. Его появление только усугубило ситуацию.

Тебе лучше быть уже наверху, Максим. Тебе лучше быть вне поля зрения, спать, за закрытой дверью. Я не смогу больше бороться.

Я зашел в дом, запер за собой дверь и тут же услышал звон посуды и работающую в кухне посудомоечную машину. *Черт, он все еще здесь.* Глубоко вдохнув, я расправил плечи и, прежде чем вернуться на кухню, попытался надеть маску.

Как только я его увидел, все мысли испарились.

Он был у раковины, мыл оставшуюся посуду. Я пошел за бутылкой виски и коротко бросил:

— Разве я не говорил тебе ложиться спать?

— Да, но я знал, что ты не пойдешь спать, пока не наведешь порядок.

— Да? Откуда ты это знаешь? — я глотнул несколько глотков, утешаясь огненным теплом, льющимся мне в горло и расплывающимся в груди.

— Потому что знаю тебя.

— Всего-то за один день?

— В твоем случае, некоторые вещи были очевидными с самого начала.

— Ты такой же, как и все остальные, — ворчал я. — Ты слышал, как они смеются надо мной?

— Да, но я не понимаю, почему. Когда у тебя есть такой красивый дом, как этот, почему бы не заботиться о нем?

— Спасибо! — всплеснув руками в воздухе, воскликнул я и чуть не опрокинул бутылку. — Наконец-то хоть кто-то, бл*дь, понимает это.

Полагая, что достаточно выпил, чтобы притупить его влияние на меня, я закатал рукава своей черной рубашки на пуговицах и переместился к нему.

— Я помогу тебе.

— Окей.

Я поймал его в попытке не смотреть на мои запястья и предплечья, и это заставило меня улыбнуться. *Каково это — хотеть кого-то и скрывать?*

— Ты будешь мыть, я вытираю?

— Звучит неплохо.

Мы работали в тишине, плечом к плечу, и я все больше — и тревожнее — радовался мысли о том, что привлекаю его, замечая, как он пытается это скрыть. Было чертовски ужасно с моей стороны получать удовольствие от его дискомфорта, но мне нравилось быть тайно желанным. Незаконно желанным. Быть объектом его скрытых взглядов и, возможно, даже его самых темных, грязных мыслей. Я позволил нашим рукам касаться больше, чем необходимо, я был взволнован физическим контактом так же, как и мыслью о том, что это может сделать с ним.

Ибо нет человека, который не грешил.

Мой член начал твердеть, явно не успокоенный виски, который разрушал мои запреты, пробивал всю мою защиту и позволял моему воображению одичать.

Что в твоей великолепной голове, Максим? Что за этими кобальтовыми глазами? Что бы ты сделал со мной, если бы я тебе позволил? Что ты позволишь мне сделать с тобой?

— Кэролин такая приятная, — сказал он, передавая мне последнее блюдо, которое осталось вытереть.

Что? Он думал о Кэролин прямо сейчас? Он не должен был думать о Кэролин — был я, черт возьми!

Но это не так.

— Да.

Он отключил воду и положил мокрые руки на край раковины.

— Я не знал, что у тебя есть девушка.

И я услышал это в его голосе — маленький отголосок ревности, настолько слабый, что я, возможно, никогда не заметил бы этого, если бы в данный момент так пристально не следил за ним. Мне чертовски это понравилось.

— Она не моя девушка.

— О, — нахмурился он, явно запутавшись. — Наверное, я неправильно понял.

— Она *хочет* быть моей девушкой.

Молчание.

Конечно, ответом была тишина. Максим никогда бы не спросил, в чем проблема. Но я хотел ему рассказать. Я хотел, чтобы он знал. Я хотел поделиться невозможной тоской, которую чувствовал, только с одним человеком, который мог бы это понять.

— Проблема во мне, — он был совершенно неподвижен. И прежде чем я смог остановиться, накрыл его правую руку своей. — Иногда я не знаю, чего хочу.

Он выдернул руку из-под моей, и мы столкнулись друг с другом.

Впервые сегодня я посмотрел ему прямо в глаза. Вокруг меня больше ничего не существовало. Я слышал только его дыхание. Пахло только его кожей. Видел только его сдержанное выражение.

Он должен быть моим.

Сейчас или никогда.

Схватив за руки, я смял его рот своим.

О мой гребаный Бог.

Впервые в своей жизни я касался своими губами губ другого мужчины. Они так отличались от женских — больше, тверже, полнее. Я поглощал их с лютым голодом истощенного льва.

Приоткрыв рот, Максим скользнул своим языком между моих губ. Его руки сжимали мои бедра, прижимая нижнюю часть тела к своему. Бл*дь. Я чувствовал, что бугор в моих джинсах становится все больше и крепче, и я *чувствовал ЕГО с другой стороны*.

Пока мы целовались, он, опираясь на стойку, передвинулся напротив меня, его член терся рядом с моим вверх и вниз. Я был вне себя от этих ощущений, от одной только мысли об этом.

Этого не может быть.

Все в этом — его рот, его руки, его тело, этот поцелуй, это трение, это желание, которое я чувствовал, это безумие внутри меня, отчаянно желающее выплыть — было нереальным.

Максим скользнул рукой между нами, хватая меня за джинсы. Даже через деним я чувствовал жар его ладони.

— Позволишь? — согревая своим дыханием мои губы, спросил он.

— Да.

Его губы были все еще на моих, когда, ослабив ремень, он расстегнул мои джинсы. Через мгновение я почувствовал, как его рука — рука другого мужчины — обхватывает мой член. Я стонал в мучительном наслаждении, пока он обрабатывал, проводя вверх-вниз, мой возбужденный, твердый и горячий ствол.

Он передвигался губами от моего подбородка к шее.

— Ты так чертовски хорошо пахнешь, — шептал он, и его голос — низкий и напряженный — заставил мой член пульсировать в его кулаке.

Следующее, что я понял, он опустился на колени и теплый, влажный рот накрыл кончик моего члена. В каком-то спиральном движении, которое почти сводило меня с ума, медленно вбирал его все глубже и глубже, пока тот полностью не погрузился. Поглаживая языком головку, Макс начал двигаться быстрее, сосать жестче, принимая на всю глубину до самого горла.

Черт возьми, он знает, что делает.

Я потерялся, когда посмотрел вниз и увидел его перед собой на коленях, как двигался мой член туда-обратно у него во рту, чувствовал его глубокий, движущий голод в том, как он сосал, сжимал и гладил меня.

Я проиграл ему, проиграл самому себе, проиграл этой ноющей пульсации внутри меня, требующей выхода, потребности притворяться, что я этого не хочу. Отдаться ему, потому что хотел этого, и это было чертовски хорошо.

Но я даже не пытался остановиться.

Схватив рукой его за шею, я вбивался в его великолепный рот, как эгоистичное, дикое животное, которым был, пока моя плоть ритмично сжималась, выплескиваясь ему прямо в горло.

Я чувствовал себя Богом. Я чувствовал себя монстром.

Я чувствовал, что ничто в моей жизни никогда не будет прежним.

Глава 14

Максим

Потрясенный произошедшим, я сел на пятки. Не знаю, кто из нас дышал тяжелее, Дерек или я.

О, Боже. Не могу поверить, что это случилось.

Я поднял на него взгляд. Он смотрел на меня так, как будто никогда раньше до этого не видел.

— Иисус, — прошептал он.

Потом он быстро ушел. Уверен, что он просто сбежал, даже не застегнув штаны. Мгновение спустя я услышал шаги на лестнице, а затем хлопнувшую дверь.

Бл*дь. Он разозлился? На что? Я не заставлял его это делать. *Он поцеловал меня.* Может, яшел слишком далеко? Но прежде чем прикоснуться к нему, я спросил, не так ли? И он ни разу не сказал остановиться, ни разу не оттолкнул меня, ни разу не произнес, что ему это не нравится. Казалось, что он на самом деле всем этим чертовски наслаждался.

Абсолютно также как и я.

Я встал на ноги и поправил свою эрекцию под джинсами. Видимо, мой член не получил сообщение, что мы здесь закончили. Он был до боли напряженным, воспоминание о том, что только что произошло, только все усложняло. Я все еще слышал,

как Дерек хрипело стонал, все еще ощущал его запах в воздухе, все еще чувствовал, как его член скользит между моими губами.

Я все еще чувствую его вкус.

Пытаясь успокоиться, я уперся в стойку, глубоко вдохнул и закрыл глаза. Боже, от того, как он потерял контроль, было чертовски жарко. Я не ожидал этого — вообще ничего не ждал. Не было никакого времени, чтобы подумать. Но он не сдержался, позволяя себе быть со мной, и как по щелчку, в одно мгновение, схватил за шею и стал вбиваться в мое горло. Это меня поразило. Быстрота. Резкость. Жесткость. Я кайфовал каждую чертову минуту. Не то, чтобы нам их потребовалось много.

У меня кружилась голова от того, как быстро это произошло.

Откинувшись на стойку, я обернулся и уставился на раковину, где мы мыли посуду. Это убивало меня — как близко он стоял, так близко, что я начал задаваться вопросом, не сделал ли он это нарочно. Когда он положил свою руку на мою, я был еще более смущен — натуралы не касались друг друга таким образом, не так ли?

А его слова. «*Иногда я не знаю, чего хочу*». У меня нет лучшего в мире гейрадара, и английский не мой основной язык, но на тот момент я был уверен, что он намекал мне на то, что я его привлекаю. Это и волновало, и пугало меня — не хотелось бы казаться сумасшедшим, но что, если я неправ? Что, если я сделаю шаг, и он обидится? Что, если он был простым американцем, раскрывающим свои личные проблемы, вовсе не имеющим ко мне никакого отношения? Будучи русским, я привык к людям, действующим намеками, но это был более чем случайный разговор. Ставки были высоки.

Поэтому я отдернул свою руку. Если он хотел меня, ему пришлось бы это показать.

И он это сделал. У меня чуть не случился сердечный приступ, когда он схватил меня за руки. Но то, как он целовал меня, как будто задыхался, а я был его свежим воздухом, не оставляло места для сомнений — он тоже чувствовал это притяжение между нами. Был ли он геем, или натуралом, или кем-то между ними, это произошло, и, *О Боже*, это было горячо.

Так в чем была проблема Дерека? Из-за чего он может быть рассержен? Это было раскаяние? Может ему плохо от того, что он творил со мной за спиной Кэролин или что-то вроде того, хотя, он говорил, что она не была его девушкой. Дерек замечательный парень, так что все может быть. Сегодня вечером я не заметил никакой химии между ними, но это могло быть потому, что я не хотел этого видеть.

Возможно, Дерек чувствовал себя плохо, потому что я был гостем в его доме, и он так много делал для меня? Может он просто испугался, что я, почувствовав давление, отплатил емуексом? Это было смешно, и надеюсь, он видел, насколько явным было мое желание и моя реакция на него.

Или, может быть, он был в ужасе от того, что мы сделали. Наверно, ему было противно. Скорее всего, прямо сейчас наверху, он смыает улики и умоляет Бога простить его.

Я очень надеялся, что это не так, но несмотря ни на что, было понятно, что с ним не все порядке от произошедшего.

Обеспокоенный такими мыслями, я выключил свет и пошел наверх. Глядя на закрытую дверь спальни Дерека и стараясь не создавать много шума, я прошел в свою комнату. Укрывшись одеялом, закинув руки под голову, я лежал на спине и размышлял, что же будет завтра. Что он скажет. Как он будет себя вести.

Я нутром чувствовал, что лучше позволить ему взять инициативу на себя, а затем уже следовать ей. Если он захочет сделать вид, что ничего не произошло, хорошо. Нам не стоит говорить об этом. Ничего не должно измениться, и я надеюсь, что он не захочет,

чтобы я ушел от него только потому, что между нами все накалилось. Это было не так уж и важно. Мы могли бы вернуться к тому, как было до тех пор, пока он не схватил меня. Не то, чтобы я не мог держать свою сексуальность при себе, но я никак не ожидал, что в первую очередь это случится с Дереком.

Отбросить все. Остаться друзьями.

Тем не менее, в любое время я готов повторить это снова и снова. Я бы сделал даже больше...

Глава 15

Дерек

Вина. Стыд. Гнев.

Уставившись в потолок спальни, я лежал на спине и топил себя в страданиях.

Какого черта я натворил?

Ты выстрелил двадцатью годами подавляемого желания и сексуальной неудовлетворенностью в глотку другому парню, вот что. А потом, не сказав ни слова, бросил его на коленях на кухонном полу.

Это только моя вина. Я ужасный человек.

Я не должен был его хватать. Целовать. Я не должен был позволять ему так ко мне прикасаться. Мне не должен был нравиться его рот. Я не имел права терять контроль. Я не должен был испытывать лучший оргазм за всю свою жизнь с другим парнем.

Но это случилось. Я никогда не чувствовал ничего подобного.

Почему так? Это не значит, что женщины мне не делали хороших минетов раньше — по крайней мере, я думал, что они хорошие. Но Максим поднял все на совершенно новый уровень. Как будто это все происходило не со мной. Он действительно был настолько хорош? Или мое воображение сделало его таким умопомрачительным? От мысли, что я наконец-то единственный раз поддамся запретному желанию и у меня больше никогда этого не будет? В любом случае, я не мог отрицать, насколько мощным он был. Таким мозговоносящим. Что чертовы стены дрожали.

Слабый. Какой же я слабый.

Как же я позволил этому случиться?

Не то чтобы я был геем. Меня привлекали женщины. И я хотел традиционную семью — жену и детей. Мне не нужен был гребаный парень. Это абсурд. Я должен был привести парня к родителям домой? На обеды с клиентами? Пикники в компании? Корпоративные благотворительные вечера? Неужели мой отец передаст свой бизнес тому, в ком он в меньшей степени будет видеть мужчину? Не такого как он сам? Менее идеального и совершенного?

Бл*дь, нет. Я слишком много работал, чтобы все потерять.

Если бы секс с женщинами доставлял больше удовольствия. Возможно в этом проблема. Это не значило, что я ничего не чувствовал, но какой бы ни была женщина красивой, горячей и страстной, как ни готова она была мне отдаваться, независимо от того, что я мог взять ее даже грубо и жестко, у меня всегда было смутное ощущение, как будто всё должно быть ярче, но почему-то этого со мной не происходило.

Так, чтобы дрожали стены.

Закрыв глаза, я глубоко дышал. Это не повторится. Не имело значения, что дрожали стены, потому что на кону были более важные вещи, чем сексуальное удовлетворение.

Моя карьера. Репутация. Самооценка. Мои отношения с семьей. Планы на будущее. Если я позволю себе быть с Максимом, это поставит под угрозу всё.

Вчера вечером я сказал Максу, что у меня нет мечты, но это неправда. Моею мечтой было быть нормальным. Жить той жизнью, которую окружавшие меня люди одобряют и которой восхищаются. Создавать видимость, что ты такой же, как и все, даже если в глубине души знаешь, что это неправда.

Что хорошего такая правда, в конце концов, сделает со мной?

Я не мог заснуть почти до трех часов утра, поэтому позволил себе поспать подольше, что было редкостью. Обычно я встаю очень рано и даже в выходные, чтобы все успеть сделать. Было почти одиннадцать, когда я наконец встал с постели, но совсем не чувствовал себя отдохнувшим. Голова болела, во рту было сухо. Я определенно переборщил с виски прошлой ночью.

Я пошел в душ, пытаясь спланировать, как именно мне вести себя с Максимом. Бедный парень — он, должно быть, смущен, возможно, даже сердит. Вероятно, я был совершенно не в себе, что так им воспользовался. Использовал его как оружие в этой борьбе против себя. Он был абсолютно невиновен.

Ну, не совсем так.

От воспоминаний о вчерашнем вечере, кровь закипела, а член начал быстро наливаться тяжестью. Бог мой, стоя на коленях, с моим членом во рту, он так сексуально выглядел.

Нет. Это то, что принесет тебе неприятности. Перестань думать о нем таким образом. Нахмурившись, я стоял совершенно неподвижно, закрыв глаза и стараясь думать о менее возбуждающих вещах, представляя их в своем воображении — сестра Мэри Рут, моя учительница во втором классе в Огайо, я помню, как она называла нас всех лжецами и связывала руки резинками, тем самым утверждая, что поймала нас на лжи. *Бог видит, что ты лжеешь*, — сказала бы она. — *Бог видит все, что ты делаешь*.

Спустя тридцать секунд тело снова стало моим, а я продолжал мыться и задаваться вопросом, что делать. Мне извиниться? Притвориться, что этого не было? Должен ли я сказать, что был пьян и ничего не помню? Часть меня хотела, чтобы все было так просто: что? Минет на кухне? Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

Ты долбаный трус. Ты не можешь так поступить с ним. По крайней мере, признай, что ты сделал. Скажи ему, что тебе жаль. Скажи, что ты не знаешь, что на тебя нашло. Скажи ему, что ты никогда не делал ничего подобного раньше и больше никогда не сделаешь.

Морщась, я ополоснулся и, оттягивая неизбежное, стоял еще несколько минут под душем. Это будет самый неприятный разговор в моей жизни. Чертовски жестоко. Но, по крайней мере, возможно, это удержит меня от того, чтобы когда-либо снова поддаться этим чувствам.

Почистив зубы, вышел из душа, надел футболку и джинсы. Я посмотрел на себя в зеркало — на меня смотрели красные воспаленные глаза с темными кругами под ними. Пришлось закапать их каплями, но сам себе я сказал — *после всего, что ты сделал, ты заслуживаешь выглядеть как дермо*. Сделав несколько глубоких вдохов и расправив плечи, я открыл дверь своей спальни.

Дверь комнаты была открыта, но внизу было тихо. Медленно, я спустился по ступенькам на кухню, предполагая найти Максима там.

На кухне никого не было. Никаких доказательств того, что он был там вообще — ни кофе, ни запаха завтрака, ни тарелок в раковине. Я проверил комнаты и коридор. Меня привело в замешательство то, что его обувь отсутствовала. Какого хрена? Он что, ушел?

Как? У него не было машины или средств, чтобы поймать такси. Эллен забрала его? Краем глаза я уловил движение во дворе. Я открыл заднюю дверь и босиком вышел на улицу.

Он стоял со шлангом и поливал расставленные на подъездной дорожке горшки с цветами.

— Доброе утро, — подходя к нему, сказал я.

— Доброе утро, — он посмотрел на меня, но через секунду повернулся к растениям.

Его лицо не выражало никаких эмоций.

Я засунул руки в карманы.

— Хорошо спалось?

— Отлично. А тебе?

Уклонившись от ответа, я пожал плечами и пробормотал что-то нечленораздельное.

— Думаю, что начинаю справляться с разницей во времени. Проснулся около восьми, во мне было столько энергии, что я решил здесь закончить то, что не успел доделать вчера.

Я осмотрел двор и понял, как много он сделал: терраса вычищена, клумбы прополоты и политы, кусты роз обработаны.

— Ого. Круто.

— Мне тоже нравится.

Я снова изучал его, внутренности стягивало в узел. Он опять надел джинсы и одну из моих рубашек. Он не брился с тех пор, как приехал, его щетина была немного темнее, чем волосы на голове. Конечно, никакой седины. И под этой рубашкой, я знал, какой идеально гладкой была его кожа. Абсолютно подтянутый пресс. Он был так молод — и я, умудренный опытом старик, читающий ему лекции о действиях и последствиях, первым поддался своим чувствам. Который, прежде чем действовать, вообще ни о чем не думал. Который искренне сожалел о том, что сделал, даже если это и привело к лучшему оргазму в его жизни.

Страйся не думать об этом. Делай то, ради чего ты сюда пришел и двигайся дальше.

— Максим, я должен перед тобой извиниться.

— Нет, не стоит, — он не смотрел на меня.

— Да, должен. Не знаю, о чем я думал.

Никакой реакции.

— Со мной никогда в жизни не происходило ничего подобного, — это даже не было ложью. Но следующая часть была. — Скорее всего, это виски.

Наконец, он посмотрел на меня, изучая мое лицо.

— Окей.

— Максим, я натурал. Мне совсем не нравятся парни. Я просто, на минуту, потерял контроль, — я сосредоточился на том, чтобы не моргать, не отводить взгляда, не сдаваться. Крепкие оборонительные стены были подняты.

Он медленно кивнул.

— Произошедшее ничего не значит. И это больше не повторится, — я сказал это твердо и значимо.

Он с нечитаемым лицом снова сосредоточился на растениях.

Господи, Максим. Не мог бы ты быть прямо сейчас менее русским и позволить мне понять, о чем ты думаешь? Сходишь с ума? Оскорблена? Все ли с тобой хорошо? Тебе вообще есть до этого дела?

— Давай забудем об этом. У тебя получится? — спросил я, скрестив руки на груди.

Он перешел к следующему кусту.

— Конечно.

— Отлично.

Между нами возникла неловкая пауза.

— Итак... ты уже заканчиваешь здесь? Ты что-нибудь ел? Я тут подумал, может, приготовлю нам обед, а потом мы могли бы поискать в интернете варианты квартир, — чем спокойнее буду себя вести, тем лучше. Я думал о том, чтобы попросить его уйти или даже заплатить за отель, чтобы он мог в нем остановиться, но решил, что сделаю только хуже. Я не мог так поступить, тем самым подтверждая его влияние на меня. Единственный способ пройти тест, который я провалил прошлой ночью, это попробовать пройти его снова.

— Было бы здорово, спасибо.

— Окей. Я приготовлю что-нибудь и дам тебе знать, когда все будет готово.

— Звучит неплохо.

Я вернулся в дом, все время чувствуя его взгляд на себе. Как только я оказался внутри и за мной закрылась дверь, я выдохнул и почувствовал облегчение. Все прошло хорошо, не так ли? Так почему я до сих пор так неловко чувствую себя? По его реакции не было заметно, что он расстроен. Напротив, казалось, ему все безразлично. Почему так?

Когда я делал бутерброды на обед, то поймал себя на том, что становлюсь неоправданно возмущенным этой ситуацией. Наша интерлюдия на кухне никак не повлияла на него? Как он мог быть таким спокойным? Разве он не наслаждался этим также сильно, как и я?

Почему он больше не хочет меня? Он, безусловно, был *со мной* прошлой ночью.

Боже Всемогущий, ты придурак? Ты вообще себя слышишь? Он отреагировал именно так, как ты хотел! Как тебе это было нужно! Ты не можешь позволить ему жить здесь две недели и постоянно приходить к тебе. Ты потерял рассудок! Это наилучший возможный результат твоей глупой ошибки.

Не надо с этим связываться.

Глава 16

Максим

Нет. Это не виски.

Он лгал. По крайней мере, в этом случае. Я слышал это в его оборонительных и настойчивых интонациях голоса, видел это на его лице — тщательно контролируемую маску.

Но почему?

Когда закончил поливать цветы, я снова начал прокручивать в голове его высказывания.

«Я должен перед тобой извиниться. Не знаю, о чем я думал. Я никогда не делал ничего подобного раньше. Должно быть, это был виски. Мне совсем не нравятся парни. Это ничего не значило. Забудем о случившемся».

Мне это не понравилось, несмотря на то, что я был к этому готов.

Я не хотел от него извинений — я хотел его тело, внимание, его разрешения почувствовать это. Я хотел, чтобы он позвал меня. Я хотел... просто... большего от него. Я хотел большего от него.

И это было чертовски ужасно, жадно и эгоистично с моей стороны требовать большего, чем он хотел и мог дать. Он был таким великодушным, и я, конечно, понимал, что не заслуживаю этого, но я не мог не желать его. Я даже толком не понял, как это произошло. Я никогда не относил себя к тем, кто требовал большего. Мне нужно было много секса в любой день недели, без обязательств и без осложнений.

Но сейчас все было по-другому. Он был особенным для меня. Я хотел стать особенным для него.

Чем больше я думал о его словах, тем больше беспокоился. Может быть правда, что он никогда не делал ничего подобного раньше и даже когда был пьян. Если бы он не сказал «да», когда я спросил разрешения, если бы он не был таким твердым в моей руке, если бы он не кончал так сильно, так быстро и так долго в мой рот, что я чуть не подавился, тогда, возможно, я поверил бы, что это из-за виски.

Но нет. Он сделал это, потому что хотел. *Это то, о чем ты думал, Дерек. Я хочу этого. Просто и понятно.* Он сильно хотел этого — достаточно было рискнуть отказом. Достаточно найти силы уйти. Достаточно, чтобы сказать *«к черту последствия» и впиться поцелуем в мои губы*. В этом я был уверен на сто процентов.

И, пожалуй, на этом все. Возможно, это меня немного бесило. Если бы он пришел и просто сказал: *«я сожалею о том, как вел себя, это было ошибкой, давай забудем об этом и продолжим спокойно общаться»*, это было бы по-другому. По крайней мере, тогда бы он не отрицал правду.

Я был обижен и зол около тридцати секунд, прежде чем понял, как по-детски это все звучало.

Господи, Макс. Покончи с этим. Что хорошего в том, если бы он признал правду? Какое это имело бы значение? Если он больше не хочет тебя, ты ничего не можешь с этим поделать. Он так много сделал для тебя, что ты можешь хотя бы уважать его чувства.

Поклявшись исполнить его желание, через несколько минут я выключил шланг и закрутил его на катушку, установленную сбоку гаража. Какими бы ни были его причины, они были достаточно вескими для меня, и как бы хорошо не было прошлой ночью, какой бы замечательной не была наша близость, я постараюсь забыть то, что произошло.

Но когда я вошел в дом и увидел его за кухонным столом, мое стремление все забыть рассыпалось прахом. *Я снова хочу поцеловать тебя. Хочу чувствовать тебя своими руками. Так хочу ощущать твою кожу на своей.*

Я не мог вспомнить ни одного человека, к которому у меня была такая мощная тяга. Как будто между нами была сильная гравитация, как будто это было вовсе не чувство, а неизбежная сила, вытолкнувшая меня из центра и заставляющая ощущать себя дезориентированным и почти бессильным.

Мне это нравилось и в то же время нет.

Но в одном я был уверен — я должен все это скрывать.

После обеда, во время которого никто из нас не сказал и пары слов, Дерек принес на кухонный стол свой ноутбук вместе с бумагой и ручкой.

— Давай посмотрим, какие квартиры можно снять прямо сейчас. Хочешь сесть здесь, чтобы мог сам видеть?

Я перешел на его сторону стола, стараясь быть предельно осторожным и соблюдая некоторое расстояние между нашими стульями. Подобраться к нему слишком близко было не очень хорошей идеей.

— Это тебе, чтобы делать заметки, — он пододвинул мне бумагу и ручку. — И после того, как выясним, сколько будет стоить аренда, можем просчитать твой ежемесячный бюджет.

— Приблизительно? — я задумался.

— Мы сделаем разумные расчеты. Чтобы понимать примерную сумму, даже если и будут небольшие отклонения.

— Просчитаем все.

Дерек начал поиски, и по мере того, как тикали минуты, становилось все более ясно — чтобы переехать в приличное место, мне придется удвоить свои сбережения. Даже небольшая комната с ванной в общей квартире обойдется минимум в тысячу долларов в месяц. Первый и последний месяц аренды съест то, что я уже накопил, а еще придется думать о коммунальных услугах, продуктах, транспорте и одежде. Дерек помог мне прикинуть, сколько это может стоить в месяц, и мы сложили цифры. Общая сумма слегка вызывала тревогу.

— Bay, — сказал я, пропуская пальцы сквозь волосы. — Калифорния дорого стоит.

— Так и есть, — согласился Дерек.

— И мне все еще нужен ноутбук.

— Я думал об этом, — сказал он. — Я знаю, что он в начале твоего списка приоритетов, но в реальности, с приобретением нового придется подождать, пока ты не встанешь на ноги. На самом деле, у меня есть один, который ты можешь использовать.

— Ты дашь?

— Да. Он старый, поэтому не очень мощный и быстрый, но хоть что-то. Я просто почищу его, и он твой, до тех пор, пока будет нужен.

— Спасибо, — я встретил его глаза и понял, что мы не оставляли друг другу достаточного пространства. — Я не знаю, что сказать.

— Это ничего не значит, — облизав губы, он посмотрел на меня. — Просто старый ноутбук.

— Это много, — *о чём ты сейчас думаешь?* — Это много что значит для меня.

Мы оба замолчали, между нами было такое тяжелое напряжение, что я чувствовал себя придавленным. Мое сердце так громко стучало в груди, что заглушало звук работающего холодильника. Он слегка наклонился ко мне, и мне потребовалась вся моя сила воли, чтобы остаться на месте.

Поцелуй меня снова. Я так хочу тебя. Я так хочу этого.

Его дыхание участилось, грудь тяжело поднималась и опускалась. Я знал, что если положу на нее руку, почувствую бешенный стук, который точно также гремел в моей грудной клетке.

— Ты должен ненавидеть меня за прошлую ночь, — сказал он глубоким и спокойным голосом.

— Не знаю.

— Я ненавижу себя за это.

Мое сердце сжалось.

— Почему?

— Потому что это неправильно.

Вот и все.

— Разве тебе не было хорошо?

Он закрыл глаза и выдохнул.

— Это было чертовски потрясающе, — затем он снова посмотрел на меня. — Но Максим, это не то, кем я являюсь. Ты понимаешь? Я не хочу этого. Я не могу.

— Окей, — как бы мне не хотелось спросить, я понимал, что сейчас не стоит этого делать. Проблема была не во мне — это происходило с ним и с его убеждениями, и, если бы я попытался сказать правду, он бы еще глубже стал копаться в себе. Мое присутствие здесь только все усложнит. — Дерек, я должен найти другое место для жилья.

— Нет, это совсем не то, что я имел в виду. Я не хочу, чтобы ты уходил, я просто... мы просто должны забыть о том, что произошло, — настаивал он, как будто я возражал. — Это единственный способ.

— Хорошо. Мы так и сделаем, — я согласился с ним, стараясь не думать о его измученном взгляде. *Не смотри на меня так. Это не то, чего я хочу, но ты не даешь мне выбора.*

Через секунду на столе позади нас завибрировал его телефон. Он вскочил и схватил его.

— Привет.

Пользуясь передышкой, я глубоко втянул воздух, пытаясь освободиться от его запаха и вернуть свой сердечный ритм в норму.

— Да. Хочешь с ним поговорить?

Я повернулся на стуле, и Дерек передал мне телефон.

— Это Эллен.

— Спасибо, — я поднес телефон к уху и смотрел, как он выходит из кухни и входит в заднюю комнату. — Привет.

— Привет, Максим! — щебетала Эллен. — Ты занят?

Я слышал, как закрылась дверь в ванную.

— Нет.

— Готов пойти в бар? Дерек сказал, что привезет тебя.

— О. Конечно. У меня есть время привести себя в порядок? Я утром работал во дворе.

— Можешь не переживать об этом. Ты все равно захочешь принять душ, когда вернешься из бара. Я все время так делаю.

— Окей. Тогда, наверное, я готов, — если бы я еще мог заставить угомониться свой пульс.

— Отлично! На этой неделе мне потребуется помощник в баре, у меня не хватает рук. Увидимся через несколько минут.

— Хорошо. Пока, — я завершил звонок и положил телефон на стол. Когда Дерек вернулся на кухню, он выглядел гораздо лучше, более похожим на себя. Спокойным, кротким, все контролирующим.

— Готов? — спросил он.

— Почти. Я сейчас быстро переоденусь. Моя одежда с прошлой ночи все еще в сушилке?

— Да, — как будто нашего предыдущего разговора не было, он взял свой телефон и откинулся на стойку, сосредоточившись на экране. Боже, он мог переходить от горячего к холодному также быстро, как и от холодного к горячему, что, собственно, он и продемонстрировал мне прошлой ночью. Это было головокружительно. Радуясь причине покинуть дом, я быстро вытащил свою чистую одежду из сушилки и направился наверх, чтобы переодеться.

Глава 17

Дерек

Почему это не волнует?

Это сводило меня с ума. Все в нем сводило меня с ума. То, как я хотел его, как я поцеловал его, воспоминания о прошлой ночи..., но почему-то он совершенно не удивлен тем фактом, что я потребовал забыть все то, что случилось. На самом деле, сидя за столом, именно я снова хотел привлечь его к себе! Насколько же хреново это было?

Но ничего из того, что я говорил, не спровоцировало Максима, он по-прежнему оставался спокойным и отстраненным, пока я был готов лезть из кожи. Это просто убивало меня. Прошлой ночью он был полностью моим! Минет был его идеей! *Почему. Его. Это. Не волнует.*

Хуже того, почему меня это так волнует?

После молчаливой поездки на машине в бар, я высадил его и, пытаясь вернуть свою голову на место, в течение часа наматывал гребаные круги вокруг. Понимая, что это не помогает, я припарковался в торговом центре и прошелся по нескольким магазинам, убеждая себя, что нужно выбрать подарок для Эллен ко дню рождения, но вместо этого купил несколько вещей для Максима. Возможно, проблема была в том, что он все еще был в моей одежде. Может так у меня получится преодолеть это странное и притягательное чувство близости, и я не буду так воспринимать его? По дороге домой я позвонил Гейджу и спросил, могу ли зайти. В его доме всегда было столпотворение и полный хаос, что поможет мне отвлечься от мыслей.

— Конечно, чувак. Давай к нам. Мы во дворе.

Тридцать минут спустя, с холодным пивом в руке я сидел на их террасе, наблюдая, как дети плескаются в маленьком пластиковом бассейне. Лэни была в доме, готовила шашлыки для гриля, а Гейдж сидел рядом со мной и надувал гигантского резинового аллигатора, слишком большого для бассейна. Когда он закончил, то передал его Пенни, своей старшей дочери, и сказал поделиться им с братьями.

— Нет, — сказала она, убегая с ним. — Дядя Дерек, смотри на меня!

Гейдж отхлебнул свое пиво.

— Что за идея заводить детей?

— Да ладно, у тебя замечательные дети, — я аплодировал и свистел, когда Пенни сделала прыжок в бассейн на своем надувном плоту.

— Я знаю, но они разрушили мою жизнь. Эй, Уилл! — прокричал он своему пятилетнему ребенку. — Не толкай своего брата так! Он упадет, и мне придется вытаскивать себя с этого кресла, чтобы спасти его, а мне этого совсем не хочется делать!

— Я все слышу! — крикнула Лэни через окно.

— Ты все слышишь, — пробормотал Гейдж. Он поставил пиво на стол и вытянул ноги, скрестив их у лодыжек. Его руки были скрещены на животе, демонстрируя первые признаки брюшка. — Боже, я просто устал. Не припомнешь, когда такое было, чтобы я ложился спать после десяти и на следующий день был не отдохнувшим?

— Не помню.

— Это были классные времена.

Я не торопясь сделал длинный глоток пива.

— Все может быть, но если вернуться назад, я ничего не стал бы менять.

— Ты бы не стал? — он повысил голос. — Пенни, если ты попытаешься прокатиться на нем по земле, сотрешь его до дыр!

— Точно. У тебя есть все, чувак. Я завидую тебе.
Он посмотрел на меня.

— Завидуешь мне? Чему, моей душераздирающей ипотеке? Или это мой отец в совете директоров? Или ты завидуешь моему дому с вечным бардаком? Или способности менять грязный подгузник одной рукой?

Я поморщился.

— Может быть, не подгузникам. Или папаше акционеру. Но все остальное — ваши легкие отношения с Лэни, ваш дом, полный детей, ваши субботние футбольные матчи и воскресные барбекю. Хотел бы я иметь все это.

— В браке не все так легко, — заверил он меня. — Половину времени мы с Лэни хотим задушить друг друга. Вторую половину времени мы хотим задушить детей. Но ты на самом деле прав. Я бы ни на что это не променял.

Я снова поднес бутылку к губам.

— За сказанное!

— Да. За семью, — сказал он, улыбнувшись. — Чего же ты ждешь?

— Наверное, правильного человека, — я как-то неискренно засмеялся. — Кажется, я не могу найти такую.

— Кэролин мне показалась классной.

— Да, но... я не знаю. Она совершенна как лист белой бумаги, но между нами никакой химии. Я боюсь строить с ней серьезные отношения, потому как не уверен, что смогу испытывать к ней большее, чем чувствую сейчас.

— Что?

— Она мне очень нравится, но...

— Ты не хочешь ее трахнуть?

— Нет, — признался я.

Он провел рукой по своим непослушным каштановым волосам.

— Чувак, не женись на женщине, которую не хочешь, потому что это единственный человек, с которым тебе разрешено трахаться, пока смерть не разлучит вас. Ты это понимаешь? *Смерть*.

Я нахмурился.

— Понимаю.

— Может быть, ты слишком придираешься? — предложил он. — Я знаю, что тебе не понравится то, что я скажу, но, А — возможно тебе не нужна идеальная женщина с плюсами, Б — может, тебе стоит поискать неидеальную женщину с минусами, которую ты будешь просто трахать.

— Все может быть.

— Я имею в виду, ты можешь найти себе кого угодно, — продолжал Гейдж. — Девушки, чтобы быть с тобой, всегда выстраивались в очередь. Хотя, может быть и нелегко будет найти двадцати девятилетнюю маленькую очаровашку, одержимую чистоплотностью, которая обожает пылесосить и ненавидит песок также как и ты?

— Я не ненавижу песок, — закатывая глаза, сказал я. — Мне просто не нравится, что он везде попадается.

— Я хренею с тебя, — он хлопнул меня по руке. — Послушай, дай себе немного времени. Если это не происходит с Кэролин, тогда двигайся дальше. Это обязательно должно произойти с кем-то.

Я кивнул, снова опрокидывая пиво, глянул через плечо, чтобы убедиться, что Лэни все еще в доме, и тихо заговорил.

— У тебя когда-нибудь возникало желание обмануть Лэни? Тебя когда-нибудь привлекали другие люди?

— Я бы не сказал, что у меня есть желание обманывать, — Гейдж тоже говорил тихо. — Но да, меня иногда привлекают другие женщины. Я мужчина. Но я стараюсь на это не реагировать. Не стоит оно того.

— И что ты делаешь, чтобы заставить себя не реагировать на это?

— Это как бы уходит само по себе, когда я думаю о том, что у меня есть Лэни. Я никогда никем так не увлекался, чтобы рисковать потерять свою семью или причинить ей боль.

Конечно, нет. Но это мне не помогало.

Гейдж скрестил руки на груди и продолжал говорить.

— Ты знаешь, когда я влюбился в Лэни, она была самой соблазнительной из всех, с кем я до этого спал и с кем по определению не должен был спать. Мы очень долго были просто друзьями, я встречался с одной из ее соседок по комнате, и она, вроде как, встречалась с этим придурком по имени Броуди. Было множество причин, по которым мы не должны были встречаться. Но я не мог перестать думать о ней. Однажды ночью, когда она порвала с этим мудаком, и я чувствовал себя дерзким, я решился. Мы могли разрушить нашу дружбу, но мне необходимо было попробовать.

Я кивнул, прекрасно понимая, потому что я испытывал то же самое — отчаянное желание понять, что ты чувствуешь. Хотелось бы, чтобы все было так же просто между мной и Максимом.

Но в нашем случае, я не уверен, что хотел бы это знать. Какая мне от этого будет польза?

Я был у Гейджа и Лэни несколько часов, ел и пил, позволял их детям взбираться на меня, пока солнце садилось за холмами. Они были шумными и липкими от фруктового мороженого, которое таяло и размазывалось по всей моей рубашке, но я не возражал. Это было то, чего я хотел, — семья и друзья на террасе в теплую летнюю ночь.

Около девяти тридцати я получил сообщение от Эллен о том, что она позже сама привезет Максима домой, так что мне не пришлось ждать, чтобы забрать его. К тому времени дети уже утомились от бесконечных игр и солнца, так что я, поблагодарив и пожелав всем спокойной ночи, отправился домой.

Мой дом казался пустыннее обычного.

Глава 18

Максим

— Ты выжил, — улыбнулась Эллен и вручила мне конверт с наличкой. — Вот, возьми. Тут чуть больше сотни баксов. Жаль, что не больше, но не все сразу. В дальнейшем, я буду платить тебе еженедельно, но сейчас я решила заплатить тебе в конце смены.

Я не мог в это поверить. *Сто баксов*, прямо сейчас? Это была четверть моей аренды Дереку! Еще лучше, это были первые деньги, которые я заработал в США. Я с недоумением посмотрел на них, не то, чтобы мне не нужны были эти деньги, я мог бы назвать их своим первым большим достижением здесь. Может Эллен и не считает, что сто баксов — это большое дело, но я чувствовал себя богатым. И так... так благодарен. Мне даже пришлось отвернуться от нее, испугавшись, что я действительно могу прослезиться.

— Эллен, большое спасибо. Ты даже не представляешь, как я рад этой работе.

— Все в порядке. Для чего еще нужны друзья? Надеюсь, это было не слишком ужасно.

— Вовсе нет, — я был так занят первые несколько часов, что время пролетело быстро. Большую часть времени провел, помогая Эллен за баром — мыл бокалы, занимался заправкой льда, бегал в подвал, чтобы принести больше пива и вина, иногда принимал заказы на еду к столам, если обслуживающий персонал был занят. Последние пару часов с небольшим перерывом на ужин я помогал Эллен прибраться и пополнить запасы бара.

— Мы можем ехать прямо сейчас. Мой менеджер тут все закроет.

— Окей. Что я должен тебе за футболки? — когда мы приехали, она дала мне две черные футболки с логотипом бара. Одну я надел сразу, а другую сложил вместе с рубашкой, в которой я приехал.

— Ничего, — засмеялась она. — Это твоя форма.

Она пожелала спокойной ночи персоналу, который еще оставался, и мы вышли через заднюю дверь, где была припаркована ее машина.

— Запрыгивай, — сказала она, открывая водительскую дверь побитого джипа.

— Ты не запираешь двери? — я обошел машину, встал у пассажирской двери и попытался сесть, но сначала Эллен пришлось убрать с сиденья кучу вещей: бутылки с водой, стаканы из-под кофе, одежду, обувь, пластиковые контейнеры.

— Нет. Зачем? — когда я пристегнулся, она завела машину. — Здесь ничего воровать, и если кто-то очень сильно захочет этот кусок деръма, он может его забрать.

Я засмеялся.

— Ты *настолько* отличаешься от Дерека.

— О Боже, его машина почти стерильная. Ты можешь в ней даже есть с пола! — она отъехала со своего парковочного места. — Точнее, он вообще никому не позволяет есть в ней. И у него практически каждый раз учащается сердцебиение, когда ему приходится ездить в моей.

Я не удержался и спросил о нем.

— Он всегда был таким аккуратным и педантичным? Даже в детстве?

— Да. Всегда держал свою спальню в чистоте, никогда не разбрасывал свои игрушки, любил мыть свой велосипед даже больше, чем ездить на нем. Его друзья всегда говорили: «Дерек, это называется велосипед! На нем должна быть грязь!»

Я смеялся, представляя себе щербатого темноволосого мальчишку, которого видел на фотографии над камином, намывающего спицы колес.

— Хотел бы я посмотреть.

— Он, так-то, замечательный парень, но иногда слишком все серьезно воспринимает. Всегда таким был.

— Ну, он такой успешный. У него прекрасный дом и хорошая работа, шикарная машина. Он отлично обо всем заботится. Так щедр ко всем. Мне он кажется идеальным, — я поймал себя на мысли, что слишком много сказал, но Эллен не выглядела обеспокоенной.

— Я полагаю, он довольно близок к совершенству. Если судить по внешнему виду. Но я не знаю, насколько он счастлив.

Мне хотелось узнать больше.

— Ты не думаешь, что он счастлив?

Она на мгновение задумалась.

— Я думаю, что он одинок. Но, на самом деле, он никогда не говорит о своих чувствах.

— Я понимаю его.

— Я знаю, что он хочет семью, хотя у него уже есть одна, но, думаю, именно это влияет на него. Не знаю, говорил ли он тебе, у него были очень серьезные отношения с девушкой. Фактически, он купил дом, намереваясь переехать в него вместе с ней. Они собирались пожениться.

Я почувствовал в животе такую тяжесть, как будто проглотил камни.

— Даже так.

— В его представлении идеальная жизнь — дом, жена и дети. Потом она порвала с ним, и я думаю, что с тех пор он, вроде как, потерялся. Казалось, что он потерпел фиаско, и, если Дерек что и ненавидит больше чем грязь, так это неудачу.

Я улыбнулся, сочувствуя Дереку. Моим самым большим страхом был провал. Вопросы, которые я не позволял себе задавать, постоянно угрожали, как грозовые облака в глубине моего сознания. Что, если бы я не смог приехать сюда? Что, если бы мне пришлось вернуться в Россию? Что, если я не был достаточно хорош, достаточно умен, достаточно собран, чтобы достичь того, чего хотел?

— Часть этого идет от наших родителей, — продолжала Эллен. — Или, по крайней мере, от отца. На самом деле, мальчикам, когда они росли, было очень тяжело — строгие правила, высокие стандарты, много давления, чтобы быть лучшими во всем, будь то спорт или школа. Мне, наверное, было проще, может потому, что меня меньше всего волновало, чего хотели мои родители, — она засмеялась. — Я была паршивой овцой и провела много времени под домашним арестом.

— Но ты тоже кажешься довольно успешной.

— Спасибо, — она блеснула мне улыбкой. — Весело было прошлым вечером, не так ли?

Ты даже не представляешь.

— Да.

— Я так рада, что познакомилась с Кэролин.

— Они давно вместе? — даже спрашивая, я чувствовал себя виноватым, как будто это было неуважительно по отношению к Дереку. Но я ничего не мог с собой поделать.

— Недавно. Не думаю, что между ними что-то серьезное, но после разрыва, три года назад, он почти ни с кем не встречался. Не знаю, может он просто до смешного придирчивый, или действительно нет никого, достаточно хорошего для него, это какое-то проклятие, ты знаешь? Он именно тот парень, который хочет иметь семью и был бы лучшим мужем и отцом, потому что у него отличная карьера и отличный дом, и он любит заботиться о людях, у него просто не получается встретить правильную девушку. Может, Кэролин разрушит проклятие.

Я так не думал, но, конечно же, не сказал об этом Эллен. В моем сознании я слышал голос Дерека. «Проблема во мне. Иногда я не знаю, чего хочу».

Затем Эллен проговорила невероятное.

— Я даже задавалась вопросом, может Дерек гей.

Мой пульс подскочил.

— Серьезно?

— Да, я имею в виду, что есть некоторые признаки... Я никогда не спрашивала его об этом напрямую, но вопросы такие возникали.

Я понятия не имел, что сказать. К счастью, Эллен была болтушкой.

— Это сложно, потому что мы были воспитаны с верой в то, что это неправильно. Я люблю своего отца, но в некоторых случаях он может быть настоящим засранцем, и этот один из них. Он вырос в религиозной семье в очень консервативной части страны и

именно так все воспринимал. Когда мы переехали сюда из Огайо и впервые начали встречать гей-пары, он делал столько негативных комментариев о том, что это неестественно, аморально и все такое. Это чушь собачья, но он в это верит.

— Дерек тоже в это верит?

— Нет, я так не думаю. Но Дерек всегда хотел одобрения отца, больше, чем любой из нас. Я не помню, чтобы он что-то такое делал, что могло бы опустить его в глазах нашего папы, и даже сейчас, — она махнула рукой в воздухе. — И в любом случае, я живу далеко. Он всегда встречался с женщинами, и я знаю, что он планировал жениться на своей бывшей. Он, скорее всего, не гей. Он просто перфекционист (*прим. человек, который хочет достичь совершенства в любой из сфер своей деятельности*). Пожалуйста, не говори ему, что я тебе рассказала.

— Не буду, — пообещал я.

Мое сердце болело за Дерека. Чем больше я о нем узнавал, тем больше понимал, что проблема не в том, что он не знает, чего хочет, проблема в том, что он знает — ему просто сложно принять это. Он отрицает это желание. В его глазах это неправильно, не естественно, не идеально. Но он не может остановить это влечение.

Это все объясняло, и почему он сделал то, что произошло прошлой ночью на кухне, и почему убежал после этого, его оправдания сегодня утром и, наконец, почему он сказал, что ненавидит себя.

Я хотел бы помочь ему, но понятия не имел, как.

Когда мы въехали на подъездную дорогу к дому Дерека, я снова поблагодарил Эллен и пожелал спокойной ночи.

— Спасибо, — сказала она. — Завтра в то же время?

— Конечно, — Дерек и Эллен не должны были возить меня повсюду, поэтому мне было необходимо выяснить, как пользоваться общественным транспортом. Может, получится это сделать завтра. — Тогда до встречи завтра.

Я открыл дверь ключом, который Дерек дал мне сегодня днем. Внизу все светильники были выключены, в доме было тихо. Закрыв за собой входную дверь, я пошел наверх, мягко шагая, чтобы избежать шума. Время почти полночь, Дереку, вероятно, надо рано вставать на работу. Дверь его спальни была закрыта.

Что он делал сегодня вечером? Ужинал в одиночестве? Смотрел телевизор? Работал? Я думал о том, что рассказала Эллен, что, возможно, на самом деле ему было одиноко. Может ли кто-то такой красивый, добрый и сексуальный, как Дерек, действительно быть одиноким? Это казалось невозможным.

Быстро приняв душ и почистив зубы, я лег в постель, но никак не мог заснуть. Мой мозг гудел от всего того, что я узнал. Я потянулся к лампе и включил ее, взял свой блокнот и ручку, в течение десяти минут строчил о том, что Эллен рассказала мне и о своих переживаниях. То, что я чувствовал, было настолько жалким и беспомощным. Дерек так много делал для меня, и мое пребывание здесь, в его доме, не могло быть легким для него. Я был не только постоянным напоминанием о том, что он хотел забыть, но, если он хотел меня хоть наполовину так же сильно, как я хотел его, это была пытка, зная, что мы были разделены только одним коридором и двумя закрытыми дверями.

Закончив, я положил блокнот и ручку обратно в ящик и выключил лампу.

Через две минуты в дверь постучали.

Глава 19

Дерек

Сумасшествие. Внутри меня творилось какое-то безумие.

То, как я хотел его видеть. Как он был мне нужен. То, как я пролежал несколько часов в размышлениях, думая о нем и обещая себе, что буду держаться подальше.

Это помешательство, которое заставило меня хвататься за простыни, как будто они помогли бы мне удержаться в постели. Это было безумие, которое заставило меня возбудиться, когда я слушал, как он принимает душ, которое заставило меня встать с кровати, открыть дверь в спальню и пройти сквозь тьму, как призрак. Это было безрассудством приказать себе стучать, искать истину, что-то себе доказывать.

Что еще это может быть? Когда я уезжал от Гейджа, я был настроен решительно — ничего хорошего не может произойти, если я буду снова с Максимом. Ничего.

И все же, я стоял у двери его спальни, мое сердце грохотало, адреналин выплескивался, от нестерпимого желания ныл член.

Он открыл ее.

Влетев в комнату, я схватил его за голову и приблизил его лицо к своему.

— Не могу забыть, — зарычал я. — И я, бл*дь, не хочу этого делать.

Я грубо захватил его рот, проталкивая язык между его полными, твердыми губами, отчаянно желая попасть внутрь него любым способом, которым мог. Он целовал меня в ответ так же неистово, его руки обивали мою талию и скользили по моей спине. Это сводило меня с ума, я мог думать только о его руках на моей коже — сильных, жестких, мужских руках, которые, как бы наказывая, хватали и притягивали.

— Черт тебя побери, — прошептал я, толкая его глубже в комнату. — Будь ты проклят за то, что делаешь со мной, — схватив одну из его рук, я положил ее на свой член, возбужденный и болезненно жесткий внутри моих штанов. — Будь ты проклят за то, что заставляешь меня желать большего.

— Позволь мне дать тебе больше, — он пытался дотянуться до застежки, но я оттолкнул его руку.

— Нет. Не в этот раз, — были моменты, которых я жаждал, если бы позволил Максиму, — его руки, его рот на моем члене, но все бы закончилось, прежде чем это началось. Я хотел, чтобы на этот раз он почувствовал себя уязвимым. — Я хочу видеть тебя голым.

Он стянул трусы и отбросил их. Я тут же взял в руку его член, не сдерживая стона от ощущения горячей, тяжелой длины. Он стал еще тверже, когда я гладил его, и, чувствуя, как он набухает и пульсирует внутри моего кулака, у меня закипала кровь. Макс приблизился ко мне, его губы двигались по моей шее, я чувствовал на своем горле его теплый и влажный язык. Я быстро и крепко прижал его к себе. Его стоны — все тело вибрировало от его желания — я чувствовал, как этот звук течет по моему телу, как будто мои вены были живыми проводами.

— Чего еще? — он просунул кончики пальцев в пояс моих штанов. — Чего еще ты хочешь?

— Я хочу прикасаться к тебе. Везде, — я позволил своим рукам бродить по твердым мышцам и горячей коже, с трудом подавляя животный порыв внутри меня бросить его на кровать и удовлетворить этот чертов ненасытный голод, воспламеняющий все мои внутренности. Это было безумие — стукаясь зубами, я втягивал его губы, язык, лихорадочно целовал ключицу, облизывал шею, кусал его плечи. Я не мог насытиться

тем, как он пахнет — ни цветочных духов, ни фруктовых лосьонов, ничего женского, ложного, фальшивого. Просто чистый, мужской аромат мыла и кожи.

Он развязал шнурок моих штанов, и они упали у моих ног. Его рот искал мой, когда руки прошлись по моей заднице. Скользя языком между моих губ, он сжал мою плоть и прижал меня к себе, захватывая наши эрекции между нами. Он ловил губами мое дыхание, рычание, вырывающееся из груди, когда прижимался бедрами, потираясь голым членом о мой. Я трогал руками его грудь, плечи, его волосы. Трение между нами вызывало огненный вихрь в глубине моего тела и сжимало мои мышцы.

Мой Бог, это действительно происходит? Я должен это видеть. Разорвав поцелуй, я посмотрел вниз, как касаются наши тела. Увиденное завораживало меня — два мужских торса, плотные и сильные, увитые мышцами и венами; два толстых, твердых члена, стоящих по стойке смирино, темнели на фоне кожи пресса — и я потянулся между нами. Задушенный крик вырвался из Максима наружу, когда я обернулся обоих в один кулак и стал двигать рукой вверх и вниз, точно так же, как я бы дрошил себе, но в тысячу раз жарче, потому что нас было двое. Наше дыхание было рваным и грубым, его пальцы вонзались в мое тело. Я представлял, как он оставляет синяки, и это меня будоражило. *Да. Оставь на мне свои следы.*

Прошло всего мгновение, прежде чем я почувствовал, что мы становимся скользкими под моими пальцами. Я был близок к оргазму, Максим тоже — я мог слышать это в его горле, чувствовать в мышцах и в горячем, набухшем члене внутри моей руки. До меня дошло, что именно я смог привести его в это задыхающееся, горячее, дикое состояние, что именно мое тело, мои объятия, мои движения, приводили его к этому. Мне нравилось смотреть на него — это так отличается от наблюдения за женщиной, но в то же время, все настолько знакомо тоже. Его тело было как мое, и я видел, как мое удовольствие отражалось в нем, как будто он был зеркалом.

Мне нравилось в нем все — ложбинка между его грудными мышцами, ширина его плеч, сужающаяся к подтянутой талии, угол его спины, когда он слегка откинулся, толкая бедра вперед. Мне нравились пульсирующие мышцы на животе, слабый след дорожки волос под пупком, серебристый блеск кожи в темноте. И мне нравились агония на его лице, открытый рот, полузакрытые глаза, ярко выраженное противостояние. Он борется?

Радовала мысль, что у него внутри тоже шла борьба, что он также страдал из-за меня, и только я мог дать ему облегчение.

— Я хочу, чтобы ты кончил, — прошелестел я сквозь стиснутые зубы. — Я хочу смотреть на тебя. Хочу почувствовать это в своей руке, чтобы ты кончил мне на живот.

Он шептал непонятные слова тоски, может быть, даже не на английском, его голова поворачивалась из стороны в сторону, как будто он все еще намеревался продержаться дольше. Его профиль был так красив, что меня накрыла злость.

— Давай, — потребовал я, двигая рукой все сильнее и быстрее, чувствуя, как мои ноги слабеют перед оргазмом. *Бл*ть*, я не хотел терять контроль, пока он не кончит, но все, что я делал с ним, я делал и с собой. — Будь ты проклят, не отталкивай меня. *Сейчас. Сейчас!*

И он сделал то, что я просил, крепко сжимая меня и толкаясь бедрами, двигаясь жесткими, резкими рывками, выстанывая что-то, возможно, «ты чертов мудак» по-русски. Мои мысли были об одном — я доминировал своей неуправляемой страстью над ним, и это было безумно возбуждающее, как и это зрелище — чужая мужская сперма, что попала на мою грудь и живот, скользила в моем кулаке, обволакивая мой член и толкая меня за край. Внутри все сжималось, пульсировало, закручивалось вихрем, прежде чем внезапно освободиться в ревущем порыве блаженства, взрываясь и выплескиваясь на нас обоих.

Сумасшествие. Вот что это было.
Я больше не мог его сдерживать.

Глава 20

Максим

Мы стояли, тяжело дыша, залитые спермой друг друга, его рука все еще обнимала меня. Я моргнул несколько раз, пытаясь убедиться, что со мной не призрак или мираж.

Но он оставался на том же месте, где был, настоящий, его крепкие бедра под моими руками, его теплое дыхание на моем лице. От страха, я молчал и не двигался, боясь спугнуть волшебный момент. Бешеный стук, который я слышал, это его сердце? Или мое?

— Э. Прости, — осторожно, чтобы ничего не попало на ковер, он отпустил нас.

— Не извиняйся, — разочарованный, я убрал с него руки, хотя то, что мне больше всего хотелось сделать, это прижаться к нему. — Это было потрясающее.

— Да, — он выдохнул, ненадолго закрыв глаза. — Дай мне минутку.

Он поднял штаны и вышел из комнаты, а я быстро воспользовался ванной в коридоре. Вернувшись в свою комнату, я включил прикроватную лампу и натянул нижнее белье и спортивные штаны, которые он одолжил мне.

Все это время я только и думал: *Какого черта? Почему он опять извиняется? Он собирается снова от меня отмахнуться?*

— Эй.

При звуке его голоса, я посмотрел вверх. Он стоял в дверях, в штанах и без футболки. В отличие от того, как он ранее ворвался, смесью огня и силы, теперь он выглядел так, будто боялся войти.

— Эй, — я улыбнулся ему. — Ты можешь войти.

Он вошел в комнату на пару метров, остановившись далеко от того места, где я стоял. Он выглядел как-то неуверенно, стоя, засунув руки в карманы.

— Послушай, я знаю, что ты не хочешь еще оправданий или извинений, но чувствую, что я, по крайней мере, должен тебе кое-что объяснить.

— Окей.

— Ты, должно быть, думаешь, что я такой говнюк, — продолжил он, — вот так врываясь сюда, говоря тебе все это.

— Я так не думаю, и вовсе ты не говнюк.

— Ты должен так думать, — тихо проговорил Дерек, запуская пальцы в волосы, еще больше запутывая их. Разочарование усиливало его тон. — Ты почти не отреагировал сегодня, когда мы говорили о произошедшем прошлой ночью. Это сводило меня с ума.

— А как я должен был реагировать? — я с непониманием смотрел на него. — Ты сам сказал, что это ничего не значит. Что был пьян. Ты же сам потребовал забыть об этом. Это все, что я пытался сделать, — я колебался, анализируя, насколько открытым я должен быть, решаясь пойти на это. Может, он хотел это услышать. Может, это что-то изменит. — Но это бесполезно, Дерек. Я никогда не забуду, что произошло между нами прошлой ночью или сегодня. Уверен, что и ты тоже. Но если тебе это действительно не понравилось, и ты решил притвориться, что ничего не произошло — *снова* — никаких проблем.

Его упрямая челюсть дернулась, но он ничего не сказал.

— Я никогда не говорил, что мне это не нравится.

— Так тебе было хорошо?

Он приподнял бровь.

— Я думаю, что это было довольно очевидно, не так ли?

Мне пришлось улыбнуться.

— Но Максим, я *не хочу* этого. *Это* только вызывает у меня проблемы, — тяжело вздохнув, он откинулся на комод, его плечи опустились. — Я имел в виду то, что сказал сегодня утром. Я никогда не был с парнем до тебя. Но я... я думал об этом. Я хотел узнать, каково это.

— И... теперь, когда ты знаешь?

— Мои мозги еще более вывернуты. Если бы я не пришел сюда, незнание все равно разъедало бы и сводило меня с ума. Но теперь, когда я знаю, еще хуже, — он покачал головой. — Что, бл*дь, со мной?

Если бы я был уверен, что это поможет, я бы подошел к нему. Коснулся его. Заверил, что все было хорошо, что *он* в полном порядке. Но почему-то мне показалось, что это будет неправильный шаг. Вместо этого я тщательно подбирал слова.

— С тобой все в порядке, Дерек. Не будь так строг к себе. Тебе было любопытно, да и со мной что-то произошло. Если ты хочешь забыть об этом, мы сможем, но, если ты чувствуешь, что хочешь посмотреть, куда это заведет... я бы тоже за это взялся.

— Я не знаю, чего я хочу. Я имею в виду, я знаю, чего хочу *физически*, по крайней мере, с тобой, но это абстрактное видение, и совсем не то, что я хочу для себя в этой жизни.

— Что?

— Жена и дети. Мне нужна семья.

Я медленно кивнул. Я не был уверен, до чего именно мы с Дереком можем дойти, но я был убежден, что это никак не приведет к жене и детям. Пока я пытался что-то сказать, он продолжал.

— Я говорил тебе раньше, что вырос в религиозной семье. Мои родители... — он покачал головой. — Они никогда не поймут, не примут это. Я никогда не буду в порядке.

— Как давно ты борешься с этим?

— Давно. Может, с двенадцати или тринадцати лет. Но я всегда понимал, что со мной что-то не так. Дефект или неисправная проводка. Потому что девушки мне тоже нравились.

— У многих людей так.

Это заставило его улыбнуться, но улыбка быстро исчезла.

— Во всяком случае, я никогда ничего не делал с этими чувствами, кроме как ненавидел и скрывал их. Молился, чтобы они ушли. Зато...

— Зато?

Он посмотрел на меня голодными глазами.

— В тебе просто что-то есть такое.

— Мне жаль, но мне это нравится. Как-то так...

— Нет. Не переживай, — его лоб нахмурился от негодования. — Это мне должно быть жаль. В этом нет ни капли твоей вины, только моя, и я действительно осознаю это.

— Это не так, — сказал я, качая головой. — Дерек, ты был так добр ко мне. Ты обращался со мной лучше, чем кто-либо в моей жизни. Я не знаю, что я сделал, чтобы заслужить твою доброту и помочь, но я так благодарен тебе за это. Я никогда этого не забуду.

На его губах появилась грустная улыбка.

— Мне приятно это слышать.

— Это правда. И мне нравится, что ты получил удовольствие, — добавил я.
Его улыбка расширилась, но все равно была скорбной.

— А ты? Я чувствую себя дерьмово, даже говоря все это тебе. Надеюсь, ты не думаешь, что я осуждаю тебя. Моя проблема только во мне.

— Я понимаю.

— Понимаешь?

— Да. Я никогда не боролся с этим, как ты, вероятно, потому, что мне всегда было предельно ясно, что меня не привлекали девушки, но также из-за того, где я вырос. Быть открытым геем в России не принято. Но, похоже, что и здесь тоже.

— Знаю. Я бы хотел быть *другим*. Каким-то другим, парнем, которому все равно, что о нем подумают и скажут, потому что быть с тобой так хорошо. Я просто не знаю, смогу ли я. Что-то во мне отказывается принять это.

Видеть его таким противоречивым, его желание стать для меня кем-то *другим*, было душераздирающим.

— Дерек, если ты хочешь, чтобы я ушел, если это облегчит тебе задачу, скажи, и я уйду. Завтра у меня будут деньги, и я найду место, где остановиться.

Он закрыл глаза, медленно выдыхая.

— Позволь мне подумать об этом.

— Конечно, — я думал, что он скажет спокойной ночи и уйдет, но он продолжал стоять, прислонившись к комоду.

— Максим. Подойди ко мне.

Удивленный, я остался на месте.

— Что?

Он встретил мой взгляд и сказал более твердо.

— Подойди ко мне.

Я направился к нему, но только когда я встал прямо перед ним, он потянулся ко мне, обхватывая руками мою талию, притягивая меня ближе и прижимаясь лбом к моей груди.

Я обнял его своими руками. Его тело было теплым, но озноб прокатился по моей спине. Чистое счастье накрыло меня, просачиваясь до костей. Мне так хотелось сказать ему: *Останься со мной. Позволь держать тебя в своих объятиях всю ночь. Я заставлю тебя чувствовать себя спокойным. Может, он тоже хотел сказать: «Не отпускай меня, я хочу быть с тобой, покажи мне как это».*

Но через мгновение он еще крепче обнял меня и вышел из комнаты, кроме доброй ночи, никто из нас больше не сказал ни слова.

Я вернулся в кровать, но лежал без сна в течение нескольких часов, мой мозг отказывался отключаться. Дерек еще не спит? О чем он там думает? Он попросит меня уйти? Я думал обо всем, что он сказал мне сегодня вечером, мне было так приятно, что он доверил мне свои проблемы и метания. Даже если бы это было не совсем то, что я хотел услышать, по крайней мере, он был со мной честен. Он открыл мне то, о чем никогда никому не говорил. Это заставило меня почувствовать, что у меня есть частичка его, что-то более ценное, чем одежда, дом и даже время, проведенное вместе. Это был кусочек, которого не было ни у кого. Эту правду о нем никто не знал. Теперь у меня был один из его секретов.

Я хотел их всех.

Впервые у меня возникло желание узнать каждый темный уголок чьего-то разума. Я хотел попробовать каждое потайное место на его теле. Я хотел остаться с ним.

Я хотел не просто большего, я хотел всего.

Честно говоря, от этого делалось страшно.

Глава 21

Дерек

Я был разбит.

Прошлую ночь окончательно погубила меня.

Сидя за рабочим столом и повернувшись в кресле лицом к окну, я смотрел на заполненные офисами и квартирами небоскребы в центре города. На улицах жуткие пробки. Здание за зданием — предприятия, магазины, рестораны. Тротуары, полные людей. Как в миллионном городе можно быть одиноким?

Я довольно давно испытываю это чувство. Присутствие Максима на выходных заставило меня осознать это. Я и забыл, как приятно было завтракать с кем-то. Заботиться о ком-то... Целовать кого-то в темноте.

Его присутствие сделало мой дом менее пустым, ставило передо мной задачи, позволяло чувствовать себя нужным, полезным и заслуживающим доверия. Максим доверял мне, и я не мог перестать думать об этом. Я воспользовался этим прошлой ночью? Использовал его в попытке ответить на некоторые вопросы обо мне? И теперь, когда у меня был ответ — сейчас, когда я знаю — могу ли я уйти от него? Уйти от единственного человека во всем мире, с которым я был самым искренним, полноценным, настоящим? Единственного человека, которому я доверил свой секрет?

Я боялся, что не смогу, и этот страх охватывал меня так же сильно, как безумие обладать им. Боже, как я хотел его видеть.

От воспоминаний о прошлой ночи в животе все трепетало. Это было так здорово. Настолько правдиво. Поразительно ярко. Я не хотел ничего большего, чем повторять это снова, и снова, и снова. Чувствовать эту близость с ним. Наслаждаться ею. Рассказывать больше о себе и узнавать больше о нем. Но какова цена?

Был ли я готов отпустить свои фантазии об идеальной жизни? Идеальной семье? Я действительно сделал все, что мог, чтобы это произошло? Готов ли я столкнуться с порицанием моих родителей и коллег, незнакомых людей и Бога? Это действительно сделает меня счастливым? И опять же, буду ли я счастлив, женившись на женщине, к которой я не испытываю страсти? Жить жизнью, которая заставляла бы меня скрывать часть себя, кем я был на самом деле? Вечно душить то, что заставило меня чувствовать себя прошлой ночью таким чертовски живым? Возможно, это мое наказание. Мой крест.

По крайней мере, у меня была семья.

Но что насчет Максима?

Максим. Так молод, так полон жизни, готовый объять весь мир. В нем было так много, что он мог предложить, и так много чему учиться. Совершать ошибки и праздновать победы. Достигать личные цели. Он все еще был на том этапе жизни, когда ты думаешь только о сексе, еде и о карьере. Я хорошо это помню, но для меня это давно уже пройденный этап.

Скорее всего, он очень быстро от меня устанет. В Лос-Анджелесе ему захочется ходить в клубы, встречаться с людьми своей индустрии и прекрасно ощущать себя на свои двадцать с чем-то, с их селфи, соцсетями и хэштегами. Вместо двадцати, мне было уже под сорок, я не посещал клубы в течение многих лет, и моим хэштегом может быть только *#трахниреальность*. Если не считать Максима, я даже не знал, о чем разговаривать с двадцатилетней молодежью. Какого черта, что он вообще во мне нашел? Я, с моими седыми волосами и ранней ломотой в костях субботними вечерами. Он мог найти себе кого угодно.

И, конечно, в ближайшие несколько лет, он может вообще не задумываться о семье. Но я не хотел в пятьдесят лет толкать коляску, гуляя по окрестностям. Как долго мне еще ждать? Максим сказал, что он готов «посмотреть, куда это нас приведет», но, похоже, было неправильно насиливать его чувства, когда я точно знаю, что ничего из этого не выйдет.

Ты не можешь иметь все сразу. Либо кратковременное удовлетворение, либо призрачные цели. Сделай свой выбор.

Хмурясь, я развернулся лицом к столу, взял телефон и набрал номер.

— Привет!

— Привет, Кэролин, это Дерек. Как поживаешь?

— Отлично. Как у тебя дела?

— Все хорошо. Слушай, могу я пригласить тебя на ужин сегодня?

— С удовольствием. Во сколько?

— Что если к семи?

— Отлично. Я еще успею после занятий сделать пробежку.

— Здорово. Ты знаешь, мы должны бегать вместе.

— Хорошая идея, — она остановилась. — Bay, твое настроение намного лучше, чем было в субботу вечером.

Могла ли она понять, сколько усилий мне понадобилось для этого?

— Я заеду за тобой в семь.

— Хорошо. До встречи.

Это случилось. Последняя попытка стать другим.

Мой телефон все еще был в моей руке, когда пришло сообщение от моей сестры.

Эллен: Привет!! Просто хотела, чтобы ты знал, вчера с Максимом все прошло очень хорошо. Он такой трудолюбивый! ЛОЛ, ты бы видел его лицо, когда я отдала ему конверт с деньгами в конце смены — как будто я дала ему миллион долларов!

При виде его имени я почувствовал себя виноватым. Мне придется рассказать Максиму, что я встречаюсь сегодня с Кэролин. Не потому, что я давал какие-то обещания или что-то подобное, а потому, что прошлой ночью между нами повисла в воздухе какая-то недосказанность. Я не хотел его к чему-то обязывать, он заслуживает лучшего, того, кто будет смелее меня.

Дерек: Он сегодня работает?

Три маленькие точки на экране исчезли, когда пришел ответ.

Эллен: Да. Я забираю его в 15:30. Он пытался сказать мне, что поедет на автобусе, «смеющийся до слез смайлик».

Я бы улыбнулся, но не получилось.

Дерек: Ты сможешь после работы привезти его домой?

Эллен: Окей.

Несколько минут я сидел и смотрел в телефон, пытаясь вспомнить, что собирался сказать Максиму, как ему все объяснить. Насколько я знаю, ему было не все равно.

Но когда я сделал звонок, чутье подсказывало мне, что он ответит.

— Алло?

— Привет. Это я.

— Привет, — он был так счастлив слышать меня, что я поморщился.

— Что собираешься делать сейчас? — сбивчиво спросил я.

— Я прямо сейчас иду в «Вестерн Юнион». Я нашел его всего в двух километрах от твоего дома. Мама звонила сегодня ночью, чтобы сообщить, что перевела мне деньги.

Мне нравится, как он говорит километры.

— Хорошо. Просто замечательно.

— Да, и я составил список дел, которые мне нужно сделать после этого. Ты гордишься мной?

Черт возьми, как приятно.

— Конечно. Что в твоем списке?

— Открыть счет в банке, оформить кредитную карту и купить одежду.

Со всей суматохой прошлой ночью, я забыл отдать те вещи, которые купил для него.

Теперь я даже не был уверен, надо ли это делать.

— Отлично.

— Как проходит твой день?

Отвратительно.

— Нормально, — я нахмурился. — Максим, я просто хотел, чтобы ты знал, я сегодня вечером ужинаю с Кэролин.

Молчание.

— О.

— Я хотел быть честным, потому что во время нашего вчерашнего разговора ты был со мной таким сочувствующим и искренним. Я принял решение, что не хочу продолжения. Прости, но я просто не могу.

— Окей.

— Я чувствую, что обязан сделать это ради себя и ради нее, дать нам еще один шанс, — бессвязно бормотал я, но никак не мог остановиться.

— Я понимаю.

— Но это не значит, что я хочу, чтобы ты ушел.

Я запутался. Я хочу, чтобы у меня было два пути.

— Спасибо. Удачного дня.

— Благодарю.

Закончив звонок, я опустился лбом на стол, представляя Макса, стоящим перед «Вестерн Юнион», как он смотрит на свой телефон и думает: *что за гребаный трус*. Во всяком случае, я так себе это представлял.

Через мгновение я поднял голову и потряс ею. Я принял правильное решение. Я не был безрассудным, я был реалистом. Рассмотрев все варианты, взвесив плюсы и минусы, я остановил свой обоснованный выбор на долговременных и долгосрочных целях. Это то, что я всегда делал. Это то, кем я был. Или, по крайней мере, это то, кем я пытался быть. Рано или поздно мои чувства наверстают упущенное.

Должны наверстать.

* * *

— Я так рада, что ты позвонил мне, — сияя, Кэролин потянулась и похлопала ладонью по моему бедру, когда мы ехали в центр города. — Я беспокоилась за тебя.

— За меня? — я притворился удивленным.

— Да. Ты действительно выглядел встревоженным прошлой ночью.

— Не стоит. Тут не о чем беспокоиться.

— Хорошо. Так куда мы едем?

— Я подумал, будет неплохо отвезти тебя в бар моей сестры. Ты как-то упомянула, что никогда не была в «Слепой свинье», в баре, где незаконно торговали спиртными напитками, — я проигнорировал голос в моей голове, который твердил, что это не

настоящая причина, по которой я хотел туда пойти. Мне хотелось к тому, кто знал, что я обманщик. К тому, который понимал мою неспособность держаться от него подальше.

— Я этого не говорила! — Кэролин была в восторге. — Я бы с удовольствием пошла туда! Твоя сестра такая замечательная. Она мне действительно понравилась.

— Ты ей тоже понравилась.

— Она это сказала? Боже, — она помахала рукой в воздухе. — Веду себя как ученица средней школы. Забудь об этом.

— На самом деле, не только Эллен сказала это, но и Максим, и Гейдж, и Лэни, все говорили мне, как ты прекрасна, — конечно, я слегка преувеличил, но мне понравился румянец, который окрасил ее щеки, и было облегчением осознавать, что когда захочу, я все еще могу быть обаятельным.

Я продолжал источать его, открывая дверь машины для нее и помогая ей, предлагая свою руку, когда мы шли от парковки до бара. Выглядела она ослепительно счастливой, более красивой, чем я когда-либо видел ее, на самом деле, я уверен, со стороны мы выглядели как идеальная пара. Но как только мы вошли в бар, оглядевшись вокруг и увидев Максима, как он спешит, неся с собой охапку бутылок с ликером, у меня внутри похолодело. Какого хрена я тут делаю? Это было так несправедливо, приводить Кэролин сюда, шествовать с ней прямо перед его носом. И теперь, когда я увидел его, я понял, что хочу его еще больше. Разница в реакции моего тела на него по сравнению с реакцией на Кэролин была ошеломляющей.

Просто держись от него подальше, — говорил я себе, обнимая Кэролин за спину.

— *Если ты не можешь похоронить свое желание полностью, в конце концов, держись от него подальше.*

Это было невыносимо — каждый раз, когда я видел его краем глаза, я терял смысл того, что говорила мне Кэролин — но я думал, что довольно хорошоправлялся с задачей. У Максима получалось еще лучше. Конечно, он был на работе, но он даже ни разу не взглянул на нас за все время, пока мы были там, как будто мы не знакомы. Он поприветствовал нас кивком, когда мы вошли, но на этом все. Он недоволен? Эта мысль разозлила меня. Он сказал, что все будет в порядке! Знал ли он, как трудно, сидеть за столом с одним человеком и желать быть с другим? Пытался скрыть это? Испытывал ужас, вину и стыд? *Это так легко для тебя, не так ли, Максим? Ты точно знаешь, кто ты и чего хочешь, и тебе все равно, кто и что думает поэтому поводу. А для меня все иначе, так что не надо сначала говорить мне, что понимаешь, а потом судить меня.*

Не столько его игнор бесил меня, сколько то, что я видел, как он флиртовал с клиентками. Флирт! С женщинами! Дарил им свои загадочные русские улыбки и взгляды больших голубых глаз и, вероятно, очаровывая их своим акцентом. А они смеялись, хлопали ресницами и касались его руки или груди. Они, наверное, рассчитывали, что он пойдет с ними. Потребовалось все, чтобы я не побежал туда и не наорал: «на хрен, ему даже не нравятся твои прелести!»

Но больше я старался с Кэролин. Был внимательным и вежливым. Я смеялся над ее шутками. Говорил ей, какая она красивая. Спрашивал о ее семье, ее работе, какая у нее любимая музыка. Я делал выводы о том, сколько у нее должно быть терпения, чтобы быть учителем, насколько сильнее меня она была в математике, восхищался ее марафонскими забегами. Взял ее за руку, мы вернулись к машине. Я поцеловал ее на крыльце, целомудренно прижавшись к ее губам, надеясь почувствовать хоть какую-то искорку.

Но нет.

Конец этому чертову фарсу. Это невыносимо.

В то время как я пытался придумать способ прекратить все это, не выставив себя полным мудаком, Кэролин заговорила.

— Дерек, — сказала она, убирая волосы за уши. — Я очень надеюсь, что ты поймешь меня правильно, но... — она улыбнулась мне смущенно. — Я не думаю, что у нас, по неизвестной мне причине, достаточно химии. Правильной химии. Ты мне очень нравишься, и я думаю, что нравлюсь тебе тоже, но... — она покачала головой. — Чего-то не хватает. Я действительно надеялась, что наши отношения будут как-то развиваться, или мы найдем желание где-нибудь по пути, но этого не происходит, — на ее лице было мучительное выражение. — И мне действительно жаль, потому что ты горячий и шикарный парень, ты одинок, и я тоже, и у меня не былоекса до смешного, очень, очень долгое время, но мое чутье говорит мне, что нам лучше остаться друзьями.

Меня охватило чувство облегчения.

— Кэролин, прости.

— Не надо. Мне с тобой было хорошо. Я не хочу, чтобы после всего этого мы остались чужими людьми.

— Мне тоже было хорошо с тобой. Хотелось бы мне, чтобы все было по-другому.

— Мне тоже. Кто знает, может быть, в другой жизни мы сможем быть больше, чем друзьями, — легко сказала она, засунув руки в задние карманы. — Но все, что нам остается делать, — жить, и я хотела бы провести остаток своей жизни с тем, кто будет сходить с ума по мне, — она грустно улыбнулась. — Но, сначала, его нужно найти.

— Ты непременно будешь счастлива. Ты прекрасна, Кэролин. И какой-то счастливчик обязательно встретится на твоем пути и упадет к твоим ногам. Я уверен в этом.

— Все может быть, — она пожала плечами, но от этой мысли она выглядела чуть счастливей. — Что насчет тебя?

Я не был уверен, что она имела в виду.

— А что насчет меня?

— Тебя это устраивает?

— Да. Честно говоря, я чувствовал то же самое, но я не хотел ничего решать, не дав нам реального шанса.

— У нас был отличный шанс. Это просто не должно было случиться, — она колебалась, как будто хотела сказать больше, но не была уверена, что должна это говорить.

— Что? — подсказал я.

Она наклонила голову.

— Я могу задать тебе вопрос? Это возможно бред, и я могу ошибаться, но это сидит глубоко в моем сознании в течение двух дней, и я ни в коем случае не хочу оскорблять тебя, но, возможно, что...

— Кэролин.

— Окей, — она сделала глубокий вдох. — Может, я и далека от истины, но в субботу вечером почувствовала между тобой и Максимом что-то. Может быть, все это было в моем воображении, но...

— Ты права, — быстро сказал я. — Ты слишком далека от истины.

Она махнула ладонью на меня.

— Как я уже сказала, я могла ошибиться.

— Это так и есть, — мне нужно срочно убираться отсюда. Затылок пульсировал, и я боялся, что мое лицо выдаст меня. Я не был готов к этому. — Мне пора идти.

Ее лицо поникло.

— Окей. Мне правда очень жаль, Дерек. Я не хотела тебя обидеть. Я просто знаю, как трудно найти кого-то, с кем у тебя реальное притяжение, и ты упомянул, что с чем-то борешься, вот я и подумала...

— Ты сделала неправильные выводы, — я сделал шаг назад. — Но все в порядке. Я не обижаюсь.

— Хорошо. Ну... спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Я спустился с ее крыльца и направился вниз по дорожке, чувствуя, как она смотрит на меня. Она знает. Это было настолько очевидным... она знает. Но как? Никто больше ничего не говорил! Опять же, никто больше из гостей не был романтически сосредоточен на мне или не обращал на меня пристального внимания, как она. Плюс Кэролин была умной и интуитивной. Она, наверное, заметила, как я смотрел на него в субботу вечером, может быть, даже сегодня. Я был недостаточно осторожен.

Я был в полном противоречии, более чем когда-либо. Подавляя стон, я сел в машину и завел ее.

Будь ты проклят, Максим. Будь ты проклят за то, что приехал сюда и вынес мне мозг таким образом. У меня были планы, и ты сорвал их. Да, может быть, я сделал первый шаг, второй — но почему ты так легко поддался мне? Почему ты не закрыл дверь перед моим лицом? Почему ты позволил мне сделать это с тобой?

Я поехал домой, смущенный и злой, с большим сомнением в том, что не буду пытаться сделать это снова сегодня вечером.

На самом деле, я был уверен, что смогу.

Глава 22

Максим

Я не имел права злиться, так как был в курсе этого. Умом я понимал, что Дерек имеет полное право сказать мне «нет» и пойти на свидание с Кэролин. Да с кем угодно.

Но неужели надо было привезти ее именно сюда, прекрасно понимая, что я увижу их? Чтобы я смотрел, как он уделяет ей все свое внимание, которое я хочу от него? Где я буду вынужден столкнуться с реальностью, что он не хочет, чтобы я помог ему преодолеть его страхи? Чтобы мне было достаточно для понимания?

В этом городе должно быть тысячи ресторанов. Почему он выбрал именно тот, где я работаю?

Он сделал это специально, просто чтобы поиздеваться надо мной? Зачем?

Я весь вечер злился, в первую очередь на него, потом на себя, за то, что так реагировал на это. Какая-то бессмысленная, извращенная форма гнева, которая, к концу вечера, заставила мой мозг взрываться. Я потратил нелепое количество энергии, флиртуя с девушкиами, чтобы досадить ему. Я очень надеялся, что он все это видел.

Боже, неужели я действительно верил, что он выберет меня? Решил, что буду иметь хоть какое-то значение для него только потому, что позволил отсосать ему на кухне или подроцить мне в темноте? Я знал его всего три дня! Он жил с этим около двадцати лет, поступая со мной абсолютно честно, потому что думал, что его влечение к парням было неправильным. Неужели я действительно думал, что буду тем самым, кто изменит это? Возможно, я был тем, кто, наконец, соблазнил его, воздействуя на его скрытые сексуальные импульсы, но в этом не было ничего серьезного, просто поверхностное влечение. В конце концов, всем, кем я был для него, — банальный перепих.

Мне не нужна его благотворительность. Как только появится возможность, я тут же съеду от него. Теперь у меня были средства, работа, позволяющая зарабатывать денег больше, чем я когда-либо зарабатывал. Возможно, у меня нет «Рендж Ровера» или «Ролекса», но у меня были уличное воспитание и навыки выживания, я был одним из длинной вереницы людей, которым пришлось через многое пройти, прежде чем достичь чего-то. Мне не нужны блага на блюдечке с золотой каемочкой — я могу заработать сам, и я это сделаю. И первым делом завтра найду другое жилье.

По пути домой к Дереку я был молчалив и угрюм, и Эллен заметила это.

— Эй, — она взглянула на меня. — С тобой все в порядке?

— Да.

— Ты неважно выглядишь. Я знаю, русские не болтливы по своей природе, но ты сегодня даже для русских слишком тих. И твоя аура слегка нарушена.

— На самом деле?

— Да. Она темная. Очень темная. Я это заметила, когда сегодня забирала тебя в бар, но теперь я действительно чувствую это.

— Мне жаль, — я попытался подумать о чем-нибудь светлом и приятном, чтобы моя аура не беспокоила Эллен.

— Не надо извиняться. Время от времени каждый имеет право на темную ауру. Что-то случилось на работе?

— Нет.

После минутного молчания, она сказала:

— Ты знаешь, что Дерек привел сегодня Каролин?

— Нет, — мне было интересно, чем они прямо сейчас занимаются. Он целуется с ней? Трогает ее? Трахает ее? Незнакомая и нежеланная ревность накрывала меня. *Это вообще не твоё дело, чем они занимаются.*

— Она такая милая, но... — ее голос замолк, а мои уши навострились. — Не знаю, подходят ли они друг другу. Что-то не так. Как будто они слишком стараются.

— Мм.

Эллен рассмеялась.

— Одни только звуки, да? Даже на слова сил нет? — она похлопала меня по ноге. — Бедолага. Ладно, оставлю тебя в покое.

Сначала я был благодарен ее молчанию, но, было бы лучше, позволить ей продолжать говорить, потому что тишина наполняла мой мозг воспоминаниями о голосе Дерека, глубоком и хриплом. Его тяжелом дыхании. Мучительных стонах. Он дарил ей их прямо сейчас? Он говорил ей, что хочет большего? Требовал ли он от нее оргазма так же, как требовал моего? Может быть и так. Скорее всего, это была для него стандартная ситуация. Все может быть, возможно, у него даже есть сценарий для таких случаев.

После короткого прощания спасибо-спокойной-ночи-Эллен, я зашел в дом через центральную дверь и запер ее за собой. В доме была абсолютная тишина, весь свет выключен, услышав звон льда в стакане, исходящий из гостиной, я вздрогнул.

Странно. Дерек был дома? И сидит один в темноте? Или он с Кэролин?

Последнее, что я хотел сделать, это помешать им, но на всякий случай, если это был не Дерек, а какой-то воришко, я остановился на пороге комнаты, всматриваясь в темноту. Разобравшись с одинокой фигурой, сидящей на диване, я все еще пытался разглядеть в темноте, когда он произнес.

— Проходи.

Это был он.

— Нет, Спасибо.

— Пройди. Сюда.

Каждый должен иметь право выбора, не так ли?

Я ненавидел себя за это, но я вошел в комнату. Он встал, подошел к барной тележке возле окна и налил что-то в свой стакан. Серебристо-серый свет, проходящий сквозь жалюзи, очерчивал его силуэт, и его плечи казались даже больше, чем я помнил. Мой член начал предавать меня, наливаясь от неконтролируемого желания.

— Выпьешь? — спросил он.

— Нет, благодарю, — я изображал крутого русского, потому что знал, что это его бесит.

Все еще стоя лицом ко мне, он приподнял стакан к губам.

— Как прошел твой вечер?

— Отлично, — соврал я. — Твой?

— Прекрасно, — он не вдавался в подробности, а я не собирался спрашивать.

— Думаю, надо ложиться спать. Уже поздно, — но по какой-то непонятной причине я продолжал стоять там, как будто ждал от него возражений.

Он молчал.

Набрав воздуха в легкие, я произнес.

— Завтра я уезжаю. Найду другое место для жилья.

Возникла небольшая пауза пока он пил.

— Почему?

— Потому что так будет правильно.

— Правильно... — повторил он, и я подумал, не пьян ли он. Он выпил остальную часть того, что налил, и поставил стакан. Затем Дерек подошел и встал напротив меня. — Правильно было подняться наверх и запереть дверь. Но ты же не собираешься этого делать, не так ли?

Это был вызов, и я принял его.

Отвернувшись от него, я попытался выйти из комнаты, но он схватил меня за руку и дернул назад. Обхватив одной рукой меня за шею, другой обнимая за плечи, он набросился на меня своим горячим, жадным и голодным ртом.

После нескольких секунд ошеломительного восторга — *он все еще хочет меня* — я оттолкнул его от себя. Боже, как же это трудно.

— Да. Борись со мной, — прорычал он, срывая с себя через голову рубашку. — Сопротивляйся, — он снова набросился на меня, его сила, ярость и жар толкали меня обратно к стене гостиной. — Я хочу, чтобы ты сказал «нет». Я хочу, чтобы ты оттолкнул меня. Я хочу, чтобы ты остановил это, потому что я, бл*дь, не могу, — он прижал меня к стене, и я почувствовал твердую эрекцию, упиравшуюся мне в бедро. — Я, бл*дь, не могу.

Я никогда раньше не чувствовал себя таким разрывающимся между гордостью и похотью. Я желал его так же сильно, как и хотел оттолкнуть. Потому что для Дерека все это было игрой — он трахал мне мозг, как будто я был какой-то игрушкой.

Но, черт возьми, он был таким горячим, неспособным сдерживаться, подпитываемый яростью, страстью и виски. Он хотел противостояния? Я предоставлю ему это. Но сначала я позволил ему поцеловать себя, позволил его языку ворваться в мой рот, даже ответив ему на поцелуй, но, когда его рука переместилась в промежность моих джинсов, я снова оттолкнул его.

— Ах, теперь ты хочешь меня? А что насчет Кэролин? Ты уж определись, Дерек.

— Я видел тебя сегодня вечером, ты флиртовал с посетителями, — его кулаки сжимались по бокам. — Мне, бл*дь, это не понравилось.

— Да ладно! Я видел *тебя* сегодня вечером на романтическом свидании с женщиной — так, должно быть, ты хотел меня? — я сделал шаг к нему, и он слегка отступил. — Так что же это такое? — схватив свою футболку за горловину, я стянул ее и отбросил в сторону. — Чего ты хочешь? Этого или того?

— Хочу тебя, — он бросился ко мне, врезаясь и выбивая из меня дух, заключая в свои объятия, беспорядочно шаря по мне своими руками и обжигающим горячим дыханием ртом. Цепляясь ногами и опускаясь на колени, он толкнул меня на спину, накрывая мое тело своим.

Было чертовски потрясающе ощущать его вес на себе, чувствовать, как упираясь в джинсовую ткань и потираясь друг о друга, напрягаются наши члены, когда Дерек покачивал бедрами над моими — восхитительными, мучительными фрикциями. Мои руки были повсюду.

— Господи, помоги мне, я так хочу тебя, — прошептал он. Он лихорадочно прокладывал дорожку своими губами по шее, груди, по напряженным мышцам моего живота. Дойдя до пояса штанов, он оседлал мои ноги и откинулся на колени. Приподнявшись на локтях, я с недоумением наблюдал, как он расстегивал пуговицу и молнию на моих джинсах, стягивая их до бедер и освобождая изнывающий член на свободу.

Я думал, он будет колебаться. Я думал, он спросит. Я думал, хоть что-то выдаст в нем некоторую неуверенность и неловкость от того, что он никогда раньше не сосал член.

Нет... никаких сомнений.

Сжав в кулаке мой ствол, он наклонил его на себя и, опустив голову, втянул его между своих губ. Я застонал, когда его язык облизал головку, и, плотно обхватив губами, он начал сосать, двигая головой вверх и вниз по моей длине. Боже мой, неужели это происходит? Как можно было получить лучший минет, который у меня когда-либо был, от не имеющего опыта новичка? Как правильно скользил его язык, как глубоко он брал меня, сосал так сильно?

Потому что это Дерек. Он совершенен во всем.

— Боже, — прошептал я, закрыв глаза, снова вбиваясь ему в горло. Если бы я продолжал смотреть, все могло закончиться очень быстро, а я хотел, чтобы это горячее, влажное, умопомрачительное безумие продолжалось вечно. Одних только звуков, которые он издавал, было достаточно, чтобы подвести меня к черте, и я понимал, что не продержусь долго. Я открыл глаза, встретившись с ним взглядом. *О, черт.*

— Я сейчас кончу, — задохнулся я.

Почти как приказ, как угроза, если я этого не сделаю, он набросился на меня еще яростнее, с диким рычанием, вырывавшимся из его горла.

Без проблем, потому что через секунду оргазм разорвал меня на кусочки. Я проклинал, стонал, задыхался, наблюдая за происходящим огромными и не верящими глазами, пока мой член пульсировал и выплескивался ему в рот.

Проглотив все до последней капли и отпустив меня, он поднялся по моему телу и накрыл мой рот. Я чувствовал вкус виски иекса и не мог насытиться им.

— Я хочу тебя трахнуть, — обжигая словами мои губы, сказал он.

Мое тело, которое было полностью выжато, зажглось снова.

— Нам нужно...

— Наверх, — резко и торопливо проговорил он. — В мою спальню.

Через две секунды, взбежав по лестнице, он втолкнул меня в кромешную тьму своей комнаты. Трясущимися руками мы избавлялись от обуви и носков, срывали джинсы и нижнее белье, а потом упали на кровать, соединяя наши губы в жадном поцелуе. Я

оказался на спине, и он, разместившись между моих бедер, потирался своим гладким жестким членом напротив моей быстро твердеющей плоти.

— Мне чертовски нравится твое тело, — от его слов у меня внутри взорвался фейерверк.

— Я чувствую то же самое, — сказал я, пробегая своими пальцами по его широким мускулистым плечам и спине.

— Больше, — сказал он своим командным тоном. — Я хочу еще больше.

— Возьми меня.

Дерек встал на колени, и я услышал звук открывающегося и закрывающегося ящика. Щелчок крышки. В кромешной темноте я видел, как он размазывал по руке смазку, готовясь взять меня, и мое сердце яростно колотилось в груди. Я наблюдал, как он гладил меня, дрожь, движущаяся по моему телу, когда я почувствовал, как его теплые и влажные от смазки пальцы скользнули между моими бедрами. Жадно и бесстрашно, он исследовал меня, его прикосновение были настолько уверенными, что трудно было поверить, что он никогда не делал этого раньше. *Я люблю твои руки.*

Я согнул колени и развел ноги пошире, приглашая его к более интимным прикосновениям. Он скользнул пальцем внутрь меня, вызывая приятное тепло, пропуская по венам разряды электрического тока.

— Да, — прошептал я. Один палец сменили два, дразня, поглаживая и растягивая меня. Случайно или специально, он задевал простату, и я почувствовал, как начали сокращаться и подергиваться мышцы живота. *Черт, как же это приятно.*

Взяв свой полностью эрегированный член в кулак, я толкался бедрами, одновременно трахая свою руку и насаживаясь на его пальцы.

Он прохрипел.

— Господи. Это так чертовски сексуально. Не останавливайся.

Я продолжал дрочить, стараясь делать это не слишком интенсивно, чтобы не кончить. Но его пальцы были глубоко внутри, его взгляд обжигал, а мое тело могло сопротивляться только до того момента, пока он не сказал: *черт, неужели это происходит.*

Да, я хотел, чтобы это случилось именно с ним.

— Дерек, — я изо всех сил пытался внятно говорить. — Давай.

Я никогда никого не хотел так сильно, и, тем более, я никогда не заботился о том, чтобы сделать секс идеальным для кого-то. Дело не в том, что я был эгоистичным любовником, но в прошлом это было в основном механический секс. Возбуждение и освобождение. С Дереком все было по-другому — я на другом уровне ощущал его желание. Я знал, что это должно быть достаточно мощным, чтобы преодолеть страхи, которые живут в самом сердце его существа. Я понимал, что он боролся не просто с другим человеком, а с *самим собой*.

Я хотел быть достойным этого.

Глава 23

Дерек

Это случилось. Пути назад нет.

Не то, что я этого не хотел. Все мои запреты были уничтожены физической потребностью *обладать* этим человеком. *Овладеть им. Познать его*, раз и навсегда.

Я едва сдерживал себя, разрывая упаковку с презервативом и раскатывая его по своему возбужденному до боли члену. Мои пальцы дрожали. Это был совсем другой вид волнения, чем я когда-либо испытывал, — боль, ожидание, оголенные нервы, страх, желание, надежда, опасение, жадность, трепет. И в самом центре всего этого безумия, было мое осознание его. Максима. Я не только хотел получить ответы на свои вопросы. Я хотел *его* всего.

Вернувшись домой от Кэролин, я попытался заглушить свои мысли виски — неужели я никогда, бл*дь, не справлюсь с этим — забыть разрывающее чувство ревности, когда наблюдал за его флиртом с этими женщинами. Я осознавал, что все было бесполезно. Особенно, когда услышал звук ключа в замке. Сидя в темноте в одиночестве, и как только увидел его, я знал, что мне надо делать. В глубине души надеялся, что у него будет здравый смысл остановить меня.

Но он этого не сделал. И чем больше мы целовались, прикасались и боролись с неизбежным завершением такой страсти, тем больше мне хотелось отдаваться ей.

Избавившись от всех сомнений, я позволил своим глубоко спрятанным порочным инстинктам взять верх. И я был вознагражден за это.

Его тело под моим. Его член у меня во рту. Его сперма у меня в горле. Мои пальцы в его тугой и горячей заднице. Его рука на члене.

Полегче. Господи, полегче.

Мое сердце грохотало. Я не мог дышать. Нежность Максима, его хриплый голос в темноте были для меня тайной, которую я хотел сохранить навсегда.

Глядя на его закрытые глаза, напряженное от страсти лицо, глубокое прерывистое дыхание, я осторожно толкнулся кончиком члена внутрь него.

Я не мог говорить. Полное отсутствие мыслей в голове — просто слова, которые перемешались вместе, когда мой мозг пытался обработать то, что я чувствовал, когда дюйм за дюймом входил в него все глубже и глубже. Бл*дь. Да. Горячий. Узкий. Настоящий. Желанный.

Когда я был полностью внутри него, я опустился вперед, держась над ним в дюйме от его губ. Я закрыл глаза. *Господи Всемогущий.*

Он обхватил меня руками и ногами.

— Тебе хорошо?

Я сглотнул, боясь пошевелиться, потому что знал, что кончу, не сделав и пары толчков.

— Да.

Он целовал меня, дразнил языком мои губы.

— Я хочу, чтобы было все так, как ты себе это представлял.

Но я не ожидал ничего близкого к тому, что чувствовал сейчас.

Медленно, с шокирующим меня контролем, я начал покачивать бедрами, погружаясь в эту невероятную тесноту. Его хриплые стоны обжигали мои губы, мне так нравилось это звучание, что я стал двигаться быстрее и резче, а стоны звучали снова и снова. *Это так хорошо, так чертовски приятно. Я никогда не чувствовал ничего подобного.*

— Ты прекрасен, — прошептал он, — так чертовски прекрасен.

Все было идеально, каждый момент: ноги, обхватившие мою талию, его руки на моей спине, его дыхание на моих губах. Это заставило меня почувствовать такое единение с ним. Все было настолько правильным и естественным. Как будто то, что мы делали, было не просто сексом — *это были мы* — единое целое. Я слегка приподнял голову, чтобы увидеть его лицо, и наши взгляды встретились. *Бл*дь*. Теперь я понимал, почему он так быстро кончил в гостиной, когда я посмотрел на него. Было в этом что-то такое интимное, такое взрывное, такое горячее от контакта с глазами в этот момент. Это было даже больше, чем просто контакт. Это была *связь*, и это было мощно.

Мое тело среагировало, двигаясь все быстрее, сильнее и глубже, я дико врывалялся в него, сопровождая каждый жесткий толчок хрипом, вырывающимся из моего горла, шлепками плоти вбивающуюся в его плоть. Я отчаянно схватился за изголовье кровати, как будто мне нужно было держаться. Его ноги сжимались вокруг меня, мышцы на груди, прессе, руках сокращались, готовые взорваться от напряжения. Пропустив свою руку обратно к члену, Макс дрожил так же безудержно, как я трахал его. Это все, что я всегда хотел, чтобы секс был потным и жестким, грубым и животным, и *бл*дь, бл*дь, я сейчас кончу*, — зрелище, как он теряет контроль над собой, подтолкнуло меня к черте, вырываясь из меня мощным потоком.

Не вид мышц, рук или его члена — я даже не смотрел на них — *его глаза*. Зрительная связь между нами. Это был ответ на все, потому что это была не просто связь с ним — это была связь с *самим собой*, путь к принятию той части меня, которую я всегда находил непонятной, чужой, уродливой.

С Максимом это имело смысл. Он был такой же частью меня, как сердце, бешено стучавшее в груди, как кровь, струящаяся огненной лавой в моих венах. Весь гребаный мир перевернулся с ног на голову. И это было прекрасно.

С ним, это было прекрасно.

Я упал на его грудь, зарывшись лицом в его шею.

— О Боже.

Его руки скользнули вверх и вниз по моим бокам.

— Я думаю, что ты обманывал меня.

— В чем?

— В том, что никогда раньше не был с парнем.

— Я не обманывал тебя, не обманывал. Ты первый.

— Я так рад этому.

— Я тоже, — на мгновение я задумался, не появясь в моей жизни Максим, не было бы никогда *первого*. Я не мог представить, что во всей вселенной есть еще один такой парень, который мог бы подтолкнуть меня к этому. И этим парнем был Максим.

— Значит, ты не против?

— Да. Думаю, да, — я вздохнул с облегчением. — Но я не знаю, куда нас это заведет.

— Чего ты сам хочешь?

Я задумался на мгновение.

— Я не знаю. Я бы солгал, если бы сказал, что смогу отказаться от этого.

— Хорошо, — он поцеловал меня в висок. — Я тоже не хочу отказываться.

— Но мы вместе... — опираясь кулаками в матрас, я приподнялся над ним, заглядывая ему в глаза. — Я понятия не имею, как это будет выглядеть. Как мы будем справляться с этим. Но знаю точно, что не готов к публичной огласке.

— Да. Я понимаю. В любом случае, я не публичный человек в этом отношении.

— Так мы просто... что? Тусуемся здесь вместе?

— Конечно.

— Это значит, что ты не уедешь завтра?

Он улыбнулся.

— Да. Именно это и значит.

— Замечательно.

— Но я уеду через две недели. К тому времени, ты устанешь от меня, в любом случае.

Я рассмеялся, но несколько минут спустя, когда я был один в ванной, я подумал, а прав ли он. Разве я мог устать от него? Это будет короткое, страстное увлечение? Настолько коротким, насколько интенсивным? Мы собираемся поразвлекаться здесь пару недель, а потом, когда он уедет, покончим с этим? В некотором смысле, это было именно то, на что я должен надеяться. Что бы это ни было между нами, оно успеет потухнуть прежде, чем основательно повлияет на мою жизнь. Страсть, такая же горячая, как между нами, все равно не будет длительной, верно? Такая искра всегда угасает, будь ты геем или натуралом. Я слышал об этом от женатых друзей.

Поэтому я решил не корить себя за то, что мы делаем. Это не продлится долго, я бы вытащил его из своей жизни, и мы оба двинулись бы дальше, свободно преследуя наши более крупные цели. Это было похоже на небольшое развлечение. В свое удовольствие. Сколько времени прошло с тех пор, как я делал что-то просто для себя? Что-то спонтанное, чисто для собственного удовольствия?

Довольный этим решением, я почистил зубы, выключил свет и вернулся в свою спальню. Ни Максима, ни его одежды там не было. Я вышел в коридор и увидел, что в ванной его тоже нет. В приоткрытую наполовину дверь просачивался свет от лампы.

Я нахмурился. Пожелать спокойной ночи? Мы не сделали этого раньше. Не знаю, почему я решил, что он вернется ко мне в постель. Я даже не был уверен, хочу ли этого. Но это казалось своего рода анти-кульминационное завершение супер кульминационной ночи.

Лампа выключилась, и я вернулся в свою комнату, чувствуя себя немного разочарованным, но сразу отдернул себя. *Не становись странным. Он не твой парень. Он больше похож на... гребанного приятеля. Припомни таких. Они не остаются на ночь.*

Правда. Лучше сохранить четкие границы. Очевидно, даже Максим это осознал. Какое облегчение, что мы были на одной стороне. Поставив будильник и выключив лампу, я лег в постель и закутался в одеяло. Подушка и простыни все еще хранили его запах.

Я закрыл глаза и глубоко вдохнул.

Глава 24

Максим

Закончив писать в блокноте, я положил его в ящик и выключил свет. Я не написал много, просто несколько конкретных мыслей, которые я никак не хотел забывать, насколько потрясающим это было. И если бы я проснулся завтра и понял, что происходящее не было реальным, по крайней мере, у меня бы остались записи об этом.

Я взглянул на дверь, которую оставил наполовину открытой, как некое приглашение. Несмотря на то, что мне хотелось спать рядом с ним, на самом деле, чего мне хотелось в большей степени, так это не спать, а всю ночь говорить, целоваться и

прикасаться друг к другу, делать то, что я раньше никогда ни с кем не делал и даже не хотел — но возвращение в его постель казалось слишком унизительным для меня. Если бы он захотел, чтобы я был там, он бы позвал меня, но то, что он этого не сделал, было тоже хорошо. Я понимал, что еще существуют границы, которые он не хотел пересекать. В любом случае, пока нет.

Укрывшись одеялом, я лежал несколько минут в тишине, а затем понял, что он лег спать. В темноте мне даже не пришлось закрывать глаза, чтобы прокручивать в памяти свои любимые моменты сегодняшнего вечера. Его глаза смотрят на меня. Мой член у него во рту. То, как он двигался внутри меня, сначала медленно, а затем со всей горячей страстью летней бури. Его голос, глубокий и мягкий. Его хриплые стоны. «*Я бы солгал, если бы сказал, что могу так просто уйти от этого*».

Это был самый горячий минет, который у меня когда-либо был, лучший секс, который у меня когда-либо был, и я никогда не забуду, как Дерек выглядел, когда был внутри меня. Он полностью отдавался этой страсти. Но больше всего мне нравились его слова, которые он говорил. Он был настолько честен. Готов рискнуть ради меня. Он за несколько дней проделал такой длинный и сложный путь.

Никто из нас не знал, как далеко мы зайдем и что у нас получится, но это Америка. Страна возможностей, верно?

Улыбаясь, я повернулся на живот и вытянулся. Я не искал этого. Но я был чертовски рад, что встретил Дерека.

* * *

На следующее утро я принял душ, оделся и спустился вниз, где меня ждал сюрприз — Дерек завтракал, пил кофе и смотрел в свой ноутбук. Его волосы были немного влажными, он был одет в джинсы и повседневную рубашку. Его ноги были босыми. Это сложно представить, но сегодня он выглядел гораздо более расслабленным, чем за последние три дня. Ни нахмутившегося лба, ни твердых губ, ни напряжения в шее.

— Доброе утро, — сказал я, не в силах сдержать улыбку. — Я думал, ты уже на работе.

Он поставил чашку с кофе.

— У меня сегодня нет ничего важного, поэтому я передвинул несколько незначительных встреч, чтобы предоставить себе возможность взять выходной. Я не делал этого целую вечность.

— И чем ты собираешься заниматься в свой выходной?

— У меня есть несколько дел, но я также помню, что ты хотел сделать некоторые покупки. Вообще-то, я кое-что подобрал для тебя в воскресенье, но я не уверен, подойдут ли они тебе и захочешь ли ты их, — он пожал плечами, как будто ничего страшного в этом нет. — Я вчера хотел оставить их в твоей комнате, но был такой напряженный день, что я просто забыл.

— Ты в воскресенье купил мне одежду? — не знаю, чему я был так удивлен — Дерек не был бы Дереком, если бы не сделал что-то хорошее. — Ты не должен был этого делать.

Он помахал рукой в воздухе.

— Они могут даже не подойти тебе. Там всего только одна пара брюк и две рубашки. Думаю, тебе понадобится намного больше.

Я кивнул.

— Да, было бы неплохо походить сегодня по магазинам. Мне просто нужно вернуться в три тридцать, чтобы Эллен забрала меня.

— Когда мы закончим с магазинами, я могу отвезти тебя на работу. Кофе еще горячий, если хочешь.

— Спасибо, — я взял чашку из шкафа и наполнил ее. Чтобы убедиться, что действительно проснулся, я ушипнул себя. Дважды. — Ты позавтракал?

— Нет еще. Я могу приготовить что-нибудь, или мы можем куда-нибудь сходить. Мне пришла в голову идея.

— Вообще-то, я могу это сделать.

Его брови поднялись.

— Что сделать?

— Приготовить завтрак, — взволнованно сказал я. — Я хотел бы приготовить для тебя, конечно, если у тебя есть все необходимые продукты. Это сырники, и это самое удивительное и вкусное блюдо в мире. Моя мама готовила их для меня.

— Что это такое? — подозрительно посмотрел он.

— Ты мне не доверяешь? — дразнил я. — Обещаю, это будет вкусно, и я обязательно уберусь на кухне после. Могу я посмотреть в холодильнике, что мне нужно?

— Спрашивай, и я скажу тебе, есть это у меня или нет.

Я задумался, вспоминая рецепт.

— Яйца. Творог. Лимон. Масло.

— Все есть.

— Мука и сахар?

— Есть.

— А как насчет изюма?

Он наклонил голову и прищурился.

— Возможно. Может быть, в кладовке?

— Сметана и мед?

— И это есть.

— Отлично! Вот и все.

Он начал вставать.

— Какая посуда тебе понадобится?

— Только сковорода, а ты садись, — проворчал я. — Наслаждайся утром. Я хочу сделать все сам.

Он выглядел удивленным, но снова сел.

— Окей. Делай.

Я собрал все продукты, но понял, что не могу вспомнить точные пропорции. После поиска рецепта в интернете, который был близок к маминому, но был неполным, я решил позвонить ей. Там было десять вечера, но она всегда поздно ложилась, и я решил, что она еще не спит и ответит мне.

На звонок ответила Лилия и завизжала, когда услышала мой голос.

— Максим!

— Привет, малышка, — тепло сказал я. Ее голос напомнил мне о доме, и я почувствовала, как меня тянет к родным, которых я очень люблю. Я говорил с ней по-русски. — Ты почему не спишь? — Дерек наблюдал за мной со стула, с любопытным выражением лица. — Моя сестра, — прошептал я ему по-английски. — Я звоню маме, чтобы уточнить рецепт, — он с пониманием кивнул.

— Мне плохо, — сердито сказала Лилия. — Я не могу уснуть.

— Почему?

— Мне снова приснился плохой сон.

— О монстрах?

— Да.

— И что он сделал на этот раз?

— Он сказал, что я больше никогда тебя не увижу.

Мое сердце сжалось.

— Нет, это не совсем так. Я тебе обещаю.

— Но почему ты уехал так далеко?

— Я хотел приключений, помнишь? Я хотел увидеть другую страну. Говорить на другом языке. Познакомиться с кинозвездами.

— Ты уже встречался с ними?

— Пока нет. Но знаешь, что я сейчас вижу? — я подошел к раздвижной стеклянной двери и выглянул во двор.

— Что?

— Солнце, пальмы и тропические цветы. Все ярко, красочно, и в воздухе пахнет апельсинами.

— Мне можно будет к тебе приехать?

— Конечно. Как только смогу это организовать. Но мне потребуется время, чтобы устроиться, хорошо?

— Окей.

— Ты можешь позвать мне маму, пожалуйста?

— Да, но не отключайся. Я хочу потом еще поговорить.

Я улыбнулся, встретившись глазами с Дереком.

— Она скучает по мне, — сказал я ему.

— Конечно, она скучает.

У меня внутри все таяло.

— Максим! — обеспокоенно произнесла мама. — У тебя все в порядке?

— Да, мам, все хорошо. Как у вас дела?

— Нормально, — сказала она, приглушив голос. — Лилия, подожди! Я отдаю тебе телефон через минуту. Извини, — громче сказала она снова. — Лилия так скучает по тебе.

— Я тоже по ней очень скучаю. По вам обеим. Но я звоню тебе потому, что хочу сделать сырники и забыл кое-что из рецепта. Скажи мне, сколько нужно каждого продукта положить?

— Я не совсем уверена, но у меня это записано где-то. Подожди.

Пока она искала, я попросил Дерека ручку и бумагу, чтобы все записать. Он обошел стойку, открыл ящик и достал карандаш и стопку желтых листочек. Пока мама диктовала рецепт, а я записывал, он снова наполнил свою чашку кофе.

— Отлично, мам. Большое спасибо, — я обернулся и обнаружил, что Дерек прислонился к стойке напротив меня, приподнимая чашку к губам. Я переключился на английский. — Я не хочу все испортить, потому что делаю это для кое-кого особенного, а он очень придирчивый.

Дерек закатил глаза, но тоже улыбнулся.

— Дай потом мне знать, понравится или нет, — ответила мама. — Лилия хочет снова поговорить.

— Окей. И потом я отключусь.

— Окей. Пока, родной. Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

Моя сестра вернулась.

— Максим, спой мне песню.

Я поежился. Песня была темой для «Спокойной ночи, малыши», российского детского шоу, которое показывали еще когда я сам был маленьkim. Это было глупо и по-детски, и мне совсем не хотелось петь при Дереке. У меня даже не было приличного голоса.

— Нет, малышка. Я не могу сейчас петь.

— Пожалуйста, Максим! Я не смогу уснуть без нее. Это единственное, что мне поможет.

Удар в самое сердце.

— Мама не может спеть тебе?

— Нет. Она ее не помнит.

Я застонал, и Дерек посмотрел на меня.

— Пожалуйста, Максим. Я так по тебе скучаю.

Я выдохнул, сдаваясь.

— Хорошо.

Затем я закрыл глаза — как будто это могло спасти меня от позорной смерти — и начал петь в более быстром темпе, чем обычно.

Лилия остановила меня.

— Помедленнее, Максим! Ты поешь слишком быстро!

Я послушно притормозил и спел правильно, мой голос трескался во всех обычных местах, заставляя ее хихикать. Когда я дошел до последней строки, я посмотрел на Дерека, чье забавное выражение заставило меня захотеть спрятать лицо в рубашке.

— Теперь нормально? Сможешь уснуть? — спросил я Лилию

— Да, — ответила она. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, малышка. Я тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю. Пока.

Я отключил телефон, положил его на стойку и, вздохнув, посмотрел на Дерека. Он пил кофе, его глаза лукаво сверкнули над краем чашки.

— Что? — сказал я, чувствуя, как разливается тепло по моему лицу. — Она не могла уснуть. Это детская песня из старого российского телешоу, которую я иногда пою, чтобы успокоить ее.

— Нет. Это восхитительно. Я не знал, что ты поешь колыбельные.

— Я не пою колыбельные. Только эту.

— Может быть, и мне споешь как-нибудь, — он старался не хихикать, но никак не мог сдержаться.

Боже, обожаю заставлять его улыбаться.

— Ха-ха. Продолжай смеяться надо мной. Ты пожалеешь, когда я не поделюсь с тобой своими сырниками, — я повернулся к нему спиной и открыл пакет с мукой.

Мгновение спустя он прижался к моей спине. Обхватив меня за талию, он стал целовать мою шею.

— Я шучу. Я на самом деле нахожу очень сексуальным, как ты пел своей сестренке песню, чтобы помочь ей уснуть.

— Ты уверен? — я посмотрел на него через плечо.

— Да, — Он накрыл мои губы своими, мягко, сладко и нежно, это так сильно отличалось от огненных поцелуев, которыми мы делились прошлой ночью. Мы не спешили раздеваться, прикасаться друг к другу или переходить следующую горячую черту. Мы наслаждались поцелуем.

Наслаждались друг другом и этим моментом. Это было так прекрасно.

Глава 25

Дерек

Колыбельная песня.

У меня не укладывалось это в голове. Он пел колыбельную своей младшей сестре, когда она не могла уснуть. Из всего того, что я знал о Максиме, это мне нравилось больше всего. И он выглядел таким грустным, когда пел на моей кухне. Его пение было почти таким же ужасным, как и мое.

Но это было так мило. И я не обманывал, когда сказал, что нахожу это сексуальным. В Максиме было не так много того, что я не находил сексуальным. Даже в моих старых джинсах — или, может быть, *особенно* в моих старых джинсах — и его рабочей рубашке

он выглядел потрясающе. Но внутри он тоже был потрясающим. Умный и веселый, добрый и искренний.

И я доверял ему. Для меня было удивительно, что после такого короткого периода времени, я настолько доверял Максиму. Мы встретились всего четыре дня назад, и все же я чувствовал себя с ним более спокойно, чем с кем-либо за долгое время. Я могу быть собой рядом с ним, таким, каким не могу быть рядом с другими людьми. Ничего не скрывая. Я испытывал такое облегчение и был невероятно благодарен за это. Если бы он даже никогда и не заплатил бы мне ни копейки за одежду, аренду или еще за что-либо, что я сделал для него, мне было бы все равно. Это чувство стоило того, даже если оно и не продлится вечно.

— Окей, вот попробуй, — он поставил тарелку передо мной, и я застонал в предвкушении, чувствуя, как наполняется слюной мой рот. На ней было что-то похожее на четыре пышных оладьи, обжаренных до золотисто-коричневого цвета, посыпанных сахарной пудрой и политых медом. Большая ложка чего-то белого — сметана, может быть? — с одной стороны, и поверх всего этого была разбросана малина.

— Это выглядит восхитительно. Что это такое?

— Сырники. Ты сможешь повторить?

Я сделал попытку, которая, как я думал, была довольно хорошей, но Максим все равно рассмеялся.

— Вот, твое первое русское слово. Я хочу, чтобы к концу дня ты узнал и запомнил еще четыре, — он поставил свою тарелку и сел на стул напротив меня. Я заметил, как легко он запомнил, где находится все необходимое для сервировки стола, от бумажных и льняных салфеток до посуды, и получал нелепый кайф от того, насколько он знаком с моей кухней.

— Я постараюсь, — пообещал я. Не в состоянии ждать секунду дольше, я взял вилку и нож и отрезал маленький кусочек, чтобы распробовать весь аромат блюда. Я положил его в рот и снова застонал.

Максим ухмыльнулся.

— Право хозяина пробовать первым?

Я медленно пережевывал, оценивая хрустящую легкость снаружи и душистую мягкость внутри. Немного сладкого, немного соленого, идеальный баланс.

— Как сказать по-русски «вкусно»?

— В данном случае, *vkusno*.

— Ну, это чертовски *vkusno*.

Он рассмеялся.

— Я так рад, что тебе понравилось. Тебе придется позволить мне приготовить ужин для тебя.

— Ты можешь готовить для меня, когда захочешь, — с набитым ртом пробормотал я
— Это настолько вкусно.

Он улыбнулся, его щеки слегка покраснели.

— Спасибо.

После завтрака я помог Максиму убраться на кухне, и мы пошли в мою спальню, чтобы отдать ему одежду, которую я купил для него. Он стоял возле дверного проема, когда я подошел к шкафу и достал пакет, предварительно вытащив чек и засунув его в карман. Он видел ценники, так что, вероятно, это был глупый жест, но, может быть, я смогу убедить его, что купил их со скидкой. У меня было ощущение, что он начнет протестовать, что они слишком дорогие.

Когда я вернулся в комнату, он все еще стоял у двери, любопытно оглядываясь вокруг.

— Здесь, при свете, все выглядит по-другому, — сказал он застенчиво.

— О. Возможно, — я взглянул на кровать, которую заправил сегодня утром после смены белья. Вид этого заставил мышцы живота сжиматься. Наверно слишком рано делать это снова? Может у него все болит? *Не думай об этом.* — Так. Держи, — я передал ему пакет. — Ты, если хочешь, можешь примерить прямо здесь. У меня на двери зеркало в полный рост.

— Окей.

— Я оставлю тебя, — сказал я, направляясь к двери. Я не хотел, чтобы у него возникли мысли, что я пытаюсь заставить его раздеться передо мной — не то, чтобы я жаловался. Но он схватил меня за руку.

— Ты можешь остаться, — улыбнулся он. — Я не возражаю.

Черт, каждый раз, когда он на меня так смотрел, было ощущение, что он говорит: *я покажу тебе свой, если ты покажешь мне свой*, мне хотелось наброситься на него и кататься с ним голым.

Я прочистил горло и присел на край кровати.

— Окей.

Он снял с себя одежду, и я мог открыто смотреть на его тело. Иисус. Неудивительно, что я сошел с ума прошлой ночью. На самом деле, мне было грустно видеть, как его ноги и задница исчезают в новых джинсах, но рад, что они подходят ему.

— Они отлично выглядят на тебе, — сказал я, немного поерзев, чтобы не попасть в неловкое положение со своей набухающей эрекцией.

— Спасибо, — он пожал плечами в одной из рубашек, которую я выбрал, и застегнул ее. — Что думаешь?

Думаю, ты идеальный.

— Не слишком большая? Кажется мешковатой на твоей талии. Хотя, не уверен, что размер поменьше тебе подойдет в плечах.

Он нахмурился.

— Я не знаю. Но чувствую себя комфортно.

— Примерь другую.

Он сменил первую рубашку на вторую.

— В этой тоже чувствую себя хорошо. Как эта выглядит?

Как «я хочу сорвать ее с тебя».

— Лучше. Тебе нравится?

— Да.

— Решай сам. Но думаю, что нам надо вернуть первую.

Он выглядел взволнованным.

— Вернуть обратно? Но ты же забрал ее домой, а я ее надевал. В магазине примут?

— Конечно. Этикетки на месте. Обещаю, они это сделают.

Он пригладил рубашку на животе.

— Мне эта очень нравится. Я рад, что ты выбрал ее для меня.

— Отлично. Хочешь посмотреть на себя в зеркало?

— Нет, все в порядке, — он улыбнулся. — Если ты говоришь, что эта хорошо на мне смотрится, значит так и есть, я тебе верю.

— Так и есть. Ты останешься в ней сегодня?

Он задумался на секунду.

— Я лучше надену свою рабочую футболку на случай, если у нас не будет времени вернуться сюда, — когда он начал расстегивать кнопки и дошел до низа рубашки, то заметил ценник, висящий на этикетке. — Восемьдесят долларов? — изумленно воскликнул он. — За одну рубашку?

— Это не так уж и дорого, — я поднялся на ноги, взял ту, которую нужно было вернуть, и положил в пакет. Эта стоила еще дороже.

— Для меня это так и есть, — его голубые глаза были огромными.

— Я же говорил, ты не должен мне сразу платить.

— Я хочу, — твердо сказал он, положив рубашку в пакет. — Поэтому мы должны вернуть и эту. Когда-нибудь я смогу позволить себе роскошную одежду, но не сейчас.

То, что он считал рубашку за восемьдесят долларов предметом роскоши, разбивало мне сердце.

— Максим, пожалуйста, оставь себе. Пусть это будет подарком.

— Нет.

— Выслушай меня, мне нравится делать что-то для людей. Так что пусть это будет не для тебя, а для меня. Оставь её для меня, чтобы я чувствовал себя счастливым.

Он покачал головой, но улыбнулся.

— Ты сумасшедший.

— Я не такой. Просто ты мне очень нравишься.

Его улыбка стала шире, когда он потянулся вниз, схватил свою рабочую футболку и надел ее.

— Ты мне тоже нравишься. И ты мне... — он посмотрел вниз на свою грудь. — О, черт.

— Что?

— Я надел футболку наизнанку, — он начал быстро снимать ее с себя.

— Ну и что?

— Если ты наденешь какую-нибудь вещь наизнанку, это значит, что тебя побьют.

— Побьют? Кто?

— Да кто угодно, — он вывернул футболку на лицевую сторону и снова надел ее. —

Вот поэтому ты должен ударить меня.

Я сжался.

— Ты с ума сошел?

— Нет! Это чисто символически. Ты должен ударить меня, чтобы я получил побои от тебя, а не от того, кто действительно захочет это сделать, — он сказал это со всей серьезностью, потом повернулся ко мне лицом. — Я готов. Вперед.

— Максим, я не собираюсь бить тебя.

— Ты должен! — но теперь он смеялся. — Несильный удар, хорошо? В противном случае, я не буду чувствовать себя спокойным.

— О Боже мой. Я не могу в это поверить. Как на русском языке «сумасшедший»?

— Повторяй за мной. *Sumasshedshiy*. А теперь ударь меня.

— *Sumasshedshiy*, — я полностью исковеркал это слово, а затем мягко толкнул кулаком в его очень твердый брюшной пресс. — Это все, что ты можешь получить.

Он сузил глаза.

— Ты бьешь как девчонка.

— Что? — уронив пакет с покупками, я схватил его и бросил на кровать, прижимая собой. — Забери свои слова обратно.

Он так смеялся, что его глаза засияли.

— Даже Лиля бьет сильнее тебя.

— Забери свои слова обратно.

— Нет, потому что тогда ты слезешь с меня, а я наслаждаюсь этим.

Конечно, я сам чувствовал то же самое. Что могло быть лучше, чем Максим в ловушке подо мной? Это напомнило мне о прошлой ночи. Мой член, который так и не успокоился после того, как я увидел раздевающегося Максима, теперь был на пути к полной боевой готовности. Я прижал его к себе и прошептал.

— Тебе еще больше понравится, когда ты будешь без штанов.

Его глаза загорелись.

— Я согласен.

Через минуту мы были голыми и вернулись в ночь, когда я оседлал его бедра. Я терся об него своим телом, покрывая поцелуями его лицо, губы, шею. Боже, я наверно никогда не смогу насытиться этим чувством — кожа к коже, мышцы к мышцам. На секунду две недели показались такими короткими.

Как хорошо, но это все, что у тебя есть. Так возьми по максимуму от этого.

— Дерек. Ты сделаешь кое-что для меня?

— Что?

— Перевернись.

— Перевернуться?

— Да, — он прижался губами к моему уху. — Я хочу попробовать тебя губами.

Я колебался, чувствуя, что мне очень дорога моя задница, учитывая то, что я прошлой ночью сделал с его. Но это было тогда — ночью. Было темно. И в этом был замешан виски. Сейчас был день, в комнате было светло, и во мне бурлили только кофеин и сахар.

— Пожалуйста, — попросил он, облизывая мочку моего уха и всасывая ее в рот. — Я обещаю, тебе будет очень приятно.

Мне было любопытно. Хотелось узнать, каково это. Я был помешан на своем теле, поэтому всегда был чист и выбрит. Но... смогу ли я?

Не будет ли это *слишком* по гейски? Какие моменты допустимы, а чего будет слишком много? Что еще должно произойти, после чего я смогу окончательно подвести черту?

Он хочет этого. Не переусердствуй с этим.

— Окей.

Я перевернулся, оседлав его верхнюю часть тела, опираясь руками в кровать по обе стороны от него. Зацепившись руками за мои бедра, он подтянул меня так, чтобы моя задница была прямо у него перед лицом. У меня даже не было времени почувствовать себя неловко, когда его язык медленно коснулся моей сморщенной дырочки, вызывая у меня волну дрожи. Мне хотелось плакать от того, насколько это было ошеломительно и потрясающе. Как жарко и мокро. Как *интимно*. Мне хотелось взять в рот его член, ласкать его, но я ничего не мог делать, кроме как, закатывая глаза, стонать и выгибаться. Максим не сдерживался. Он использовал язык, губы, зубы, руки. Он стонал от удовольствия, как будто я лучшее, что он когда-либо пробовал. Его толстый, твердый член подрагивал на животе, из его кончика сочились капельки спермы. *Это его возбуждает.*

Мысль об этом заставила меня эгоистично нестись к освобождению. Я в исступлении двигал бедрами, насаживаясь на его язык. Подперев рукой себя с одной стороны и взяв свой член в другую, я дрожал быстро и жестко. Рычал и скрежетал зубами, стонал и чертыхался, кончая и изливаясь на него, разрисовывая его тело теплыми, белыми лентами своей спермы. Вид брызг на его животе, члене, его бедрах, был настолько восхитительно непристойным, что казалось, мой оргазм будет продолжаться вечно.

Как только я снова смог контролировать свое тело, я взял его член и облизал как мороженое, обводя языком вокруг головки. От его хриплого стона по всему моему телу пробежали мурашки. Я опускал и поднимал голову, снова и снова облизывая и проталкивая его член почти до самого горла, пока Максим не предупредил меня дрожащим голосом, что сейчас кончит, и я втянул его еще сильнее и глубже. Через секунду его пальцы вонзились в мою плоть, все его тело застыло подо мной, пока его член пульсировал, выплескиваясь в мой рот.

Черт побери, это было *безумие*, но как мне это нравилось. И он. И эта небольшая договоренность, которая была между нами.

Такими темпами мы никогда не соберемся покинуть дом.

Глава 26

Максим

По дороге в торговый центр Дерек сказал, что хочет проехать мимо дома, который продается.

— Зачем? — спросил я — Ты думаешь о переезде?

— Нет. Я думаю купить и отремонтировать, а затем перепродать.

— Перепродать? — с недоумением я посмотрел на него.

— Здесь можно купить дом, который нуждается в реконструкции, делаешь работу, а затем с прибылью продаешь его.

— Ах. Я понял. Ты делал это раньше?

— Нет. У меня возникла такая идея, в то время когда я занимался своим домом. Мне очень нравится эта работа, но когда закончил, я уже передумал.

— У тебя определенно есть талант к этому. И хороший вкус в оформлении дизайна. Твой дом такой красивый.

— Спасибо, — он молчал минуту, рассеянно потирая пальцем подбородок. — Скорее всего, мне придется сократить время работы. Если я действительно хочу сделать это своими руками.

— Это для тебя проблема?

Он нахмурился, опустив руку на колено.

— Наверное. Я думаю, что мой отец собирается уйти в отставку и рассчитывает на меня.

— Но он же хочет, чтобы ты занимался тем, что делает тебя счастливым, верно?

— Необязательно.

Он, кажется, не знал, как объяснить.

— Дело в том, — продолжал он, — я тут размышлял... С тех пор, как ты спросил меня, является ли моя работа моей мечтой, меня беспокоит, что это не так. Ничто в моей работе не вдохновляет меня. Ничего творческого, значимого. Я зарабатываю большие деньги, хорошо заключаю сделки, но это всё не то, в сравнении с работой над моим домом. Я вижу, насколько ты решительно настроен идти за своей мечтой, вот и я испытываю что-то вроде того. Это меня вдохновляет.

Мысль о том, что что-то во мне вдохновило его, была безумной.

— Дерек, я смотрю на тебя и на все, что ты сделал, на все те прекрасные вещи, которые у тебя есть, на твой дом, машину, на все твои успехи, и думаю: «Это то, к чему я должен стремиться».

— В жизни есть нечто большее, чем дом и хорошая машина. Это всего лишь материальные вещи. Я чувствую... — он покачал головой. — Я даже не знаю, что, черт возьми, я пытаюсь сказать. Думаю, я чувствую, что прожил очень спокойную жизнь. Это наверняка удобно и я благодарен за все, что у меня есть, но я не очень часто рисковал. Я

начинаю думать, что именно это важно.

— Так рискни сейчас. Еще не слишком поздно.

Он притормозил и наклонился ко мне, чтобы выглянуть в окно с моей стороны.

— Это один из них. С испанской архитектурой Возрождения.

Я посмотрел на Белый дом с красной черепичной крышей.

— Ух ты. Классный.

— Он был построен в 1925 году и до сих пор имеет много оригинальных особенностей. Но он очень запущен.

Это он о доме? Кроме заросшего газона и недостающей черепицы на крыше, мне не казалось, что он выглядел так уж плохо, но стандарты Дерека отличались от моих.

— Мы можем войти внутрь?

— Нет. Я не договаривался сегодня посмотреть его, — он посмотрел в зеркало заднего вида. — Движение. Нужно двигаться.

Бросив еще один взгляд на дом, он двинулся вперед.

— Когда-то давно я хотел стать архитектором.

— Ты хотел стать архитектором? — я посмотрел на него с удивлением.

— Да. Но мой отец сказал, что в строительстве не заработать много денег и мне лучше пойти в бизнес-школу.

— И поэтому ты пошел в бизнес-школу.

— Да.

— Если бы у тебя была возможность все вернуть, ты бы сделал по-другому?

Прежде чем ответить, он глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

— Трудно сказать.

— Ты думаешь, что уже слишком поздно?

Он немного рассмеялся.

— Да. Я не собираюсь возвращаться в школу. Но если есть способ, которым я могу творчески использовать свои мышцы и одновременно получать прибыль, я бы рискнул. Возможно.

— Как думаешь, ты сможешь получить прибыль от этого дома?

— Да, — уверенно сказал он. — Они просят слишком много, но я могу снизить цену. Это все равно будет дорого, но у меня есть опыт в финансировании недвижимости, я много знаю о недвижимости в этой области и не тороплюсь. Я бы не спеша сделал все правильно.

— Похоже, ты много думал об этом и не только за последние несколько дней.

— Это то, о чем я думал последнее время, — признался он, когда мы въезжали на парковку в торговом центре. — Думаю, ты просто напомнил мне об этом.

— Почему ты думал об этом, но до сих пор не сделал?

— Ну, во-первых, страх. Нет гарантии, что я заработаю деньги. И дома здесь не дешевые, даже такие запущенные. Я не хотел прыгать выше собственной головы. Я видел, как это происходило, когда ребята пытались делать слишком быстро, или нанимали не тех людей, или принимали неправильные решения, или полностью недооценивали затраты, и прежде чем они это осознавали, проект полностью выходил из-под контроля, и они теряли все, — он заехал на парковку и выключил машину. — Мне не хотелось бы оказаться на их месте. Я не хочу потерпеть неудачу.

— Дерек. Поверь мне. Ты не такой как те парни, — я бы хотел, чтобы у меня было больше слов, чтобы убедить его пойти на риск, потому что это, очевидно, то, что сделает его счастливым. — Я знаю, что мы не настолько давно знаем друг друга, но я искренне верю, что все, за что ты берешься, ты делаешь правильно. Иди еще раз посмотри на дом и прислушайся к тому, что тебе подсказывает интуиция.

Он посмотрел на меня и улыбнулся.

— Потому что твоя интуиция никогда не ошибается.

— Именно. Твоя интуиция как вселенная скажет тебе, что делать.

— О, Господи, — он открыл свою дверь. — Давай, выходим.

Я решил не говорить ему, что мое чутье подсказывает, что ему нужно купить этот дом. По какой-то причине Дерек сдерживал себя от поступков, о которых он действительно мечтал всю свою жизнь. Может быть, это был страх неудачи или разочарования в глазах его отца, но я чувствовал, что он никогда не позволял себе быть тем, кем он хотел быть. Уж лучше рискнуть и сделать выбор, прислушиваясь к своему сердцу и внутреннему голосу, чем остаться ни с чем, потом жалея об этом.

Чем больше я узнавал о Дереке, тем больше хотел ему помочь.

Я чувствовал, что он просто показывал мне дорогу.

* * *

— Это не может столько стоить. Сто двадцать пять долларов за *шорты*?

Дерек стиснул зубы.

— Окей, пожалуйста, перестань смотреть на ценники. Просто не смотри.

Я чувствовал себя ужасно. Мы были в Nordstrom (*прим. Nordstrom — большой интернет-магазин, а также целая сеть традиционных торговых точек в США*) уже час, и я даже ничего еще не примерил. — Но я...

— Послушай, это необходимо. Тебе нужна одежда.

— Но не такая дорогая. Эллен рассказывала мне об одном магазине под названием T. J. Maxx с хорошими вещами и за небольшие деньги.

— Да. Это выйдет дешевле, но качество будет не таким хорошим. Вещи будут изнашиваться быстрее, а в ближайшее время, тебе и так придется тратить много денег. Посмотри на это как на инвестиции в себя.

Я покачал головой.

— Моя задница не стоит стодолларовых шорт.

— Я не согласен. Ты просто примеришь, и, если они подходят, я куплю их тебе и еще что-нибудь из вещей, чтобы ты мог носить их летом. Потом мы, наконец, пообедаем, потому что я очень голоден, и, если ты будешь продолжать нервничать из-за ценников, я просто умру от голода.

Возражения висели на кончике моего языка, но я остановился. Дерек сказал, что ему было приятно делать что-то для меня, и я знал, что он имел в виду, потому что мне тоже нравилось делать что-то для него. Я хотел, чтобы таких моментов было больше, чем я мог бы для него сделать. Я кивнул, но мне было очень неловко, что кто-то другой должен был заплатить за мою одежду, и не знал, куда себя деть, когда он рассчитывался своей кредитной картой.

Дерек понял.

— Вот, — сказал он, вручая мне пакет. — И не говори ни слова. Ты думаешь, я не понимаю, что ты чувствуешь? Я бы чувствовал то же самое. Но это инвестиции в будущее.

Когда он так выразился, мне стало лучше.

— Спасибо тебе.

Мы пошли обедать, где я заказал что-то под названием Mac and cheese (*прим. макароны с сыром по-американски, с добавлением жареного лука и бекона*), о котором я никогда не слышал, но Дерек заверил меня, что это вкусно. Он был прав. Мне хотелось вылизать тарелку.

Пока мы ели, я предложил ему попрактиковать русские слова и научил его еще двум: *pozhaluysta* и *spasibo*.

Самым лучшим было то, что я заплатил за обед. Я настоял на этом, и, хотя Дерек сначала сопротивлялся, в конце концов, он уступил. Это стоило мне почти сорок долларов, но я никогда в своей жизни не был так рад тратить деньги.

— Тебе не нужно было этого делать, — сказал он, когда мы подошли к машине. —

Ты должен экономить свои деньги. Ты видел, сколько стоит тот ноутбук? — он имел в виду ноутбук, на который я пускал слюни в магазине Apple.

— Я видел. И я обязательно куплю его, потому что планирую быть очень экономным с деньгами. Но это так ничтожно мало, что я могу сделать для тебя, а ты так помогаешь мне, я действительно хотел хоть как-то тебя отблагодарить.

Через пару минут мы сели в машину, и он положил руку мне на ногу.

— Ты многое делаешь для меня, Максим. Больше, даже чем ты думаешь.

Никакие слова не могли сделать меня более счастливым.

Глава 27

Дерек

Остаток недели прошел слишком быстро. Я каждое утро перед работой ходил в спортзал, а Максим работал допоздна в баре каждую ночь. Мы даже не видели друг друга. К тому времени, когда он возвращался домой, я уже спал, а когда я вставал и уходил на работу, он все еще был в постели. В пятницу утром у меня был соблазн разбудить его, но мне не хотелось быть засранцем. Эй, я знаю, что ты вернулся домой три часа назад, но не мог бы ты перевернуться и отсосать мне? Спасибо. Оцени это по достоинству.

Вместо этого я пошел в душ, чтобы окунуться в воспоминания о нас, но ничего и близкого к реальности я не почувствовал. Я хотел настоящего.

На самом деле меня это немного тревожило, насколько сильно я хотел его и как быстро пролетали дни, приближая к концу двухнедельное пребывание Максима в моем доме. Потому что мы даже ничего не делали! Что хорошего в том, чтобы позволить себе быть геем дома в течение двух недель, если человек, с которым ты хочешь быть геем, никогда не бывает там?

К вечеру пятницы я был рассеян до неузнаваемости. После работы я вышел на пробежку (хотя я уже позанимался в то утро), вымыл машину, пропылесосил все ковры и вывесил их на улицу, чтобы вытрясти. Но вся эта работа так и не помогла снять накопившееся напряжение.

Я понял, что не ужинал, — мой аппетит был странным в последнее время, я был либо ненасытым, либо настолько отвлекался, что забывал поесть, — поэтому приняв душ, я побрился и оделся, а затем пошел в «Слепую свинью». Я должен был его увидеть.

Максим обрадовался, заметив, что я сижу за дальним столиком, и я, вероятно, делал то же самое, судя по тому, как мое сердце колотилось в груди. Боже, мы были слишком очевидны? Я сосредоточил свое внимание на меню.

Он подошел немного позже.

— Эй, — сказал он, заползая на стул напротив меня. — У меня небольшой перерыв. Как проходит ужин?

— Хорошо, — я положил свой бургер. — Может, не такой вкусный, как твои сырники, но съедобно.

Он засмеялся, его глаза светились.

— Ты помнишь.

— Да, но у меня не было особого случая еще раз их поесть. С единственным русским, которого я знаю, мы совсем не видимся, — черт, это звучало как нужда?

— Мне очень жаль. Я допоздна работаю, — он понизил голос, чтобы только я мог его услышать. — Но я скучал по тебе.

Он скучал по мне. Он скучал по мне. Мне так хотелось показать, как я рад это слышать, но я не мог. Мне хотелось сказать это ему в ответ, но я не мог. Я отпил пива,

поставил бутылку и посмотрел через плечо, чтобы убедиться, что никого не было поблизости, чтобы подслушать.

— Разбуди меня сегодня вечером. Когда вернешься домой.

Его брови поднялись вверх.

— Ты уверен?

Да, черт возьми. Даже его присутствие напротив сводило меня с ума. Я хотел протянуть руку, схватить в горсть его рубашку и притянуть Максима к себе, чтобы впиться в его рот.

— Да. Я уверен.

— Эй, привет! — Эллен появилась за моим столом. — Мне сказали, что ты здесь. Второй раз за неделю, это для меня честь!

— Прекрасно, — я снова взял свое пиво, пытаясь выглядеть круто, но мой пульс ускорился. Она слышала, что я сказал?

Она наклонила голову.

— Кэролин нет сегодня с тобой?

Мы с Максимом обменялись взглядом.

— Эм, нет. Вообще-то, мы с Кэролин решили, что нам лучше быть друзьями.

Эллен цокнула языком.

— О, серьезно? Это очень плохо. Она действительно приятная.

— Так и есть.

— Ну, ты встретишь кого-нибудь другого, — она оживилась. — Эй, хочу познакомить тебя с...

— Нет, — твердо сказал я. Встречи, которые Эллен организовывала мне, всегда были катастрофой. — Не надо меня никому представлять.

Она нахмурилась.

— Ты какой-то не веселый. Как сварливый старик, который настроен на свою волну и ничего не хочет нового в своей жизни. Так ты никогда и никого не встретишь, если будешь продолжать ходить в одни и те же места и тусоваться с одними и теми же людьми.

— Мне весело, — сказал я, дергая подбородком. — Я просто сейчас занят. Со мной и так многое происходит.

Мои глаза сейчас смотрят только на одного человека. И в эту секунду он сидит прямо напротив меня, и из-за него у меня серьезные проблемы с дыханием.

Она вздохнула, как будто я был потерянным делом. Может и так.

— Хорошо, хорошо. Приятного аппетита. Мне нужно вернуться к работе. Все в порядке, Максим, можешь взять перерыв, — сказала она, когда Максим встал со стула. Потом она повернулась ко мне. — Он рассказал тебе, что последние пару дней ездил на автобусе?

Я посмотрел на него.

— Нет... Ты?

Он кивнул.

— Я чувствовал себя неловко, что меня нужно возить повсюду.

— От дома до автобусной остановки слишком большое расстояние.

Он пожал плечами.

— Да я не против. И... мне нравится независимость.

— Но после работы я заставляю его вызывать такси до дома, — сказала Эллен.

Такси? У него даже кредитки еще не было.

— Но как ты это делаешь?

— Я вызываю для него, — она хихикнула. — Я сказала ему, что это часть пакета льгот.

— Я сказал ей вычесть это из моей зарплаты, — сказал Максим.

— Конечно, я это сделаю, — моя сестра взглянула на меня, показывая, что никогда не сделает этого. — Ну все, я ухожу. Пока.

— Пока, — я смотрел, как она отходит, и снова перевел взгляд на Максима. — Как думаешь, она слышала?

Он выглядел непонимающим.

— Слышала, что?

— Как я говорил о том, чтобы ты разбудил меня.

— О. Нет, не думаю, что она слышала, — он выглядел так, будто хотел сказать что-то другое, но не сказал.

— Что? — бросил я. Если в его голове были мысли обо мне, я хотел их услышать. Вообще-то, я хотел знать обо всех его мыслях, были ли они обо мне или нет.

— Ничего, — он опустил глаза на мою тарелку. — Я просто подумал... если ты когда-нибудь решишься поговорить с членом семьи о... *об этом*, Эллен будет самым хорошим выбором. Думаю, она бы поняла.

Подумав меньше секунды, я проговорил.

— Нельзя. Это будет катастрофой. Она не умеет хранить секреты. У нее самый длинный язык в мире.

— Окей. Ты знаешь ее лучше, чем я. Я должен вернуться к работе, — он подарил мне взгляд, от которого внутри потеплело. — Увидимся позже, хорошо?

Я кивнул и опустил лицо на случай, если кто-то будет достаточно близко и увидит все, что на нем написано. Но я не смог удержаться от того, чтобы не подглядывать за ним, когда он уходил. Его задница *так хорошо* смотрелась в новых джинсах.

Сегодня в моей постели она будет выглядеть еще лучше.

* * *

Скрип лестницы разбудил меня. Он дома. Я сразу почувствовал возбуждение. *Господи, дай же ему минутку*.

Я оставил дверь своей спальни открытой и ждал, когда он войдет в нее, сбросит свою одежду и ляжет рядом со мной. Предложит себя.

Прошло несколько минут, и я начал волноваться, что он не придет. Он передумал? Уснул? Может он решил, что я совсем не то имел в виду, о чем говорил?

Через мгновение я услышал, что дверь в ванную закрылась, и включился душ. Ага. Я пытался расслабиться и набраться терпения. Взял в руку свой ноющий член и медленно начал гладить себя. Мне не хотелось кончить за мгновение до того, как он войдет сюда. Но каждая секунда была вечностью, и чем больше я думал о нем, стоящим под душем, голом и мокром, и, может быть, таким же возбужденным, как я, тем более взволнованным я становился.

С каждым звуком, который я слышал, напряжение во мне стягивалось в узел — льющаяся вода, открывающаяся и закрывающаяся дверь в ванну.

Шаги в коридоре.

Скрип двери моей спальни.

— Эй, — шепот в темноте.

— Иди ко мне, — мой собственный голос, низкий и властный.

Он скользнул под одеяло, и мы потянулись друг к другу, соединяя наши тела, как пальцы, сложенные в молитве, переплетаясь руками, ногами, языками. Мы лежали, обнявшись, на боку, целовались и касались друг друга, пока Максим не толкнул меня на спину. Он уткнулся своим лицом мне в шею и глубоко вдохнул.

— Боже, как же я скучал по тебе.

Я тоже скучал по тебе. Я хотел сказать ему это, но то, как он целовал мою грудь, облизывал соски, посасывал их и дразнил кончиком языка, я испытывал такое удовольствие, что не мог вымолвить ни слова. Мои бедра толкались под ним, мой член терся о его тело. *О, черт. Я слишком близко. Слишком близко.* Если он продолжит, я кончу в течение нескольких секунд. Я чувствовал, что уже на пределе.

Я хотел снова быть внутри него. Нет — мне это было необходимо. Необходимо быть окутанным, принятным, признанным таким образом. Физически я жаждал жара и агрессии, но какая-то другая часть меня болела за нашу связь, за него и за меня.

Набравшись сил, я перевернул его на спину и начал целовать его повсюду, ища нежные, скрытые места на его теле. Под его подбородком. С боку его ребер. Под коленями. Я целовал его внутреннюю часть бедер, вылизывал его член, посасывал головку. Я проследил языком вены на его прессе, как и мечтал ранее.

Награда для меня — его мягкие стоны, резкие вдохи и его пальцы в моих волосах. Он хрипло стонал и рычал мое имя, когда вбивался мне в рот, задыхался, когда я вылил теплую смазку в мою руку, и глубоко вдохнул, когда я проник в него пальцами.

Но ничто из этого не сравнится с тем, как он прижимал меня, когда я глубоко вбивался в его тело, как он держал в руках мое лицо, шепотом успокаивая меня как ребенка, пока я болтался над краем, прежде чем разорваться внутри него на мелкие осколки.

И это было безумно, стыдно и нелогично — я взрослый человек, на двенадцать лет старше его — но никогда не чувствовал себя более целостным. Потому что я больше не знал, где начинался я и где заканчивался он, кто двигался, а кто оставался неподвижен, чье дыхание было на моих губах, чей вкус был во рту, или чье сердце неустанно билось в моей груди.

Это было только наше. Все это было нашим.

— Не уходи, — мой голос звучал отчаянным и нуждающимся, и я ненавидел себя за это, но не мог остановиться и продолжал. — Не возвращайся в свою комнату. Останься со мной.

— Хорошо, — прошептал он, прикасаясь своими губами к моим. — Я останусь.

Глава 28

Максим

Он уткнулся мне в грудь, и я обнял его. Никто из нас не говорил, наше дыхание замедлялось, успокаивалось и становилось синхронным, пока мы не стали вдыхать и выдыхать одновременно. Момент был настолько спокойным, как зтишье после шторма.

И это был особенно сильный штурм.

Он скучал по мне также, как и я скучал по нему? Думал ли он обо мне? Наши графики были настолько несовместимы, что мы не виделись несколько дней. Когда он вошел в бар прошлой ночью, это было похоже на появление кинозвезды. На самом деле, это было даже лучше. Ни одна кинозвезда не возбуждала меня так, как он. Он тоже выглядел счастливым, увидев меня, но я не мог не заметить ту осторожность, которую он

проявлял рядом с Эллен. Он так боялся того, что подумают люди, если узнают о нас, о нем. Хотел бы я, чтобы он видел себя таким, каким вижу его я.

Он поцеловал меня в плечо и отодвинулся, разделяя наши тела.

— Сейчас вернусь.

Пока он был в ванной, я растянулся в его кровати, испытывая ноющую боль и усталость, но чувствуя себя абсолютно счастливым. *Он хочет, чтобы я спал сегодня рядом с ним.* Я мог пересчитать по пальцам количество ночей, когда спал в чужой постели, и то засыпая случайно, а если и просыпался, сразу вставал и уходил домой. Но сейчас все было по-другому. Это было осознанно.

Я задавался вопросом, что побудило Дерека попросить меня, но не хотел слишком много думать. Может, это ничего не значило. Может, он просто захотел утром заняться сексом. Но мне очень хотелось верить, что еще один его барьер преодолен.

Дверь в ванную открылась, и он снова присоединился ко мне в постели, сразу притягивая меня к себе. Удивленный, но счастливый, я спрятался у него под боком, положив голову ему на плечо, и обнимая рукой за талию.

— Ты в порядке? — спросил он. — Я чувствую, что был немного груб с тобой.

— Слегка болит, — признался я. — Но не очень сильно.

— Хорошо, — он помолчал. — Так приятно. Обычно я не обнимаюсь.

Я улыбнулся.

— Я тоже. Мне тоже очень хорошо.

Пролетела минута, потом он снова заговорил.

— Я не могу уснуть. Ты споешь для меня русскую колыбельную? — он даже не смог задать вопрос, не рассмеявшись.

Я легонько пнул его.

— Будь милым, или я вернусь в комнату для гостей.

— Нет, — он сжал меня. — Ты мне здесь нравишься. Хорошо, я буду милым.

— Ты всегда такой хороший, — я поцеловал его грудь.

Он вздохнул.

— Моя сестра считает, что я сварливый старик.

— Нет, она совсем так не думает. Она хочет, чтобы ты был счастлив. И считает, что ты будешь счастлив тогда, когда найдешь кого-нибудь.

— Она говорила обо мне? — его тон был слегка настороженным.

Аккуратнее со словами.

— Не очень много. Она сказала то, что и ты говорил мне, о том, что хочешь семью.

— О. Хорошо.

— Она считает, что из тебя получится отличный отец.

Еще один вздох. А потом...

— Ты когда-нибудь задумывался о том, чтобы завести детей?

— На самом деле нет.

— Конечно. Я тоже не задумывался об этом, когда был в твоем возрасте. Вот тебе тридцать, а потом, не успеешь моргнуть, как сорок. Время летит. Приоритеты меняются. Мы стареем.

— Ты не старый, Дерек.

— Но я старше.

— Мне нравится это в тебе.

Он издал какой-то звук.

— Почему?

— Потому что это позволяет тебе быть более зрелым, мудрым и опытным. Ты много чего добился. Ты совершил ошибки и учился на них. Ты не какой-то глупый двадцатилетний, который ни хрена не знает о жизни и ему все равно, потому что он просто хочет пережить день, напиться, перепихнуться и что-то в этом роде.

— Ты не такой, — сказал он.

— Нет, это не так. Но я не думаю, что я типичный двадцатидвухлетний пацан. Еще одна причина, по которой я приехал сюда, заключалась в том, что я чувствовал, что перерос своих друзей. У них не было никаких амбиций и стремлений к чему-то. Это не совсем их вина, потому что там нет таких возможностей, как здесь, но мне уже давно стало скучно и тревожно. Я хотел чего-то нового и лучшего.

— У тебя все получится. Это может занять некоторое время, но ты обязательно добьешься успеха. Я верю в это.

Я прижался к нему.

— Тихо. Ты меня сглазишь. Но... спасибо тебе за все.

Мы так и заснули, прижавшись друг к другу.

* * *

Когда я проснулся на следующее утро, Дерека рядом не было. На мгновение я занервничал, неужели он пожалел, что попросил меня остаться на ночь в своей постели и опять сбежал, наказывая себя за это? Но потом я увидел записку на тумбочке, написанную черными чернилами на белом листе блокнота. Его почерк заставил меня улыбнуться — безупречно аккуратно написанные заглавными буквами слова. На листе не было линий, но строчки были идеально ровными.

В тренажерном зале. Не хотел тебя будить. Позавтракаем, когда я вернусь?

P. S. а ты милый, когда спишь.

Мое сердце подпрыгнуло от радости, я улыбнулся, потягиваясь в его постели. Простыни пахли им, нашей любовью, и мне это нравилось. Какими приятными были воспоминания о прошлой ночи, насколько страстным и сильным он был — и насколько уязвимым тоже. Даже то, что он не сказал, что скучал по мне, я чувствовал это. Мне понравилось, что он попросил меня остаться с ним, и то, как мы обнимали друг друга, когда засыпали.

Я очень надеялся, что он чувствует то же самое. В то же время меня не покидали мысли, что важно придерживаться плана — мне надо как можно скорее арендовать для себя квартиру. На самом деле, у меня были назначены просмотры двух квартир сегодня днем перед работой. Чем раньше я стану не зависим от Дерека, тем лучше. Я хотел быть на равных — ну, хоть как-то соответствовать ему. Я не был уверен, что когда-нибудь буду равным кому-то вроде него. Но мне нужно попробовать.

Когда после душа я оделся и спустился вниз, через заднюю дверь вошел Дерек. На кухне наши глаза встретились, и мы оба улыбнулись. Я испытал облегчение, увидев, что он не жалеет. О Боже, он даже потный и взъерошенный выглядел хорошо.

— Доброе утро, — сказал он. — Хорошо спал?

— Как младенец. А ты?

— Отлично.

— Как прошла тренировка?

Он застонал.

— Интенсивно. Но хорошо. Мне нужно привести себя в порядок.

— Окей. Если хочешь, могу приготовить завтрак.

— *Syrniki?* — его лицо засветилось, как у ребенка, собирающегося задуть свечи на своем праздничном торте.

Я засмеялся.

— Конечно.

Когда он проходил мимо меня по пути к лестнице, то быстро поцеловал.

— Прости, я потный.

— Мне нравится, когда ты потный.

Он ухмыльнулся и оставил меня одного на кухне, где я налил немногого кофе и начал готовить оладьи. Было забавно, но мне нравилось готовить для него. После того, как перееду, я буду приглашать его в свою квартиру, чтобы продолжать это делать.

Он спустился около тридцати минут спустя, глубоко вдохнув.

— Боже, как вкусно пахнет.

Я налил ему кофе.

— Ты вовремя, — сказал я, вручая ему чашку. — Почти все готово.

Он отпил кофе и сел за стол, который я уже успел накрыть. Когда я поставил перед ним тарелку, он застонал.

— Хорошо, что я утром в тренажерном зале сделал несколько дополнительных комплексов. Как, черт возьми, ты столько ешь и остаешься в такой хорошей форме?

— Я не ем так все время, — объяснил я, занимая место напротив него. — И мне нравится тренироваться, просто у меня еще не было времени здесь. Но у меня всегда был быстрый... — слово не приходило ко мне, и я смотрел на него в ожидании помощи. — Как называется, что делает твоё тело, чтобы сжечь то, что ты съедаешь.

— Метаболизм, — сказал он.

— Именно. Быстрый метаболизм.

— У меня, наверное, в твоем возрасте тоже был быстрый метаболизм.

— Если я через десять лет смогу выглядеть вдвое лучше, чем ты, я буду в восторге, — сказал я ему честно.

Он закатил глаза.

— Думаю, тебе не о чем беспокоиться. Расскажи мне, чем ты занимался на этой неделе, кроме того, что ездил на автобусе. У нас несколько дней не было возможности поговорить.

Пока мы ели, я рассказал ему, чем занимался последние три дня. Как со мной связался Джейк, когда вернулся с гор, и как он переживал из-за того, что случилось со мной, что вызвался вернуть мои четыреста долларов.

— И он это сделал? — выражение лица Дерека было шокированным.

— Да, — я пожал плечами. — Я понятия не имею, как, но он отдал мне деньги вчера утром.

— Это потрясающе.

— Так и есть. Это значит, что я могу заплатить тебе арендную плату, о которой мы договорились, чему я буду очень рад. И с тем, что я зарабатываю в баре, плюс то, что я уже сэкономил, я уверен, что могу позволить себе квартиру. Я сегодня днем смотрю два варианта.

Междуд бровями появились две морщинки.

— Ты? Я не знал об этом.

— Я не хотел тебя беспокоить. Я позвонил в два комплекса, которые мы нашли на днях, и в обоих есть доступные варианты.

— О, — он сдвинул тарелку с фруктами. — И когда ты переезжаешь?

— Оба места начинают аренду либо с первого, либо с пятнадцатого. Первая неделя начинается с понедельника, так что это именно то, о чем я просил.

Он медленно кивнул.

— Хочешь, я сегодня поеду с тобой?

— Это было бы здорово, но тебе не обязательно это делать. Я пойму, если ты будешь занят.

— Я не очень занят. Так в какое время?

— Первую в два, вторую в три. К пяти тридцати я должен быть на работе.

Он кивнул и продолжил есть.

— Как насчет занятий сценаристов? Ты смотрел варианты? Разве ты не хочешь посещать их?

— Да. Я рассмотрел несколько вариантов. Занятия очень дорогие, так что пройдет довольно много времени, прежде чем я смогу записаться. И я, возможно, сначала возьму несколько уроков английского, чтобы быть уверенным, что хорошо понимаю и правильно пишу. Говорить — это одно, а писать — другое. Это намного сложнее.

— Что насчет ноутбука? Разве ты не хочешь новый?

— Хочу. Но старый, который ты мне дал, отлично работает. Если ты не против, что я пользуюсь им сейчас, то буду экономить, чтобы в ближайшем будущем купить себе новый ноутбук.

— Меня все устраивает. Я просто не хочу, чтобы ты думал, что тебе нужно срочно съезжать отсюда и платить арендную плату где-то, если есть вещи, на которых тебе придется экономить.

— Я вообще так не думаю. Конечно, заманчиво пойти купить блестящий новый ноутбук за деньги, которые я заработал, это гораздо больше, чем я зарабатывал раньше, но это не было бы очень хорошим решением. Мне нужно где-то жить. Новый ноутбук и занятия сценаристов — это то, чего я хочу. Они могут подождать, — я ухмыльнулся и посмотрел на него. — Я стараюсь быть практичным и принимать разумные решения.

Он улыбнулся, немного неохотно.

— Да. Наверное, так и есть.

Завтрак мы закончили в тишине. Казалось, что настроение Дерека немного ухудшилось с тех пор, как он спустился вниз, и я подумал, что это от того, что я сказал ему. Возможно, он расстроился, что я назначил встречу, чтобы посмотреть квартиры? Может, он обиделся, что я хочу уйти? Он хотел, чтобы я в первую очередь рассказал ему об этом? Но это всегда было в планах, и насколько я знаю, план не изменился только потому, что мы были... кем бы мы ни были. Увлечеными.

И я не был идиотом. Равное положение в сторону, чем дальше я буду оставаться здесь, тем труднее будет уйти. Я уже думал о предстоящем вечере, задаваясь вопросом, собирается ли он попросить меня разбудить его снова, и очень надеялся, что он это сделает. Может он даже захочет, чтобы я снова спал в его кровати. И, может быть, мы заснем в его постели и утром проснемся рядом друг с другом. Это был бы такой интимный момент, о котором я никогда не думал раньше, но хотел испытать с Дереком.

Теперь все было по-другому.

Глава 29

Дерек

Он хотел съехать отсюда.

Я знал, что это было правильным решением, но я ненавидел это. Через неделю после понедельника он исчезнет. Девять дней. Это все, что у меня осталось.

Разве я не должен радоваться? Ведь это было моим планом с самого начала. Он облегчал мне задачу, уходил по собственному желанию и не заставлял меня просить его уйти. Потому что, что бы это ни было, это должно было скоро закончиться. Я никогда не отрицал этого, никогда не думал, что из этого может получиться что-то большее. Как бы хорошо это ни было, продолжения не будет.

Но все же... я не хотел его отпускать. Еще не был готов к этому. Я все еще не представлял его вне своей жизни.

Конечно, я не мог сказать ему об этом. Единственное, что я мог сделать, так это вести себя как мудак по поводу квартир, которые мы смотрели в тот день. И я им был. Обе квартиры были в полном порядке, и любая из них подходила ему, но я сбивал его энтузиазм, при каждой возможности находя какие-то недостатки.

Конечно, тут близко к общественному транспорту, но не настолько.

Боже, это место очень шумное — послушайте, какое движение!

Кухня в порядке, но плитка в ванной вся в трещинах.

Видишь пятно на потолке? Это означает, что где-то протекает?

Этот ковер выглядит так, как будто его не меняли после падения Берлинской стены.

Определенно квартиры выглядят лучше на фотографиях в интернете.

Несмотря ни на что, Максиму настолько понравилась вторая квартира, что он оставил задаток наличными и подписал договор аренды. Квартира была в основном меблирована, так как предыдущий владелец внезапно уехал из страны, поэтому Максим мог переехать прямо в понедельник. Все, что ему действительно было нужно, это новое постельное белье и полотенца, которые он планировал купить на этой неделе.

В маленьком офисе управляющего комплексом я наблюдал, с каким паническим чувством страха Максим подписывал договор аренды. Он на самом деле собирался уйти. А я снова останусь один. Плыющий по течению, одинокий и напуганный тем, что у меня ни с кем другим никогда не будет такой связи. Мое горло было таким сухим. Я хотел поговорить, но не смог. Хотел сказать ему, не подписывать, не уходить, не оставлять меня. Я хотел, чтобы он нуждался во мне, потому что... кто еще?

*Ты дебил? Ты ничего из этого не можешь говорить! Ты даже не должен все это чувствовать. Что, бл*ть, с тобой? Он хочет уйти, а ты должен позволить ему жить своей жизнью. Он приехал сюда не ради тебя, засранец. Сейчас же возьми себя в руки!*

Призывая каждую унцию силы, я сжимал губы, чтобы не сморозить какую-нибудь глупость. Это я подписал договор аренды. Я, пытаясь всплыть, отодвинул чувства — чувства неизбежной потери и одиночества. Чувства тепла и ласки. Чувства, что если я только пожелаю, и может быть мы могли бы... Я утопил их без пощады в глубине своего сердца.

Я не мог позволить себе надеяться. Я просто не мог.

* * *

— Тебе ведь понравилось, правда? — спросил Максим, когда мы возвращались к машине.

— Все в порядке.

— Думаю, что это отличный вариант. Я знаю, что ковер очень изношен и техника не новая, но это даже слишком хорошо для меня.

Это не так. Это не так.

— Я рад, что ты был со мной, потому что, чтобы принять правильное решение, мне необходимо было услышать другую сторону.

— Да.

— Боже, я не могу в это поверить, — он остановился посреди тротуара и покачал головой. — Я подписал договор аренды квартиры. Это не реально!

— Поздравляю, — коротко сказал я.

— Как далеко мы находимся от океана? — он огляделся вокруг, как будто мог увидеть его.

— Пять, может быть, десять миль.

— Серьезно? Всего то? — он улыбнулся, его щеки покраснели. — Возможно, для тебя это не имеет большого значения, но я вырос так далеко от воды, океан всегда был чем-то экзотическим и невероятным для меня. В детстве я мечтал жить на побережье, еще до того, как понял, чем хочу заниматься. И когда я узнал, что рядом с океаном есть место под названием «Город Ангелов», где оживают истории, за которыми люди наблюдают по всему миру, я понял, что именно там я хочу жить. В то время это казалось невозможным.

— Ты сделал это, — я так хотел порадоваться за него, но все, о чем я мог думать, так только о себе. *Боже, я такой мудак.*

— Я сделал это! Я буду этим заниматься!

К тому времени, как мы сели в машину, я решил сказать что-нибудь поддерживающее.

— Ты должен гордиться собой, Максим. Многие люди только говорят о мечтах и никогда ничего не делают для этого.

— Ну, они должны были хотя бы попытаться. Потому что это действительно здорово, — он посмотрел на меня. — Ты назначил встречу, чтобы посмотреть тот дом?

— Нет еще, — я завел автомобиль, сосредоточив свое внимание на зеркале заднего вида, когда отъезжал.

— Дерек, — увещевал он. — Почему нет?

Я пожал плечами.

— На этой неделе я был сильно занят на работе, — это было оправдание. Правда в том, что я обсуждал эту тему с отцом, и он сказал мне, что я сумасшедший, что я сниму с себя последнюю рубашку и у меня все равно не было времени на побочные проекты. На самом деле, он хотел, чтобы в ближайшие полгода я взял на себя больше ответственности в работе, но никак не меньше.

— Позвони сейчас.

— Я веду машину. И у меня нет номера.

— Сделай это, когда вернешься домой после того, как отвезешь меня на работу.

Я просто взглянул на него.

— Это квартира сделала тебя властным.

Он застенчиво ухмыльнулся.

— Прости. Но я знаю, что ты смог бы проделать такую большую работу. И я думаю, это похоже на твою мечту.

— Возможно. Я еще немного подумаю над этим, — но трудно было думать о том, что может произойти после следующих девяти дней. Я не хотел этого делать.

Когда я подъехал к «Слепой свинье», он посмотрел на меня.

— Что ты будешь делать сегодня вечером?

— Ничего особенного.

Думать о себе. Жалеть себя. Тонуть.

Он открыл дверь, но не вышел.

— Все хорошо?

— Почему нет?

— Я не знаю.

Я отказывался смотреть на него.

— Все в порядке. Иди на работу.

— Окей, — еще одна пауза.

Я крепко схватился за руль, глядя прямо вперед. *Убирайся, нахрен, Максим, пока я не сказал то, чего не должен.*

— Что ж, спасибо что подвез.

— Без проблем.

Он вышел, закрыв дверь, и в тот же момент я сорвался с места. В зеркале заднего вида я видел, как он задержался на тротуаре, наблюдая за мной. Я не мог уехать достаточно быстро, как хотелось, вдавив до пола педаль газа. *К черту пробки! Почему, когда так необходимо выпустить пар, дороги загружены движением?*

Вместо этого я решил отправиться на пробежку. Я пошел домой, переоделся, схватил наушники и рванул, мои ноги стучали по тротуару длинными, сердитыми шагами. Я бежал быстро, слишком быстро, пот лился градом, сердце стучало в бешенном ритме, все мышцы болели. Я бежал, как будто кто-то преследовал меня, как будто моя жизнь была в опасности, как будто я могу избежать опасности, если буду впереди нее.

Но она не позволит. Она не сдастся. Она не отпустит меня.

Его руки и ноги вокруг меня как виноградные лозы. Его голова на моем плече. Его дыхание на моей груди. Его кожа прижимается к моей.

После пятимильного круга я оказался на заднем дворе, сгорбившись и уперев руки в колени, я пытался восстановить дыхание. Не было уверенности, что мне не станет плохо или что я не потеряю сознание. Через минуту я упал на траву и лег на спину, закрывая глаза.

Бл*дь. Что я тогда делал? Пытался обогнать чувство? Пытался наказать свое тело за то, что оно требовало? Для чего все это? Или я пытался заменить эмоциональную тоску физическими нагрузками? Может быть, я думал, что могу отвлечься от нежелательных чувств, загнав свое тело таким образом, что оно выдохлось. Тогда боль будет находиться в моих мышцах, а не в моем сердце.

Потому что гребаное мое сердце, у меня не было никакой цели. Дело было только в одном — удовольствие.

И дни его были сочтены.

* * *

Меня опять разбудили шаги на лестнице. Как будто мое тело помнило, что последовало в прошлый раз, когда я услышал этот звук, меня обдало жаром, мой член начал наливаться. Он придет ко мне? Может и нет, после того, как я вел себя сегодня

днем. Возможно, он решил, что я не хочу этого. Или, может быть, он понял, что происходит со мной, и не стал еще больше меня наказывать. К черту все.

Когда я услышал, что включился душ, я решил не ждать. Я встал с кровати и скинул нижнее белье, выпуская свою подрагивающую от нетерпения эрекцию. В коридоре было темно, дверь в ванную закрыта.

Я не стучал. Потому что к черту манеры.

Вид его обнаженного тела, даже размытого сквозь запотевшее стекло, только усиливал напряжение внутри меня. И голод — я чувствовал себя почти хищником, когда он повернулся, с удивлением уставившись на меня.

Я открыл дверь душа и встал рядом с ним. Не дожидаясь, пока он скажет что-то, я схватил его и набросился на его рот, толкая Макса к плиткам и прижимаясь к его горячему, влажному телу. Он не боролся со мной, но я был груб с ним, зажимая в кулаки его волосы, проталкивая язык в рот, толкаясь членом в его бедро. Я чувствовал потребность подчинять, доминировать. Взять под контроль и навязать свою волю. Я не идиот, но понимал, что хочу преодолеть то, в чем терпел неудачу. И Максим, с его невероятной способностью показывать мне, кто я на самом деле, заставивший меня почувствовать, что я не смогу освободиться от этой зависимости, оттолкнуть, был идеальной заменой.

Я оторвал рот от него и надавил на его плечи.

— Встань на колени.

Он, не сопротивляясь, опустился, и мне это понравилось. Струи горячей воды били мне в спину, вокруг нас поднимался пар. Я прижался к стене, когда он взял мой член в руку и накрыл головку своими губами.

— Да, — прошипел я сквозь стиснутые зубы. Он гладил, лизал, сосал, что мышцы на ногах сводило. Он не дразнил меня, не был застенчивым или игривым, не пытался вырвать контроль и сделать мой оргазм своей игрушкой. Как будто он знал, что мне нужно, и хотел дать мне это. Его пальцы скользнули между моих ног и гладили с устойчивым, твердым давлением, когда он снова и снова глубоко брал меня. Мое тело выбрировало, как земля дрожала и сотрясалась перед извержением вулкана. Я схватил его за шею одной рукой и держал его голову неподвижно, погружаясь в его влажный, горячий рот жесткими, глубокими толчками. — Бл*ть! — закричал я, мой голос отражался от плиток, и, даже не предупредив, я начал выплескиваться внутри него.

Но ему было все равно. Он продолжал жадно гладить, сосать и глотать, пока мое тело не начало трепетать и я не выплеснулся полностью.

Бог мой, он само совершенство. Он идеален, красив, храбр и полон жизни, и почему это чувство не может быть моим навсегда? Почему он не может быть моим навсегда?

Я опустился на колени перед ним. Взял его лицо в свои руки. Я целовал его страстно, упоительно, защищающе. *Мой. Мой. Мой.* Его руки обнимали меня, я таял у его ног. В этот момент не было ничего, чего бы я не смог для него сделать.

— Встань, — сказал я, скользя губами по его теплой, влажной шее. — Позволь мне.

— Неужели? — его голос был низким и немного игривым.

Позволь мне заставить твоё сердце биться быстрее. Позволь мне заставить тебя кончить. Позволь мне заставить тебя чувствовать себя так хорошо, что ты никогда не захочешь бросить меня. Потому что я не хочу, чтобы ты уходил, но не могу попросить тебя остаться.

— Позволь мне сделать то, что я хочу.

Он поднялся на ноги и приподнял мой подбородок, заставляя меня смотреть на него.

— Я полностью в твоем распоряжении.

Глава 30

Максим

Что бы ни тревожило Дерека в тот день, когда мы подписали договор аренды моей новой квартиры, похоже, все прошло. Мы провели следующие пять ночей вместе в его постели, и каждое утро он целовал меня на прощание перед отъездом на работу. Дважды он приходил поужинать в бар, а в четверг вечером даже остался до закрытия, чтобы отвезти меня домой, хотя на следующее утро ему пришлось рано вставать. Мы не занимались сексом той ночью, потому что он сильно устал, но мне было все равно. Засыпать с его телом, обернувшимся вокруг моего, было так же хорошо, как, в некотором роде, оргазм — более мягкая, более нежная близость, которая позволяла мне чувствовать себя ближе к нему, чем когда-либо прежде.

Мой блокнот, который сейчас больше походил на дневник, чем место для идей, страница за страницей наполнялся моими чувствами к нему, которые с каждым днем становились все глубже. Мы не говорили о них, но мне хотелось. Я хотел сказать ему, что влюбился в него. Я хотел услышать, что он скажет мне то же самое. Я хотел знать, думает ли он о чем-то большем, чем продолжать дальше прятаться дома. Мы вроде как оставили эти вопросы открытыми, когда соглашались посмотреть, к чему нас это приведет, но в понедельник я переезжал в свою квартиру, и мы больше не сможем проводить вместе ночи. Что с нами будет? Что ему было нужно? Чего он хотел? Я умирал от желания получить все ответы, но я слишком нервничал, чтобы задавать вопросы. Дерек не был тем, кому нравится, чтобы его подталкивали. И, возможно, он все еще не знает, чего хочет.

Я знал, чего хочу, — большего. Я дошел до того, что хотел быть с Дереком не только дома, но и в открытую. Я хотел сделать его счастливым, чтобы он гордился мной, чтобы он увидел, что нам нечего стыдиться. Я хотел, чтобы он впустил меня в свою жизнь. Здесь возможны открытые однополые отношения — я их все время видел. Я знал, как это будет тяжело для него, и я ни на секунду не задумывался, чтобы попросить его об этом, что заслуживаю этого, но какая-то часть меня начала надеяться, что он может предложить.

Другая же часть меня твердила: *не будь смешным, он сказал тебе, что хочет семью, а не парня*. Даже если он примет меня, я не смогу дать ему всего. Я не могу работать здесь легально, и, если я просрочу визу и меня поймают, меня могут депортировать. Кто в здравом уме посмотрит на такого парня, как я, и увидит уверенного родителя? Конечно, не Дерек. Я постоянно задумывался, что он со мной делает.

Но это было лучшее время в моей жизни, неожиданный подарок. Я не хотел, чтобы это закончилось.

* * *

В пятницу утром я проснулся и увидел в телефоне несколько сообщений от Дерека.

Ты слишком много работаешь. Ты заслуживаешь небольшого отдыха.

Я забираю тебя на выходные. Упакуй сумку с купальными шортами, приличную одежду для ужина и что-то потеплее на сегодня и завтра. Мы купим по дороге тебе очки. (Я не знаю, как ты живешь без них в Лос-Анджелесе). Будь готов к 15:00.

И да, я поговорил с Эллен, и она дала тебе выходной. Считай это оплачиваемым отпуском.

Да, оплачиваемый отпуск. Добро пожаловать в Америку.

Я в оцепенении сидел на кровати в комнате для гостей, мои мысли перемешались, сердце бешено стучало. Это по-настоящему? Он берет меня в поездку на эти выходные? В общественное место? Где люди будут видеть нас вместе? Куда мы едем?

И он рассказал об этом Эллен! О чем он только думал? Как он это описал? Она что-нибудь подозревает?

И что это за оплачиваемый отпуск? Такое бывает, учитывая, что я проработал так мало?

Путаница закручивалась в клубок, но больше всего на свете я был счастлив. Ехать вместе казалось мне большим шагом. Дерек бы не сделал этого, если бы не хотел, чтобы все продолжалось, не так ли?

Может быть, эти выходные станут для нас поворотным моментом.

Упаковка сумки не заняла много времени, и я был готов задолго до трех. Не то, чтобы я не доверял Дереку, но я отправил короткое сообщение Эллен, чтобы убедиться, что можно взять три выходных. Я не хотел подвергать опасности свою работу.

Ее ответ успокоил меня.

Да, конечно!! Я так рада, что Дерек это делает. Не позволяй ему работать, пока вас не будет. Ему тоже нужен перерыв!

Он знает, — написал я.

Он слишком строг к себе, — она ответила с кучей смайликов: солнце, пара солнцезащитных очков, купальный костюм, тропический напиток, пляжный зонтик, большая волна — и добавила мне, чтобы мы повеселились.

Я улыбался. Пляж. Это должен был быть пляж. Он помнил, что я сказал об океане, и он везет меня посмотреть на него. Мою грудь сжимало, сердце барабанило от волнения. *Боже, он был совершенен. Он был всем.*

* * *

— Знаешь, куда мы направляемся? — спросил он, как только наши сумки были загружены, и мы отправились в путь.

— Не совсем уверен... — я не мог перестать улыбаться.

— Без вариантов, — приказал он. — Я хочу, чтобы это был для тебя сюрприз.

— Сколько времени, чтобы добраться туда?

— Ты говоришь, как моя племянница и племянник. Не очень долго, — пообещал он, положив руку мне на ногу. — Один или два часа, может быть.

Через пару часов мы все еще были в дороге, застряв в пробке. Но мне было все равно — мы опустили окна, и я чувствовал запах океана. Продолжая глубоко вдохнуть, я просто не мог насытиться теплым, соленым воздухом.

— Извини, что мы еще не доехали. Жаль, что не получается съездить в течение недели. Все в выходные хотят быть на пляже. О, черт! — он понял, что раскрыл сюрприз, и ударил себя рукой по губам.

— Все в порядке, — сказал я ему, похлопывая по ноге. — У меня было чувство, что это будет пляж, когда ты сказал взять с собой плавки, а затем Эллен отправила мне кучу смайликов, которые, вроде как, сдали тебя.

Он застонал.

— Видишь? Бестолковая Эллен и ее длинный язык. Я не знаю, почему я сказал ей правду. Я должен был сказать ей, что везу тебя в поход.

— Нет, это просто замечательно! Все равно будет сюрпризом увидеть его и плавать в нем, слушать звук волн. Не могу дождаться.

Шокировав меня, Дерек взял мою руку и поцеловал пальцы.

— Хорошо. Мне нравится видеть тебя таким взволнованным.

Когда мы свернули с автострады на красивую дорогу, затененную пальмами с обеих сторон, я подумал, что сердце выпрыгнет прямо из моей груди. Мы проехали через ворота с надписью «Ритц Карлтон 5*», и я ошарашено посмотрел на Дерека.

— Это... мы... остановимся здесь? — в Москве был отель «Ритц», но он был настолько дорогим и роскошным, что я даже не переступал его порог.

— Да. Я не раз проезжал мимо этого места и всегда хотел приехать сюда. Ты предоставил мне такую возможность. Так что спасибо.

Я даже не мог говорить.

Мы зарегистрировались, и океан поманил меня через большие стеклянные окна в вестибюле.

— Как красиво, — сказал я, голосом, полным благоговения.

Дерек улыбнулся.

— Я попросил номер с видом на океан, так что ты сможешь видеть его в любое время, когда захочешь.

Как только мы вошли в наш номер, я уронил свою сумку, чтобы выбежать на балкон, который выходил на океан, как и было обещано. Я глубоко вдохнул при этом виде бескрайней синевы.

— Со мной не могло произойти что-то подобное, — проговорил я, когда Дерек присоединился ко мне. — Это еще более невероятно, чем я думал.

Прижавшись сзади, он обхватил меня за талию и положил подбородок мне на плечо.

— Хочешь прогуляться по пляжу?

— Да. Хотя это тоже приятно. Быть здесь с тобой, наедине, — я накрыл его руки своими.

— Я обещаю, что у тебя будет много всего, как пляжа, так и времени наедине со мной.

Я вздохнул, закрыв глаза.

— Это действительно так? Не говори мне, если это не так.

— Это реально, — он поцеловал мое плечо, мою шею, мой подбородок. Уперся лбом в мой висок. — Это реально.

* * *

Позже, после того, как мы гуляли по пляжу и плавали в океане, пили красочные коктейли и смотрели, как садится солнце, мы вернулись в номер, чтобы собраться. Как бы захватывающе не было попасть на океан в первый раз, я был еще счастливее, наблюдать, как Дерек одевается на ужин. Казалось нелепым, что такое обыденное, как смотреть, как он гладит рубашку или бреется, или укладывает волосы, или застегивает рубашку, произведет на меня такой эффект, но это так. Я все еще слышал его голос в своей голове. *Это реально. Это реально.*

Мне казалось, что это так. Чем больше времени мы проводили вместе, тем больше я был готов сделать все возможное, чтобы сохранить его. Я переехал сюда, не в ожидании встретить кого-то, но жизнь была странной и чудесной, и я должен был поверить, что это чувство имело цель. Она была слишком сильной, слишком хорошей, слишком

маловероятной, чтобы быть случайной. Все внутри меня, каждый инстинкт, который у меня был, говорил мне бороться за нее.

Но какое у меня было оружие? Что я могу дать ему взамен за то, что он изменил свою жизнь ради меня? Секса было недостаточно. Что еще ему было нужно?

— Расскажи мне больше о том, что ты будешь делать с этим домом. Ты уже назначили встречу, чтобы посмотреть его? — мы ужинали, сидя на террасе ресторана отеля с видом на океан.

Дерек повернул голову, посмотрев на воду.

— Нет еще. Не уверен, хочу ли я его смотреть.

— Что? Почему нет?

Официант появился с нашими напитками и спросил, готовы ли мы сделать заказ. Когда он оставил нас одних, я спросил снова.

— Почему ты не хочешь посмотреть дом?

— Потому что в этом нет никакой пользы? Я не могу его купить. Мой отец был прав — у меня нет времени на такой проект. Наверное, никогда и не будет, — он взял свое вино и выпил.

— Ты разговаривал по этому поводу со своим отцом?

— Да. Все прошло не очень хорошо. Он хочет, чтобы я взял на себя больше работы, но никак не меньше. А также я получу больше денег.

— Но как же насчет всего того, что ты говорил мне о творчестве, риске и мечте?

Он пожал плечами.

— Это просто была идея и не очень целесообразная. Есть другие вещи, которые я хочу. И знаешь, что именно? — он снова выпил и поставил свой бокал, прежде чем прикоснуться ко мне. — Давай не будем говорить об этом. Мы здесь, чтобы хорошо провести время, и я не хочу думать ни о чем, кроме этого. Это все, что имеет для меня значение *в настоящее время*.

Но я не хочу быть простым развлечением для тебя. Я хочу иметь значение. Я хочу что-то значить. Я хочу поговорить о том, что с нами может быть, кем мы можем быть.

Я хочу, чтобы ты впустил меня в свою жизнь.

Я начал волноваться, что этого никогда не произойдет.

Глава 31

Дерек

Отрицание было игрой, в которую я хорошо играл.

Поле было знакомым, я знал все стратегии, да и форма подходила как перчатка. Я носил ее практически всю свою жизнь. Не хочешь что-то чувствовать? Отказывайся это чувствовать. Не нравятся мысли в твоей голове? Отвергай их. Тебе на самом деле не нравится человек? Притворись, что его не существует. Ты лжешь только себе — и какое это имеет для кого-то значение? Благодаря многолетней практике, я был экспертом в поддержании идеальности снаружи, даже если внутри была чертова катастрофа. Особенно, если внутри была чертова катастрофа.

Так было всегда.

Я сидел и ждал, когда же это чувство переполнит, насытит меня, чтобы я смог уже убежать от этого эксперимента и продолжить свою нормальную реальную жизнь. Но это все никак не происходило.

С каждым днем мои чувства к Максиму становились все сильнее. Каждая ночь, проведенная вместе, сближала нас. Каждый момент, когда мы были порознь, мы думали о том, когда в следующий раз сможем быть вместе. То, что должно было быть коротким, банальным трахом, становилось чем-то большим.

Я отказался это допустить. Мой предел был достигнут. После той ночи в душе я сложил свои чувства, как свитер, и упаковал их. Сказал себе, что это не любовь, это увлечение. Что-то новое и неизведанное. Последствия вкушения запретного плода. Мимолетный порыв побить *плохим*. Просто из-за его присутствия в моем доме всеказалось таким напряженным. Как только он уйдет, я буду в порядке.

Я был бы в порядке.

Но в наши последние выходные я был жадным. Я хотел, чтобы он был только моим и ни на кого не отвлекался. Я хотел больше, чем просто несколько украденных часов в темноте — я хотел, чтобы его дни и ночи, его полное внимание были моими, почувствовать вкус того, каково принадлежать ему и считать его своим. Я хотел полностью насытиться им и *нами*, пока не почувствую абсолютное удовлетворение.

Только тогда я смогу его отпустить.

Все мои планы на отпуск, касающиеся Максима не работали, как говорится «получите-распишитесь».

— Я не хочу уезжать отсюда, — он смотрел на океан, когда мы сидели в ресторане на террасе в субботу вечером. — Вода, солнце, пальмы. Это рай.

Может и так, но я не мог оторвать от него глаз. Его кожа слегка загорела на солнце, его волосы аккуратно уложены, но взъерошены ветерком, белая рубашка с манжетами, открывая сильные запястья и красивые руки. Боже, эти руки — что они делали со мной. То, как они двигались по моему телу, как расплавленное золото, медленное, чувственное и горячее. Они могут быть нежными или грубыми, ласковыми или жестокими, нежными или сильными. Они могли дразнить и пытать, гладить и обнимать, ставить меня на колени или посыпать парить над облаками. Я любил и ненавидел их власть надо мной. Прошлой ночью я связал их ремнем, как будто их бесполезность уменьшил их эффект, но каким-то образом вид их, перетянутых кожаным ремнем, только усилил его. Сегодня он надел часы с кожаным ремешком, и каждый раз, когда смотрел на них, мой пульс учащался. Но я старался не смотреть, потому что не хотел думать о времени — оно двигалось слишком быстро. Каждый прошедший час приближал нас к понедельнику. С каждой минутой мне становилось все труднее скрывать свои чувства. Они поднимались к поверхности — густые, темные и угрожающие, как смола, которая просачивалась со дна океана.

— Дерек?

Я поднял глаза на него и понял, что он спросил меня о чем-то, но я настолько был погружен в свои мысли, что прослушал его.

— Что?

Он улыбнулся, и мой пульс участился.

— Тебе не кажется, что это рай?

— Да, — я взял свой бокал вина и сделал большой глоток.

— Какая твоя любимая часть этого рая?

— Хммм.

Идти сюда с тобой из нашей комнаты, твоя смелость взять меня за руку и не отпускать ее, пока мы не дошли до нашего стола. Это было так, как я должен чувствовать себя, идя куда-то с Кэролин... гордым, благодарным, счастливым. Это было

самой откровенной лаской за все выходные, и мне так это нравилось — но это был отель, полный незнакомых людей. Чувствовал бы я то же самое в зале полном друзей?

Ответ был отрицательным, и я ненавидел себя за это.

— Я не могу выбрать, — сказал я.

Последние двадцать четыре часа были идеальными. Мы не отходили друг от друга ни на минуту. Мы лежали на пляже, рассказывая истории о нашем детстве. Мы подшучивали над дорогими напитками в бассейне, смеялись над моими попытками сказать что-то по-русски и его безумными суевериями. Мы возвращались в номер, загорелые и наполовину пьяные от мохито и друг друга, и почти сразу же падали в постель. Его кожа была на вкус, как солнце и океан, соль и ром, и все теплое, молодое и беззаботное. Мы засыпали, завернув друг в друга в объятия, и я молился, чтобы время остановилось и позволило нам быть такими навсегда потерянными в нашем собственном маленьком пляжном мире, где мы принадлежали только друг другу. Отдавались только друг другу. Любили друг друга без стыда.

— Как стейк? — спросил он.

— Нормальный, — я положил еще один кусочек в рот, едва чувствуя его вкус.

— Мой тоже. Хотя мой любимый стейк всегда будет тем, что ты приготовил для меня в ночь нашей встречи.

Я вернул ему улыбку, не чувствуя ее.

— Я помню, как сидел напротив тебя и чувствовал, что хочу не спать, а всю ночь разговаривать с тобой.

Я снова взял свое вино.

— Дерек, — тон Максима колебался. — Что-то не так?

Да. Я думаю, что влюблен в тебя.

— Нет.

— Ты кажешься... немного задумчивым.

Потому что я боюсь, что если начну говорить, то не остановлюсь.

— О.

Он вздохнул, передвигая картошку по тарелке.

— Мне было интересно...

*Ой, бл*ть.*

— То, что сказала Эллен, когда ты рассказал ей, что мы едем в путешествие вместе.

Мои бедра сжались.

— Ничего особенного. Она очень завидовала, но была рада.

— О, — он тыкал в зеленую фасоль. — Она не посчитала это странным, что мы вдвоем уезжаем на выходные?

— Нет, я бы заметил. Я... я сказал ей, что мне нужно посмотреть кое-какую собственность здесь и решил взять тебя с собой, так как ты очень хочешь увидеть океан.

— Ах. Я понимаю, — он выглядел немного подавленным из-за лжи. — Что ж, это хорошо.

Не делай этого, Максим. Не грусти, что мы не можем быть вместе. Не показывай и не говори, что тебе не все равно. Я не смогу с этим справиться.

Мы закончили ужин и десерт в относительной тишине и вернулись в наш номер. Как всегда, Максим сразу вышел на балкон, словно океан притягивал его какой-то физической силой. Я последовал за ним, и мы стояли у перил рядом друг с другом в темноте, слушая шум волн и вдыхая ароматный ночной воздух.

— Ты позволил мне держать тебя за руку, — его слова поразили меня.

— Что? — я смотрел на него, но он смотрел на воду.

— Сегодня вечером. Когда мы шли в ресторан. Ты позволил мне держать тебя за руку.

Я тяжело сглотнул.

— Да.

— Почему?

— Потому что... — я снова посмотрел на океан, безграничный и глубокий, и почувствовал, что тону. — Потому что я хотел знать, каково это — быть твоим. Как это — принадлежать тебе.

Ему потребовалось время, чтобы ответить.

— И... на что это было похоже?

Я закрыл глаза, быстро погружаясь.

— Рай. Это было похоже на рай.

— Дерек, я...

Но я не позволил ему закончить. Я не мог. Вместо этого я притянул его к себе и накрыл его рот, цепляясь за него, как будто он мог спасти меня от бездонных глубин моих чувств. Каким-то образом мы пробрались в комнату, где, не разрывая поцелуя, шарящими руками срывали и стягивали с себя одежду.

Мы упали на кровать, переплетаясь друг с другом, как я любил, чтобы чувствовать себя так близко к нему, раствориться в нем. Я хотел, чтобы каждая моя часть забралась в его разум, затерялась под его кожей, находилась в скрытых пространствах его тела. И я хотел, чтобы он был внутри меня, хотел, чтобы он наполнил мое тело своим, хотел сдаться ему так, как я никогда раньше не делал.

Я вслепую нашупал на тумбочке позади себя смазку, и он наклонился ко мне, чтобы перехватить ее.

— Вот, — сказал он, тяжело дыша, протягивая мне руку.

Я отдал ее обратно.

— Нет — на этот раз ты.

Он замер.

— Ты действительно хочешь этого?

— Да, — уверенно сказал я, протягивая руку между нами, чтобы взять его член. *Бл*дь*. Он был большим, толстым и твердым — *это будет больно*. Но я хотел это сделать. Я хотел этой боли от него. Моя боль была бы невысказанным даром, чем-то честным, что я мог бы предложить ему вместо истин, которые я не мог произнести, обещаний, которые я не мог заставить себя сделать. — Пожалуйста.

Он крепко поцеловал меня, переворачивая на спину и прижимаясь ко мне. Его голос в моем ухе был низким и хриплым.

— Я постараюсь, чтобы тебе было хорошо.

Страх и волнение вибрировали в моем позвоночнике.

Он подтянул мое тело и встал на колени между моих бедер, раздвигая их. Согнув колени и упираясь ступнями в кровать, я закрыл глаза и готовился к незнакомому вторжению, но вместо этого он взял мой член в рот. Я застонал, когда его язык облизал мою головку, мое тело жаждало и трепетало. Его рот был горячим и влажным, тугим и, *бл*дь*, он брал меня так глубоко. В то же время, скользкими от смазки пальцами он проник между бедер, массируя и кружка, дразня и, ох, нахрен...

— Максим, — тревожно.

Он выпустил мой член изо рта и облизал линию моего живота.

— Тссс. Доверься мне.

Я действительно доверял ему. Но несколько минут спустя, когда он вошел в меня сначала одним теплым и скользким пальцем, а затем двумя, я подумал — не переоценили я свою терпимость к дискомфорту и мою способность справиться с психологической трудностью позволить другому человеку вторгаться в мое тело таким образом. Мой разум пытался убежать от этого, говоря мне, что я *не такой*.

Но я *такой*. Я был таким же. И я хотел этого, но Господи. *Господи*.

Это чувство было для меня странным. Чужим. Затягивающим. Я хотел, чтобы мое тело уступило, но мой мозг получал смешанные сигналы. В один момент моя задница невольно сжалась вокруг его пальцев, втягивая их еще больше, как мне и хотелось, а в следующий — я был в ужасе, боясь опозориться, потому что чувствовал, что мне нужно в туалет.

Внутри меня начали звучать сигналы тревоги.

Я не контролирую свое тело.

Я начал паниковать, руки судорожно сжимали простыни, ноги дрожали.

— Дыши, — прошептал он, его губы нависли над моими. — Медленно и глубоко.

Я вдыхал и выдыхал, сознательно пытаясь расслабить все свои мышцы. В конце концов, я почувствовал, что напряжение начинает отпускать. Жар начинает исчезать. Глубоко внутри начинает зарождаться удовольствие. Мои бедра начали двигаться.

— Вот и все, детка.

*Бл*дь. Мне нравится, как он меня назвал.*

Он целовал мою грудь, и в то время как его язык ласкал мой сосок, он что-то такое сделал пальцами, что заставило все мое тело звенеть. Стон вырывался из груди, когда ощущение медленно, но верно усиливалось. Я хотел большего, но не мог даже слова вымолвить.

Он добавил третий палец.

Со мной что-то происходит.

Это было похоже на оргазм, но его точкой происхождения был не мой член. Он даже не трогал меня там. Это было глубже, медленнее, постепенно сворачивающаяся спираль внутри меня, которая посыпала электрические импульсы, стреляющие по всему моему телу, как будто моя схема перестраивалась, мое тело трансформировалось под него.

Он вынул из меня пальцы, и мне сразу же захотелось их вернуть. Я смотрел, как он надел презерватив и смазал себя. Он никогда не выглядел таким красивым и в то же время внушающим страх. Я никогда не чувствовал себя таким беспомощным и уязвимым. Мои внутренности дрожали, когда он зацепил руками мои бедра и подтянул к себе ближе. Раздвигая ноги еще шире. Прижимаясь головкой своего члена к горячему, увлажненному смазкой входу.

Его глаза закрылись, когда он скользнул внутрь меня, погружаясь на всю длину медленно и осторожно. Я пытался перевести дух от чувства обжигающей наполненности, но радовался этой боли, потому, что его тело так изменило мое.

Когда Макс был глубоко внутри меня, он наклонился вперед, упираясь локтями выше моих плеч, прижимая мои колени ближе к груди. Он открыл глаза, и я положил руки ему на затылок.

На мгновение мы были неподвижны. Наши глаза закрыты. Я не мог дышать. Он был везде: внутри меня — повсюду. Мой разум, мое сердце, мое тело, моя душа. Я все ему дал. Я был его, именно таким, каким я хотел быть, и это было идеально.

Он накрыл мои губы своими и начал двигаться, покачиваясь надо мной. Мне нравилась твердость его тела, его тяжесть, давление его груди. Мне нравилось, как его

член задевал местечко внутри меня, которое заставляло мое тело дрожать. Я хотел отказаться от всего, кроме него — от добра и зла, положения и религии.

Ничего не имело значения, кроме нас. Кроме нас никого не существовало. Само время не имело значения.

Дыхание Максима стало прерывистым, и он, зарывшись лицом в мою шею, толкнулся в меня до упора, еще глубже, еще сильнее, как будто таким образом он хотел стать еще ближе. Господи, это было так восхитительно, быть желанным таким образом, без притворства, сдерживания или стыда, я крепко обнял его за спину, прижимая к себе. Все, о чем я мог думать, это — *останься со мной, останься со мной, останься со мной*.

Через мгновение он сел и откинулся на пятки, подхватывая мои ноги и подтягивая к себе. Бл*дь, да — угол был невероятным, и я чувствовал, как дрожь прошибает мое тело. Упираясь ногами в матрас, я приподнял бедра, и он, скользнув руками под мою задницу, сжал мою плоть и стал вбиваться в меня жестко, быстро и глубоко. Мой член скользил в моем кулаке, прежде чем я понял, что обернулся пальцы вокруг него. Я был так близок к оргазму — *так близко, так близко, так близко* — напряжение внутри меня все поднималось и поднималось, интенсивно распространяя жар по всему телу, моей груди, бедрам, спине, животу, все крепче, жарче, да Боже мой, пока я, захлебываясь воздухом, не взорвался, выплескиваясь теплыми струями на грудь, и не услышал хриплый крик Максима. Да! И он пульсировал внутри меня, моя задница крепко сжималась вокруг его члена — это был самым долгий, самый ошеломительный оргазм, который я когда-либо испытывал. Ощущение, что я кончал целую вечность. Мои волосы стояли дыбом. Моя кожа горела как в огне. Судороги сотрясали мое тело. Если бы это не было так хорошо, я мог бы подумать, что был в каком-то физическом припадке. Остановка сердца. Удар. Электрический ток.

Придя немножко в себя, я ошарашенно смотрел на Максима. Он был взмокшим и взъерошенным, и таким, до боли, чертовски красивым. На одну безумную секунду я действительно боялся, что смогу заплакать.

— Ты в порядке? — спросил он.

Я когда-нибудь буду в порядке?

— Нет.

На его лице отразились смятение и беспокойство.

— Нет?

— Посмотри, есть ли дыра в потолке? Потому что мне кажется, что меня поразила молния.

Он рассмеялся.

— Я знаю это чувство.

— Мои ноги. Я не чувствую их.

— Подожди, пока не пытайся вставать.

Я застонал.

— Мне нужно вставать?

— Нет. Подожди минутку, — он аккуратно вышел из меня и пошел в ванную. Через мгновение он вернулся с мокрым полотенцем. Я попытался забрать его у него, но Максим покачал головой. — Позволь мне.

Я смотрел на него, когда он вытирал мою грудь, и нежный взгляд на его лице чуть не сломал меня. *Настоящее. Это то, чего я хочу. Я не могу его потерять.*

Но что я могу сделать? Не было других вариантов, а время истекало. Эта поездка не сделала того, на что я надеялся — на самом деле, я хотел его еще больше, чем когда-либо прежде. Как такое вообще возможно?

Он вернулся в ванную, и я закрыл глаза.

Наказание. Это наказание за то, что мы совершили, и единственное, что нужно сделать, это пройти через эти мучения.

Глава 32

Максим

Когда я вышел из ванной, Дерек уже спал, лежа на боку, ко мне спиной. Бедный парень. Я измотал его до изнеможения. Завтра он будет очень болеть. Надеюсь, он не пожалеет и согласится с тем, что это того стоило.

Я залез на кровать и обвил его своим телом, обхватывая его за талию. Его кожа была теплой и пахла так хорошо, что я уткнулся лицом в его шею и глубоко вдохнул. Океан и секс. Что может быть лучше.

Эти выходные были невероятными. Я ни на что бы не променял ни одного момента, особенно такие, как когда он держал меня за руку сегодня вечером, как дрожал его голос, когда он сказал, что хочет знать, каково это быть моим, как он предложил себя мне самым интимным и глубоко личным способом, которым мог — эти моменты останутся со мной навсегда. Я чувствовал себя таким желанным, близким, заслуживающим доверия.

Этого было достаточно? Мне было достаточно? Он все равно отказался говорить о будущем. Я собирался сказать ему, что чувствовал, когда он прервал разговор поцелуем. Я не мог устоять перед ним, когда он стал таким горячим и требовательным — но куда это нас привело? Секс был потрясающим, но я хотел услышать, как он скажет мне, что у нас было больше, чем секс. Что я стоил большего, чем это.

Сегодня вечером, когда я вытирал его, я видел его взгляд. Удивление, благодарность и привязанность. Вытирая его грудь, я чувствовал, как бьется его сердце. Он хотел, чтобы о нем позаботились — это делало его счастливым. Он всегда был тем, кто спасал и защищал, ставил проблемы других на первое место, будь то семья или друзья, или даже животные, которых, по его словам, Эллен всегда навязывала ему. Какое облегчение, должно быть, позволить заботиться о себе таким образом, особенно после того, что мы сделали. Я знал, что он не воспринял это легкомысленно, и какая-то часть его, вероятно, задавалась вопросом, буду я так же смотреть на него, как и раньше. Как будто бы я мог увидеть в нем нечто менее совершенное, не таким, каким я вижу его сейчас, — самым уязвимым, самым честным, лишенным всего, кроме его глубочайших потребностей.

Осознание заставило меня прижаться ближе. Под своей идеальной внешностью Дерек был обычным человеком и хотел быть любимым именно таким, каким он был. Он хотел чувствовать себя достойным быть любимым. «*Я хотел знать, каково это — быть твоим. Как это — принадлежать тебе*», — сказал он.

Признание.

Он хотел, чтобы его признали. Проблема была в том, что ему было нужно не мое признание.

И это было его личной проблемой.

* * *

Дерек был тихим на следующее утро — его тело болело. Мне приходилось сдерживать улыбку, когда он стонал, вставая с кровати.

— Ты в порядке? — спросил я.

— Нет. Мышцы, о которых я даже не подозревал, просто вогнулись, — он, прихрамывая, пошел к ванной.

— Тебе помочь?

— Нет. Но если я не выйду, значит, я умер, а ты убил меня.

— Но это того стоило?

У двери ванной он посмотрел через плечо, выражение его лица было серьезным.

— Черт, да, это того стоило.

Моя улыбка расширилась.

— Хорошо.

Он не умер, и мы спустились на завтрак, во время которого он в основном молчал и выглядел задумчивым. Я не вынуждал его говорить, потому что понимал, что в его голове есть вопросы, которые ему необходимо решить, и он не из тех парней, которые доверяют своей интуиции, как я. На это потребуется некоторое время.

* * *

— Хочешь посмотреть фильм или еще что-нибудь? — спросил он вечером, открывая бутылку вина. Он сходил в спортзал, когда мы вернулись домой с отдыха, и это, казалось, немного улучшило его настроение. Мы заказали пиццу, и он даже позволил мне заплатить за нее моей новой кредиткой.

— Конечно. Какой твой любимый фильм?

Он нахмурился.

— Не знаю, понравится ли тебе. Он не такой уж известный.

— Я не против. Мне нравятся все фильмы. Что за фильм?

— Это фильм Вуди Аллена под названием «Сладкий и гадкий» об одном гитаристе 1930-х годов. Про безбашенного, супер самоуверенного парня, который считает себя талантливым до тех пор, пока не узнает о гитаристе Джанго, который намного круче, чем он. Потом он влюбляется в глухонемую девушку, — Дерек засмеялся. — Из меня не очень хороший рассказчик. Я люблю этот фильм. Что-то такое в нем есть. Это отличная история, и она была гениально снята.

— Я люблю великие истории, — сказал я, доставая тарелки из шкафа. — И Вуди Аллен — фантастический сценарист. Давай его посмотрим.

Мы ужинали и смотрели фильм, останавливаясь только, чтобы отнести наши тарелки на кухню и убрать оставшуюся еду, когда мы закончили есть. Вернувшись на диван, Дерек выключил подсветку, притянул поближе пуфик и вытянул ноги. Я сел рядом с ним, предоставляя ему больше пространства, чем мне хотелось бы.

— Эй, — он обнял меня рукой. — Иди ко мне.

Я с удовольствием подсел поближе и прильнул к его телу. От такой заботы во мне начала пузираться надежда.

Мы закончили смотреть фильм, и мне он очень понравился. С одной стороны, одна из персонажей не могла говорить, поэтому ее мысли и чувства были полностью переданы выражениями, жестами, нюансами. Как человек, который время от времени имеет проблемы с английским, я оценил блеск ее актерского мастерства.

Просмотр фильма дал мне еще больше информации о Дереке. Фильм закончился тем, что главный герой признал, что он сделал ошибку — приняв судьбоносное решение, которое заставило его жизнь пойти по определенному направлению, и пути назад не было. Он будет страдать от последствий этой ошибки всегда. Но была и положительная сторона

— его игра на гитаре становилась ярче, эмоциональнее, с каждым разом все лучше и лучше, чем у соперника.

Я задавался вопросом, может этим самым Дерек хотел что-то сказать — идея остановиться на развилке дорог и сделать выбор, и даже если ты выберешь путь, который заставит тебя страдать, ты все равно сможешь найти в нем красоту и благородство.

Не позволяй своему рассудку покинуть тебя. Может, ему просто нравится фильм.

Я все еще размышлял над этим, когда шли титры. Дерек выключил телевизор и стереосистему, но не двигался.

А потом прошептал.

— Не уходи.

Молчание. Потом я заговорил.

— Что? — хотя я все прекрасно слышал.

— Не уходи. Завтра. Не уходи, — его голос был тихим с нотками отчаяния.

— Почему?

— Потому что я не хочу этого.

Не то, чтобы его слова не делали меня счастливым, но моя интуиция говорила, что что-то было немного не так.

— Ты не хочешь, чтобы я уходил?

— Нет, — он обнял меня. — Мне так хорошо, когда ты здесь.

— Означает ли это, что ты готов...

— Это значит, что мне нравится то, что ты здесь. Это значит, что мне было очень хорошо с тобой в эти выходные. Я хочу сохранить это.

Я так хотел, чтобы это означало, что он принял решение. Но я не был уверен. Я сел ближе и посмотрел ему в глаза, желая хоть что-то увидеть в темноте.

— Так ты хочешь... чтобы мы были вместе?

— Как и раньше. Да.

Как и раньше. Тайно.

— И ты все также хочешь прятаться?

— Да, — он сказал это, как будто это было обычным делом. — И, если ты съедешь, мы никогда больше не увидимся.

— Так ты хочешь, чтобы я жил здесь, чтобы мы могли видеть друг друга наедине и только посреди ночи?

— Тебе не нравится проводить со мной ночи?

— Дерек, дело не в этом, — бл*дь, спорить на моем втором языке было тяжело. — Это... это похоже на шаг назад. В эти выходные было так классно, быть полностью открытыми.

— Мы можем делать это иногда. Ездить в путешествие, — он тоже сел, и я видел, как напряжено его тело, как он ерзal. — Но это должно быть там, где люди не будут знать нас.

Я покачал головой.

— И как долго, по-твоему, мы могли бы так продолжать? Я живу здесь, мы путешествуем... в течение короткого промежутка времени станет очевидным, что между нами что-то происходит. Эллен не глупая.

Дерек изо всех сил пытался ответить, и до меня вдруг дошло.

— Ты не планируешь, что это продлится долго.

— Я этого не говорил.

Я отодвинулся назад, нуждаясь в небольшом расстоянии.

— Ты по-прежнему настроен на жену и детей. Я просто для развлечения?

Он не отвечал достаточно долго, и я встал.

— Нет, Дерек. Я не хочу этого. Ты можешь подумать, что я просто ребенок, или бедный иммигрант, или прожигатель жизни, но это не так. Я не хочу быть твоей временной игрушкой, пока ты ищешь женщину.

— А чего ты хочешь? — он тоже встал. — Чертово кольцо?

— Нет! — я сделал глубокий вдох. Злиться на него не было смысла. — Посмотри. Я не искал отношений, когда приехал сюда. Это было самое последнее, о чем я думал. Я был готов работать как вол, столько часов в день, сколько потребуется, чтобы чего-то добиться в этой стране. И именно к этому я и стремлюсь. Я не хочу возвращаться назад.

— Я не прошу тебя, — огрызнулся он.

— Но это так, — я пытался объяснить, чтобы он понял меня. — Я переехал сюда ради себя. Потому что у меня была *моя* мечта. А потом я встретил тебя, и эта мечта изменилась.

Он двинулся ко мне, но остановился, сжимая по бокам руки.

— Как?

— Теперь я думаю о тебе, о нас, как о части моей мечты. Я приехал сюда, чтобы построить новую жизнь, и сейчас я хочу, чтобы ты стал ее частью. Не в тайне, как будто мы стыдимся друг друга. Открыто, не скрываясь.

Он вздрогнул.

— Я не могу.

— Тогда я тоже не могу. Я не хочу жить двумя жизнями, Дерек. Публичной и частной, и ни одной из них на сто процентов полной для *меня*. Я не хочу прятаться, — я понизил голос. — Я уже жил таким образом. Это не очень приятно.

Он молчал.

— Если ты хочешь быть кем-то *другим* до конца своей жизни, вперед. Я — нет.

— Ты не можешь понять, как мне тяжело, — сказал он сквозь сжатые зубы. — Дело не в тебе.

— Это то, что ты на самом деле думаешь? — я приблизился на шаг ближе. Я хотел, чтобы он увидел мое лицо. — Я всегда чувствовал, что недостаточно хорош для тебя. И у меня такое чувство, что ты соглашаешься со мной. Мне очень больно.

— Это совсем не так! — его крик вырвался наружу. — Ты для меня всё. И то, что ты заставляешь меня чувствовать — никто и никогда... никогда не вызывал во мне таких чувств раньше. Я никогда никого не хотел так, как хочу тебя.

— Но ты готов отказаться от этого?

— Нет! Вот почему я прошу тебя остаться, — он схватил меня за голову и впился поцелуем, и соблазн сказать: *к черту, я останусь ради этого чувства*, почти ошеломил меня. Дерек немного отступил назад. — Пожалуйста, не уходи. Ты единственный, кто меня понимает.

Я колебался, чувствуя, будто меня разрывают надвое.

— Тогда это должно стоить чего-то большего, — осторожно, я опустил его руки и вышел из комнаты.

Он не задерживал меня.

Наверху, я лег в постель, не испытывая желания спать здесь. Было тяжело осознавать, что Дерек был прямо через коридор и страдал, особенно когда я знал, что могу убрать эту боль. Но это будет только поверхностное облегчение. В глубине души он никогда не смирится с собой, если будет жить так, как хочет, как чувствует. Если бы я сдался, если бы остался, он бы только откладывал это. Он никогда не позволил бы мне

любить его так, как я хотел. Он никогда бы не впустил меня в свою жизнь, даже если бы тоже любил.

И тогда он бы меня просто бросил.

Нет. Было бы глупо оставаться. Мне придется уйти, ради нас обоих. Моеей единственной надеждой было то, что он проанализирует то, что между нами было, и изменит свое мнение. Если он не сделает это, мне придется смириться с потерей и двигаться дальше.

Но, по крайней мере, я дал нам реальный шанс.

* * *

После бессонной ночи я подождал, пока Дерек уйдет на работу, а затем собрал свои немногочисленные вещи и заказал такси. Я оставил одежду, которую он одолжил мне, сложенную на кровати в комнате, его старый ноутбук на кухонном столе, положил на стойку ключ от дома, который он дал мне, и рядом записку.

Спасибо за все. Я всегда буду благодарен тебе.

Максим.

Моя голова была мутной от бессонной ночи, но я не хотел делать кофе на его кухне. Я где-нибудь позавтракаю, в конце концов. Прямо сейчас, я просто хочу уйти. Но воспоминания накрыли меня.

Именно там он поцеловал меня в первый раз.

Вот здесь я опустился на колени.

Вот дверь, в которую он постучался посреди ночи.

Прямо там, мы спорили и упали на ковер.

Именно там он впервые попробовал меня.

Именно там он сказал: «я хочу трахнуть тебя».

Здесь он попросил меня переночевать в его постели.

Тут он оставил мне записку, в которой говорилось: *ты милый, когда спишь*.

И прямо там... прямо там, стоял он вчера, когда я ушел.

Я вышел, чтобы подождать на крыльце, слишком встревоженный и расстроенный, чтобы оставаться внутри, и прикрыл за собой дверь. Она заблокировалась с бессердечным щелчком — это был конец.

Глава 33

Дерек

Я совсем не спал.

Всю ночь я лежал там, тело все еще болело, в мозгах был полный беспорядок от гнева, боли и разочарования, мое сердце разрывалось на кусочки.

Он сказал «нет». Он уйдет. Он не захотел остаться.

Как он мог так поступить со мной? Как он мог заставить меня так влюбиться в него, перевернуть всю мою жизнь с ног на голову, заставить меня сомневаться во всем, во что я верил, чего хотел и над чем работал, а затем уйти?

Он вел себя как ребенок, хочет все или ничего. Все не так просто. Он этого не понимал. Он не знал, как тяжело мне было просить его не уходить. Он не знал, чего мне

это стоило. Я должен признаться себе, что во мне недостаточно силы, чтобы вынести наказание, которое я навлек на себя, что я был слабым, безвольным, беспомощным, что я хотел того, чтобы он заставил меня чувствовать больше, чем я хотел быть натуралом.

Часть меня знала, что я эгоистичный мудак. То, что я попросил его оставаться, было бы краткосрочным решением долгосрочной проблемы, пластырем на открытой ране. Это временно бы позволило мне чувствовать себя счастливым, но как насчет будущего? Что, если я никогда не смогу вычеркнуть его из своей жизни? Что, если наши отношения станут еще сильнее и глубже? Или, если я встречу нормальную женщину, ту, которая сможет заставить меня влюбиться в нее, ту, которая могла бы сделать для меня то, что не сможет Максим? Это все еще было возможным, не так ли? Так что я рад, что Максим уйдет. Он избавит меня от неприятностей, связанных с разрывом отношений.

Потому причины, по которым мы не могли быть вместе, все еще существовали. Я не хотел быть геем. Я не был геем. Он был единственным моим мужчиной. Все это было таким препятствием на пути к нормальному будущему. Проверка на прочность. Я всегда был хорош в тестах, и не было таких причин, по которым я не смогу пройти через это. Это было моим удовольствием, моим увлечением, моим путешествием, и теперь этому пришел конец. Переполненный гневом, я со злостью ударил подушку и уткнулся в нее. Мне хотелось выть и кричать, разорвать себя на куски. Мне хотелось напиться до полного ступора, чтобы не чувствовать этой безнадежности, этой потери, этого страха, что я никогда не буду счастлив, что бы я ни делал.

Это был чертов ад. Но я заслужил это.

* * *

Я вытащил свою задницу из кровати около пяти утра, пропустил тренажерный зал и собирался на работу. У меня были воспаленные, красные глаза, я был измотан и все еще чувствовал дискомфорт в теле. Но мои воспоминания о той ночи того стоили — я не жалел.

Мой гнев прошлой ночью несколько поутих, но отчаяние осталось. Я решил полностью погрузиться в работу и попытаться не думать о том, что Максим уже сегодня покинет мой дом. Постараться забыть все, что он сказал вчера вечером. Постараться не видеть его точку зрения. Но это было невозможно.

Ты все еще хочешь иметь жену и детей?

Я не хочу быть твоей временной игрушкой.

Я не хочу жить двумя жизнями.

Я не собираюсь отступать.

Я всегда чувствовал, что недостаточно хороши для тебя. И у меня такое чувство, что ты соглашаешься со мной. Мне очень больно.

Зайдя в кабинет и закрыв за собой дверь, я опустился в кресло за столом и сидел, сгорбившись, закрыв глаза. *Бл*дь.* Я причинил ему боль. Все было совсем не так, что он говорил мне, но я понимал, что именно так это и выглядело. Конечно, он был достаточно хорош — более чем достаточно хорош. Слишком хорош. Он заслуживал того, кто сможет принять его, кто разделит с ним свою жизнь, кто будет любить его так, как он мечтает. Открыто, всецело, безоговорочно.

Меня убивали мысли о том, что он может быть с кем-то другим, представлять его с кем-то другим. Эти руки на чужом теле. Его смех в чужих ушах. Его бесконечное восхищение жизнью будет освещать чей-то день.

Я продолжал гипнотизировать свой телефон, надеясь, что он напишет мне что-нибудь, что угодно. Расскажет о новом жилье. Попросит о помощи. Даже если бы он попросил куда-нибудь его отвезти, я бы подорвался и поехал, чтобы забрать его.

Но он не просил о помощи.

Чего ты ждал? Ты оскорбил его. Так будет лучше.

Тем не менее, когда я вернулся домой той ночью и увидел его записку, моя грудь болезненно сжалась. Я бродил по его комнате. В ней пахло Максимом. Он поменял постельное белье, иначе я, наверное, залез бы на кровать и завернулся в простыни, на которых он спал прошлой ночью. Я уже так соскучился по нему. Его одежда исчезла из шкафа и комода — я проверил все ящики — его телефона не было на тумбочке. Я сел на кровать и открыл ящик.

Мое сердце дернулось. Он оставил свой блокнот.

Не трогай его.

Но я сделал это. Конечно, сделал. Это была единственная его часть, к которой у меня был сейчас доступ, единственная вещь, которая могла бы облегчить мое одиночество.

Я открыл случайную страницу, обрадовавшись тому, что она была на английском, а затем начал листать, как будто беглое перелистывание страниц сделает незначительным мое вторжение в его частную жизнь. Фразы бросились мне в глаза.

Так неожиданно... что между нами... он отрицает все... правду о нем не знает никто... я никогда никого не хотел так, как его... люблю его руки, обнимающие меня, когда мы спим... не могу перестать думать о нем... жаль, что я не могу быть тем, кого он хочет... это так здорово... поворотный для нас момент... я знаю, чего хочу... быть в его жизни... никогда не представлял себя с детьми, но... я влюблен в него...

Он влюблен в меня?

Мои глаза еще раз просмотрели каждое слово на последней странице, прежде чем я смог остановиться, мои внутренности перевернулись. Должно быть, он написал их прошлой ночью.

Он попросил меня не уезжать завтра, но не потому, что хочет быть со мной по-настоящему. Я надеялся, что после этих выходных он поймет, что я стою того, чтобы рискнуть, стою того, чтобы открыться, но он этого не сделал. Он все еще хочет скрываться. Было бы так легко сдаться, остаться и быть с ним на любых условиях. Но я не могу. Я хочу большего. Я хочу поделиться с ним своей жизнью. Я хочу, чтобы он гордился мной. Я хочу сделать его счастливым, и я думаю, что смогу, если бы он только позволил мне. Но не втайне.

Мне надоело прятаться. Я влюблен в него, и уходить сегодня было одним из самых трудных решений, которые я когда-либо принимал, но я сделал это для него, а также для себя. Он никогда не будет счастлив, если не будет смотреть правде в глаза.

Я захлопнул блокнот и отбросил его на кровать, как будто он укусил меня. Я не должен был читать его. Теперь у меня в голове были его слова. «*Я влюблен в него*». Он? Он влюблен? Но почему он никогда не говорил об этом?

По той же самой причине, что и ты, засранец. Он просто напуган.

С глухим стоном я плюхнулся на кровать и закрыл рукой глаза. Я был эгоистичным мудаком. Я хотел услышать, как он это скажет. Мне нужно было услышать это от него. Я

был болен, и это было моим единственным спасением. Если бы я только слышал, как он признается, что чувствует то же, что и я, тогда бы я был не один.

Я достал из кармана телефон.

Прекрати, эгоистичный ублюдок.

Но нет. Я написал ему.

Я уже скучаю по тебе. Позвонишь мне?

Прошло пять минут. Больше десяти. Больше двадцати.

Я нахмурился. Но он ведь на работе, верно? Может, он еще не видел моего сообщения?

Я спустился вниз и съел остатки ужина, не чувствуя вкуса. Я развязал галстук и налил немного виски.

Прошел час. Потом еще.

Он видел его! Он игнорировал меня? Как он мог! Если бы он любил меня, он, хотя бы, ответил на мое сообщение.

Может, у него не было телефона? Это, скорее всего, именно так. У него не было телефона, и он был так же расстроен, как и я, думая, что мне плевать на него. Мне придется это исправить.

Я поставил на стойку ополовиненный стакан с виски, помчался наверх, чтобы захватить блокнот, и запрыгнул в машину.

Я припарковался в гараже в конце улицы и бросился вниз по тротуару к бару, а затем ворвался в дверь, как злой ковбой в старом вестерне. Должно быть, я выглядел нелепо, но мне было все равно.

Эллен сразу увидела меня и подошла, ее лицо было встревожено.

— Эй. Ты в порядке?

— Где Максим? Мне нужно с ним встретиться.

— Я думаю, что он в подвале, выбирает спиртное. Ты знаешь, где это находится?

— Я обязательно найду, — я ушел, оставив ее удивленно моргать мне вслед и, вероятно, в полном недоумении, но я не останавливался. Я прошел через кухню. Спустился по лестнице. Завернул за угол.

Он был один среди полок, вглядываясь в тусклом свете в список.

Я упорно шел на него, прижимая его к кирпичной стене, потянувшись к его рту своими губами, желая высказать все то, что хотел сказать, но боялся прервать поцелуй, вдруг он будет последним, который я когда-либо смогу получить?

Наконец он оттолкнул меня.

— Дерек, какого черта? Ты не должен этого делать.

— Должен. Я люблю тебя.

— Что?

— Я люблю тебя. И ты любишь меня, — я поднял блокнот.

Его глаза расширились.

— Ты читал мой блокнот?

*Бл*дь.*

— Только последнюю страницу, — сказал я, извиняясь. — Мне очень жаль, окей? Я знаю, что это было неправильно, мне правда жаль, но я должен был знать, что ты чувствуешь.

Он выхватил у меня блокнот.

— Ты знал, что я чувствую. Я говорил тебе прошлой ночью.

— Ты не говорил мне, что любишь меня, — мое сердце так сильно колотилось. —

Не так ли?

— Да какая разница?

— Да, — крикнул я, хотя совсем не то имел в виду.

— О, серьезно? Какая разница? Готов ли ты принять нашу любовь по-настоящему? Или ты хочешь продолжать это скрывать?

— Я... Я защищаю её! Если мы выложим ее на всеобщее обозрение, она будет разрушена, Максим. Сейчас это что-то красивое, необычное и особенное. Она принадлежит нам. Если другие люди узнают, они, бл*дь, очернят это. Они изуродуют ее. Они скажут, что это грязно и неправильно. Если мы сохраним ее для себя, она останется в безопасности.

Он покачал головой.

— Нет, это не так. Это ты делаешь ее уродливой, Дерек. Не кто-то другой. И я не собираюсь в этом участвовать.

— Но...

— Ты должен уйти сейчас же. Ты сказал все, что хотел сказать.

Разбитый и беспомощный, я провел рукой по своим волосам, чувствуя, что мои глаза становятся влажными.

— Я не знаю, что, бл*дь, делать. Меня разрывает на части изнутри. Я не хочу жить без тебя, но я не могу заставить себя передумать.

— Тогда прощай, — его голос дрожал. — Я ничего не хочу, кроме как быть с тобой, заботиться о тебе и позволить тебе заботиться обо мне. Я даже начал представлять будущее для нас — *семью*. Для меня сама мысль об этом безумна. Но ты отказываешься от шанса на свою мечту, потому что она не выглядит так, как ты себе ее представляешь. Но я ничего другого не могу сделать с этим.

Он был прав. Он был намного умнее, проницательнее и сильнее, и я отдавал ему должное за это.

— Иди, — твердо сказал он. — Мне надо работать.

Но я не мог уйти.

— Сначала скажи мне. Я хочу услышать эти слова, — в этот момент я ненавидел себя так, как никогда в своей жизни. Но мне нужно было услышать, что он любит меня.

— Я люблю тебя, — глядя мне в глаза, сказал он спокойным голосом. — А теперь иди и наказывай себя за это.

С рыданием, рвущимся из моего горла, я отвернулся и поднялся по лестнице, прошел через кухню, зал бара и вышел за дверь.

Он слишком хорошо меня знал. Он видел меня.

Это была такая боль, как болит обгоревшая на солнце пустыни кожа, сожженная и покрывшаяся пузырями.

Я потерял сон.

Глава 34

Максим

Шли дни.

Я обосновался в своей квартире. Очень много работал. Купил старый ноутбук, который нашел на Craigslist (*прим. сайт электронных объявлений, продаж и др.*). Изучил иммиграционное законодательство. Записался в онлайн-класс английского языка, который смог себе позволить. В наследство от «Слепой свиньи» мне достался велосипед, который

нуждался в ремонте, и я отремонтировал его, и теперь мне не приходилось тратиться на дорогу на автобусе.

И я скучал по Дереку каждую чертову минуту.

Я пытался улыбаться на работе, но это было очень тяжело. Наконец, через неделю после того, как Дерек оставил меня в подвале, ближе к концу смены ко мне подошла Эллен.

— Давай, мой друг. Мы поедем пораньше и где-нибудь посидим, выпьем. Я уже сыта этой гребаной тишиной.

У меня не было права спорить. И мне нужен был друг.

Мы прошли по улице к другому бару и скользнули на стулья рядом друг с другом. Она заказала бокал вина, я попросил пива, и пока мы ждали его, она поставила локоть на барную стойку и подперла рукой подбородок.

— Вываливай.

— Вываливать?

Она кивнула.

— Вываливать. Это значит говорить. Расскажи мне, что тебя беспокоит.

Я покачал головой.

— Я не могу. Это означало бы обмануть доверие.

— Хорошо, тогда я отгадаю, — она положила руки на колени и села выше. — Это касается тебя и моего брата. У вас есть чувства друг к другу. Он упрямится и не признает этого, поэтому тебе пришлось уйти.

Мои глаза широко раскрылись.

— Это немного жутковато, даже для меня.

Она коротко улыбнулась.

— Со мной все в порядке, — затем Эллен снова стала серьезной. — Но ситуация с Дереком не простая. Скажи мне, что чувствуешь по этому поводу.

Я боролся с решением. Если я буду честен с ней, это означает раскрыть Дерека, а это было не мое дело.

— Если ты переживаешь о том, как сказать мне, что Дерек гей, или, по крайней мере, тебя это беспокоит, ты можешь забыть об этом. Он сам сделал это чертовски явным.

— Он сделал?

Она закатила глаза.

— Да! Знаешь, у меня все равно были подозрения, а потом той ночью за ужином в его доме, в комнате была... такая атмосфера. Я видела это между вами. И он порвал с Кэролин. Потом он все время приходил сюда, и, черт возьми, явно не встретиться со своей сестрой, — она засмеялась, покачав головой. — То, как его лицо начало светиться, когда он увидел тебя, сделало это довольно очевидным. Его аура полностью изменилась. Затем были романтические выходные в Лагуна Бич. Я не уверена, относительно того, о чем он думал, когда говорил мне «я абсолютный натурал и здесь нет ничего, что ты бы могла увидеть», если у меня и были еще какие-то сомнения, это в значительной степени подтвердило их.

Все, что я мог сделать, это плятиться на нее.

— Максим, я думаю, что это замечательно, — она улыбнулась, положив свою руку на мою. — Серьезно.

Нам принесли наши напитки, и я долго тянул свое пиво.

— Он этого не хочет.

— Что случилось? Могу я спросить?

Я отчаянно нуждался в сочувствии, но в тоже время должен был быть осторожным.

— После выходных, я был готов быть с ним в открытую. Но он — нет.

— Дай ему время, Максим. Он такой упрямый, всегда был таким. И это важное решение для него. Я рассказывала тебе, как мы росли — он постоянно сражается со всеми этими демонами.

Я кивнул.

— Конечно. Я понимаю. Но я не уверен, что он действительно хочет выиграть этот бой. Он надеется, что это пройдет.

Она вздохнула и сделала глоток вина.

— Этого не случится.

Не отвечая, я снова поднес бутылку к губам.

— Так что теперь? Ты вообще говорил с ним с тех пор, как переехал в свою квартиру? Что насчет той ночи, когда он ворвался сюда, чтобы поговорить с тобой?

— Это был тот день, когда я уехал от него. Он... не хотел, чтобы я уходил.

— Но в тоже время он не хотел, чтобы ты остался?

— Нет, все совсем не так. Он хотел, чтобы я остался, был с ним, но тайно. Я не мог позволить так поступать с собой, — все остальное, о чем мы говорили с Дереком, я оставил при себе. Некоторые моменты были слишком личными и болезненными, чтобы ими делиться.

— Нет, ты все правильно сделал, и тебе не следовало поступать иначе. Боже, он иногда сводит меня с ума. Он беспокоится о наших родителях?

Я кивнул.

— Среди прочего, да.

— Надеюсь, он не беспокоится обо мне, — она коснулась своей груди. — Я думаю, что это классно. И наш брат, Давид, тоже не будет против. Мы никогда не покупались на все это греховное дермо.

— Я думаю, что Дерек именно это и делает, — сказал я тихо.

Она кивнула и выпила еще вина.

— В некотором смысле, да. Но в большей степени, я считаю, что дело в том, что он всю свою жизнь пытался угодить родителям. Он делал именно то, что от него ожидали.

— Возможно.

— Я имею в виду, что в этом мире много чего не так. Ужасные, злые люди. Жестокость и несправедливость. Ради Бога, это любовь. Какая-то часть Дерека должна это понимать.

— Хотел бы я, чтобы он это понимал.

— Наш отец жесток с ним, и даже по сей день, но в тоже время я думаю, что он оценил бы, что вырастил человека, достаточно сильного, чтобы постоять за себя и за то, чего он хочет в этой жизни.

Я пожал плечами. Я никогда не встречался с их отцом и, наверное, никогда и не встречусь, что я могу о нем знать?

Она снова накрыла мою руку своей.

— Мне очень жаль, Максим. Хотела бы я знать, как сделать лучше и изменить его.

— Все в порядке. Никто из нас ничего не может сделать. Это выбор Дерека.

— Я надеюсь, что он примет правильное решение, — сказала она.

— Не знаю. Я думаю, его убеждения слишком глубоко укоренились. И пожалуйста, не говори ему ничего, — в тот же момент я вспомнил, что Дерек говорил о ее неспособности хранить секреты.

— Не буду, — заверила она меня. — Даже если он придет ко мне, я не скажу ему, что мы разговаривали с тобой. Твои секреты в безопасности.

— Спасибо тебе. И спасибо, что выслушала.

— Тебе спасибо, что доверяешь мне, — она положила голову мне на плечо. — Я буду молиться за вас. Богам, богиням, вселенной и всем, кто может меня услышать.

Я тихо рассмеялся, но глубоко в сердце я понимал, что это безнадежно. Чем дольше

мы не разговаривали, тем больше я убеждался, что Дерек сможет двигаться дальше.

— Ты его не видела? — спросил я, стараясь, чтобы это не прозвучало слишком эмоционально.

— Нет, не видела, — она подняла голову и посмотрела на меня. — Я думаю, что он скрывается от всех дома, страдает в одиночестве. Он даже не звонил мне.

Мне стало только хуже.

Глава 35

Дерек

Я не мог спать, есть. Практически через день пропускал спортзал. У меня не было сил, и все вокруг подавляло меня.

В доме было слишком тихо. Моя кровать была слишком пустой. Жизнь очень одинокой.

О чём он думает? Как у него дела? Он много работает? Ему нравится его новая квартира? Скучет по мне ночью так, как я скучаю по нему?

После десяти таких пыток, я обнаружил, что разговариваю с незнакомцами в продуктовом магазине, только чтобы почувствовать человеческую связь. Конечно, я мог позвонить Гейджу или Эллен, но я не доверял себе, что не расскажу правду и не растворюсь в жалкой луже стыда и унижения за то, что я сделал.

Наконец, я сломался и вечером пятницы по дороге домой с работы пошел в «Слепую свинью». Я не видел Максима почти две недели, мои руки дрожали, когда я открывал дверь. Неужели прошел всего месяц с тех пор, как я приехал сюда забрать его? С тех пор многое изменилось. Я стал совсем другим человеком.

Так почему ты так себя ведешь?

Я прочистил горло и подошел к бару, стараясь выглядеть круто и непринужденно. Я не оглядывался вокруг, пока не заказал пива и не посчитал до двадцати. Затем я позволил себе оглянуться вокруг, как будто хотел увидеть здесь что-то новое.

Максим стоял за мной и вытирая высокий стол, и я не был уверен, видел ли он меня. Отвернувшись, я снова сосредоточился на своем пиве. Мое сердце гремело в груди, я задыхался.

— Привет, незнакомец, — Эллен появилась за стойкой и улыбнулся мне. — Не видела тебя целую вечность. Был занят?

— Да, — я провел рукой по своим волосам. — Работа. Много работы.

— Папа командует тобой?

— Что-то вроде того, — я поднес бутылку пива ко рту, присасываясь к ней.

— Что ж, я рада тебя видеть. Принести тебе что-нибудь поесть?

Я ни в малейшей степени не был голоден, но это давало бы мне повод сидеть там.

— Конечно. Принеси мне что-нибудь.

Она вздохнула.

— Один момент. Сейчас все принесу.

Как только она исчезла за дверью кухни, я снова посмотрел на Максима, но не увидел его. Просматривая зал снова, я заметил его в дальнем углу, загружающего поднос пустыми стаканами. Когда он принес их за барную стойку, то заметил меня.

Я улыбнулся, прежде чем смог сдержать себя. Мое горло было сухим. В груди все сжималось. Он подстригся и выглядел фантастически. И эти глаза — как я мог забыть, какие они голубые? Его руки, бл*дь, я скучал по его рукам. Я скучал по нему.

Напротив, увидев меня, он не выглядел счастливым. Он с каменным выражением лица протер стаканы, а потом подошел ко мне.

— Дерек.

— Максим, — я протянул руку через барную стойку, и он пожал ее. — Рад тебя видеть.

Вскоре он кивнул.

— Я тоже.

— Есть минутка поговорить где-нибудь? — бл*дь. *Что я творю?*

— Не совсем.

— О. Ну, как дела?

— Нормально.

— Нравится на новом месте?

— Да.

— И работа все еще устраивает?

— Да.

Все шло не так гладко. *Если бы я мог остаться с ним наедине*

— Во сколько ты сегодня вечером заканчиваешь? Я подумал, может мы могли бы поболтать немного. Хочешь, поедем ко мне домой? — меня даже не волновало, что меня мог кто-то услышать.

— Сожалею. Но я не могу.

Я нахмурился. Мне потребовалось много времени и сил, чтобы прийти сюда сегодня и попросить его поехать ко мне, несмотря на то, что меня могли услышать любое количество людей вокруг меня. Мы долго и напряженно смотрели друг на друга, прежде чем он заговорил.

— Я должен вернуться к работе.

— Окей. Рад был увидеть тебя, — я схватил бутылку пива так сильно, что удивился, что она не треснула.

Когда чуть позже Эллен принесла мне еду, я спросил, как Максим выглядел последние пару недель.

— Хорошо, просто отлично, — беззаботно сказала она, прежде чем уйти.

Это меня разозлило. Как он может быть в порядке? Краем глаза я заметил, как он улыбается кому-то в конце барной стойки. Высунувшись со своего места, чтобы рассмотреть, кто это был, я почувствовал, как огонь пробегает по моим венам, когда увидел, что это был другой парень. Высокий, с темными волосами, бородатый, стройный, но мускулистый. Очевидно, Максиму такие нравились, судя по тому, как он пожимал руку и смеялся над тем, что тот говорил.

Я закипал, из ноздрей, казалось, пошел пар. Одно дело смотреть, как женщины флиртуют с ним, но совсем другое дело, когда это делает мужчина. Я хотел сломать руку тому парню за то, что он прикасался к Максиму.

Усилием воли я переключил внимание на свою тарелку и продолжил есть, но не мог даже сказать, что это было.

Я никогда не чувствовал себя таким несчастным. Неужели я все испортил? Что, если я совершил ошибку?

Мне нужно было с кем-то поговорить, но с кем?

* * *

На следующий день, после субботней изнурительной тренировки в тренажерном зале я пришел домой, принял душ и вышел где-нибудь позавтракать. Я возненавидел есть в одиночестве на своей кухне. Сидя один за столиком на двоих, я заказал яйца с беконом и картошку, стараясь не загоняться по поводу пустого стула напротив меня. Две женщины по пути к двери прошли мимо моего столика, и одна из них остановилась.

— Привет, Дерек.

Я посмотрел вверх и увидел Кэролин.

— О, привет.

— Ты здесь?

— Да, — я, должно быть, выглядел слишком расстроенным, потому что ее лоб сморщился от беспокойства.

— Хочешь, составлю тебе компанию?

Я пожал плечами.

— Конечно.

— Дай мне одну секунду. Мы уже собирались уходить, так что позволь мне попрощаться с моей подругой, — она похлопала меня по руке. — Я сейчас вернусь.

Через мгновение она вернулась и заказала чашечку кофе.

— Так что рассказываешь, что с тобой. Что происходит?

Мгновение я изучал ее. Без макияжа, с волосами, убранными в хвост, она выглядела красивой, расслабленной и счастливой. Я ей завидовал.

— Давай сначала о тебе поговорим. Что нового?

Она болтала о своей тренировке по марафонскому бегу, своей племяннице, работе, а затем покраснела, девичья улыбка осветила ее лицо.

— И я кое-кого встретила.

— Ты? — мне принесли еду, и я с вилкой замер на полпути к тарелке. — Это замечательно.

— Он классный, — прошептала она. — Он тоже марафонец, мы встретились в обувном магазине. Он только что переехал из Сан-Франциско. Мы вместе хорошо проводим время.

— Ого, — я ткнул вилку в картошку. — Я очень рад это слышать.

— Спасибо. У меня хорошее предчувствие насчет него. Но достаточно обо мне, — она махнула рукой в воздухе. — Что насчет тебя? Как работа? Как жизнь? Ты выглядишь немного подавленно.

Я приподнял плечи, боясь открыть рот.

— Дерек, что? — она сделала глоток кофе, затем опустила кружку и коснулась моей руки. — Слушай, я знаю, что у нас все пошло не так, но я хотела бы быть тебе другом. И я действительно хороший слушатель. Если ты...

— Ты была права, — проговорил я. — Обо мне. И Максиме. Ты была права.

Ее рот распахнулся.

— Правда?

— Да.

Она отмерла и, в конце концов, кивнула.

— Окей. Ну... Это кое-что объясняет.

Я закрыл глаза и выдохнул, затем почувствовал ее руку на своем запястье.

— Эй, я не имею в виду, что в плохом смысле. Для меня это большое облегчение. Я никак не могла понять, что я делаю неправильно.

— Ты ничего плохого не сделала.

— Мозгами я это понимала, — она застенчиво улыбнулась. — Но женщины беспокоятся о таких вещах. Я очень рада слышать, что дело не во мне, что я что-то не так сделала, или наоборот, не сделала.

— Это не так, — заверил я ее.

— Так в чем же проблема? — она снова взяла свой кофе. — Он не отвечает тебе взаимностью?

— Нет. Он тоже..., — сказал я хмуро.

Она моргнула.

— Итак... вы должны быть вместе. Хотя бы попробовать.

— Это не так просто, — раздраженно сказал я. — Я не могу вот так внезапно стать геем. Что подумают люди?

— Пофиг на людей! — вспышка, исходящая от нее, меня удивила. — Если они не рады за тебя, тогда к черту их! Может быть, они не понимают, как трудно встретить кого-то, кто тебе нравится и кто отвечает тебе взаимностью.

Гоняя еду по тарелке, я думал об этом.

— Люди будут говорить обо мне.

— Пусть говорят. Ты сам знаешь, какой ты.

— Они будут говорить гадости. Они превратят то, что мы с ним чувствуем, во что-то мерзкое.

— Кому. Какая. Разница, — она грубо поставила свою чашку. — Я серьезно, Дерек. Ты не можешь прожить всю свою жизнь, пытаясь угодить другим людям. Ты сойдешь с ума. Ты никогда не будешь счастлив. И ты знаешь, что то, что в твоем сердце, — это не мерзко.

— Но это... это то, как меня воспитали. Считать это неправильным. Думать об этом как о дефекте. Я считаю себя в некотором роде *таким*. Это заставляло меня постоянно работать над собой, чтобы быть нормальным, правильным.

Кэролин наклонилась вперед, сложив руки на столе.

— Так чего же ты хочешь? Быть *правильным* каким-то бессмысленным, устаревшим, несправедливым и бесчеловечным образом? Или быть *счастливым*?

— Но я хочу семью, — сказал я. — Хочу быть отцом.

— Так имей семью. Будь отцом.

Она рассуждала как Гейдж, как будто это было так просто.

— Я не знаю, смогу ли я иметь своих детей. Воспитывать их в этом...

— Любящем доме? Послушай, даже если не с Максимом, нет причин, по которым ты не можешь иметь детей. Ты был бы отличным отцом, Дерек, — она протянула руку и снова коснулась моей руки. — Ты будешь замечательным отцом. Ты сможешь сделать это сам. Можешь быть опекуном. Ты добрый, отзывчивый и сильный.

— Нет, я не такой, — я покачал головой. — Я слабый. А Максим сильный. Он сказал, что любит меня, но ему придется уйти, если я не расскажу о нас.

Она прикусила губу.

— Ты любишь его?

Я кивнул, горло скжалось.

— Тогда ты знаешь, что делать. Доверься мне, Дерек. Пойми, такое происходит не каждый день. Когда ты чувствуешь это к кому-то, ты хватаяешься за него. И ты не можешь его отпустить.

Тяжело глотая, я засунул кусочек картошки себе в рот. Я хотел сделать то, что она сказала. Но я еще не был готов к этому.

Прошла еще одна неделя, во время которой я размышлял о том, что сказала Кэролин. О том, что говорил Максим. О том, что чувствовал в своем сердце. О том, что я хотел в будущем. Я думал, мне станет лучше, время уходило, но я так и не был готов. Все, что я чувствовал, это грусть и смущение, сожаление и одиночество — мне так одиноко.

Я не мог продолжать в том же духе. Я либо должен стать мужчиной и смириться с этим, либо стать мужчиной и признать это.

Около пяти вечера я получил сообщение от Гейджа.

Эй, просто хочу напомнить о вечеринке по поводу шестилетия Уилла в воскресенье в 15:00.

Я отправил ему сообщение.

Буду обязательно. Ты свободен для пива сегодня вечером?

Он ответил через десять минут.

Кандалы и цепи освободят меня на два часа между семью и девятью. Тебя устроит?

Я ответил, что меня все устраивает, и мы запланировали встречу. У меня сводило внутренности, мозг говорил, что это безумие, но на этот раз, я чувствовал, что, возможно уже сегодня вечером, когда я буду засыпать, мне будет легче дышать.

Я принял решение.

Глава 36

Дерек

— Гейдж, я должен тебе кое-что сказать, — я не был настроен откладывать разговор. Я итак ждал, пока мы выпьем пива, и этого было достаточно.

— Окей, — Гейдж с улыбкой посмотрел на меня.

— Я в кое-кого влюблен.

Его челюсть упала.

— Серьезно? Это замечательно, чувак. Кто она такая?

Я покачал головой, закрыл глаза и приготовился. Когда я открыл их снова, я сказал правду.

— Это не она, это он. Это Максим.

Я думал, меня стошнит. Я думал, что это будет самое трудное, что я когда-либо делал. Но это не так. На самом деле, правда довольно легко скатилась с моего языка.

Гейдж, глядя на меня, прищурился, как будто услышал что-то не то.

— Что?

— Это Максим, — сказал я, чувствуя, как во мне растет уверенность. Черт, это было здорово. Как я мог так ошибаться, насколько хорошо это чувствовать? — Я люблю Максима.

— Черт возьми! — он закрыл глаза и сжал губы. — Ты знаешь, что это значит? Я проиграл пари.

— Пари?

— Да, — Гейдж долго пил свое пиво. — Лэни спорила со мной после того вечера в твоем доме, когда мы вместе ужинали, что у вас, ребята, что-то было. Я вообще ничего не заметил.

Я моргнул от удивления.

— Бл*дь. Серьезно? Кэролин сказала то же самое.
Гейдж чуть не подавился пивом.
— Ты издеваешься надо мной? Как я мог быть таким слепым?
— Не переживай. Я пытался сделать все, чтобы это не было заметно. Я старался вообще не чувствовать этого.
— Серьезно? — он посмотрел на меня сочувственно. — Это должно быть тяжело.
— Да, — я покачал головой. — Но это не сработало. Я не могу справиться с этим чувством.
— Правда?
— Он ушел пару недель назад. Я все испортил.
— Как?
— Я сказал ему, что наши отношения должны оставаться в секрете. Это ранило его.
— Я понимаю. Ему должно быть больно.
Мне показалось, что он ударил меня.
— Да. Но я еще не был готов принять это — тот факт, что хочу быть с парнем.
Гейдж задумался на мгновение, выпил еще.
— Ты всегда так себя чувствовал? Что тебя привлекают парни?
Шея стало жарко.
— Вроде. Еще с молодости у меня появлялись случайные чувства к кому-то. Но я всегда мог игнорировать их.
Его выражение лица стало провинившимся.
— Я чувствую себя немного виноватым, что ничего не знал и не догадывался о тебе. Мы всегда были лучшими друзьями.
— Не чувствуй себя виноватым. Я делал все, что мог, чтобы скрыть это. И мне тоже нравились девушки. Это не было такой уж большой проблемой.
— Я как раз собирался спросить об этом. Так ты притворялся с женщинами?
— Не совсем. Прошло очень много времени с тех пор, как у меня было нормальное влечение к женщине. Но у меня никогда и ни с кем не было такой химии, как с Максимом.
— Офигеть. И что теперь?
Я сделал глубокий вдох.
— Теперь я думаю и пытаюсь решить, куда идти дальше. Честно говорить о своих чувствах. Принять самого себя. Как убедить Максима дать мне еще один шанс.
— Скажи мне, что делать, чем я могу помочь тебе? — серьезно сказал он, опуская свою бутылку. — Мы с Лэни сделаем все возможное.
— Могу ли я привести гостя на день рождения в воскресенье?
Он ухмыльнулся.
— Безусловно.

* * *

У меня был соблазн прямо оттуда пойти в «Слепую свинью», но я не хотел говорить на публике Максиму то, что должен был сказать. Вместо этого я написал своей сестре.

Нам надо поговорить. Позавтракаем завтра вместе?

Она ответила в течение десяти минут.

Конечно!

Мы назначили время и место, и я поехал домой, впервые за несколько недель чувствуя надежду. Я сделал это — я рассказал правду о себе кому-то, и меня поддержали.

Я мог дышать.

* * *

— Что случилось? — Эллен стянула волосы в хвостик, а затем взяла чашку кофе.

В животе все подрагивало. По какой-то причине сказать Гейджу было легче. Я открыл рот, чтобы говорить, закрыл его, сделал глоток кофе, суетился с салфеткой на коленях.

— Я должен тебе кое-что сказать, но мне очень трудно.

— Позволь мне помочь. О тебе и Максиме.

Я смотрел на нее.

— Да. Откуда ты знаешь?

Она закатила глаза.

— Потому что я твоя сестра, а сестры знают все. Но на самом деле, любой с двумя глазами и половинкой мозга мог догадаться.

— Серьезно?

— Серьезно. Ты не смог обмануть нас. В этом случае, не очень хорошо получилось.

— Да, — я почесал голову.

— Но я понимаю, почему ты пытался. Это нелегко для тебя.

— Нет, — я нахмурился. — И мама с папой...

— Не являются частью этого. Это ваши чувства, и вы должны беречь их. Я знаю, что думают мама и папа, но, если они любят и дорожат тобой, они захотят, чтобы ты был счастлив.

— Они могут никогда не принять наши отношения или его самого.

Она пожала плечами.

— Тогда для них это будет большой потерей. Максим потрясающий.

— Это да.

— Так дай им шанс принять это. Это большие перемены, к которым нужно привыкнуть. Но все будет в порядке, — она наклонилась вперед и взъерошила мои волосы. — У тебя все будет в порядке.

— Остановите ее, — смеясь, я оттолкнул ее руку и попытался поправить свои волосы.

Она ухмыльнулась и снова взяла чашку кофе.

— Ты уже разговаривал с Максимом?

— Нет. Он сегодня работает?

— Да, должен.

— Может быть, я смогу поймать его, прежде чем он придет на работу. Я действительно не хочу это делать публично.

— Разве не в этом смысл?

Я нахмурился.

— И да, и нет. Он же русский. То, что он хочет быть открытым в отношениях, не значит, что ему будет комфортно на большой сцене на работе.

— Правда. Но я считаю, что ты должен как можно скорее поговорить с ним. Он был очень расстроен из-за этого.

Мое сердце сжалось.

— Он говорил об этом?

— Не много. Но я хорошо умею читать людей. Не затягивай с этим. Вы заслуживаете счастья, а жизнь коротка.

— Ты права. Я больше не хочу так жить. Я вдруг понял, что потратил столько времени, притворяясь кем-то другим.

— Твое отношение к бумажным салфеткам не изменилось?

Я удивленно посмотрел на нее.

— Нет.

Она засмеялась.

— Отлично. Ты не можешь вот так забрать моего старшего брата. Но мне нравится изменения в тебе.

— Спасибо. Эй, он может завтра взять выходной? Я хочу пригласить его на день рождения сына Гейджа.

Она улыбнулась в ответ.

— Это отличная идея. Конечно.

* * *

После завтрака я пошел в торговый центр, чтобы выбрать подарок для Уилла. Я бесцельно бродил по проходам магазина игрушек, пытаясь придумать, что бы хотел шестилетний мальчик, но никак не мог определиться. Когда я заметил ребенка примерно такого же возраста, который стоял со своим отцом в секции «Лего», то решил попросить у него совета.

— Извините. Мне надо купить подарок мальчику, которому исполняется шесть лет. Ты можешь указать мне правильное направление?

— О, держу пари, Мейсон поможет. Ему тоже шесть, — парень потрепал волосы своего сына. — Какой из них тебе больше нравится, подскажешь?

— Вот этот, — он указал на коробку с большим вертолетом Лего.

— Нам этот понравился, — согласился его отец, поправляя на носу очки.

— Отлично. Покупаю, — я взял коробку с полки и засунул ее в подмышку.

— Вот вы где! — сказал подошедший мужчина, держа в одной руке пакет, а другой — обхватывая ладошку маленькой девочки, двух, может быть, трех лет. — Мы думали, что потеряли вас. Мы готовы.

— Мейсон хотел посмотреть конструкторы «Лего», — объяснил парень в очках.

— Папа, можно мне один, пожалуйста? — спросил мальчик у мужчины, держащего за руку девочку.

— Нет, — ответили они вместе.

— Мы пойдем, — парень в очках улыбнулся мне. — Всего доброго.

Я кивнул и с трепетом наблюдал, как идеальная маленькая семья уходит от меня.

Эллен бы назвала это судьбой. Максим мог бы назвать это знаком вселенной. Месяц назад я бы закатил глаза и назвал это совпадением. Сегодня я увидел в этом нечто более убедительное.

С любовью, все было возможно.

Глава 37

Максим

Я провел в раздумьях целую неделю — правильно ли я сделал, что отклонил предложение Дерека поговорить наедине в «Слепой свинье». Но каждый раз, когда я думал об этом, то приходил к одному и тому же выводу — я не мог сдаться только потому, что скучал по нему, или потому, что он выглядел таким же несчастным, как и я сам, или потому, что было бы так хорошо снова оказаться в его руках. У меня была гордость.

Поэтому, когда он позвонил мне в субботу днем, я сначала не хотел отвечать на звонок. Но интуиция мне подсказывала, что надо ответить.

— Алло?

— Привет, это я. Как поживаешь?

— Хорошо. А ты?

— Тоже хорошо. Эй, я хочу тебе кое-что показать. Могу я подвезти тебя до работы?

Я застыл.

— Я не знаю.

— Пожалуйста, Максим. Сделай мне одолжение, дай мне один час. Это все, что мне нужно.

Мысль о том, чтобы отказать Дереку, была немыслима. Он оказал мне не одну услугу. Может, теперь ему нужна была помочь?

— Но я должен быть на работе к пяти тридцати.

— Нет проблем. Я заеду за тобой в три, хорошо?

— Окей. Увидимся.

* * *

Я нервничал, ожидая приезда Дерека. Я спустился на парковку, чтобы ему не пришлось выходить из машины, чтобы забрать меня, я шагал туда-сюда по тротуару, когда он подъехал. При виде его за рулем в животе все сжалось. Я сел на пассажирское сидение и закрыл дверь, сердце хаотично билось в груди.

— Эй, — сказал он, криво улыбнувшись. Может быть немного с опаской, но гораздо более расслабленно, чем в последние несколько раз, когда я его видел.

— Привет, — с тревогой повторил я.

— Ты выглядишь немного испуганным, — он надел солнцезащитные очки, поэтому я не мог видеть его глаза, но его тон был легким и дразнящим.

— Не испуганным. Возможно любопытным, наверное. Мне интересно, в чем дело.

— Позволь мне кое-что тебе показать, — он отъехал от моего комплекса. — Это будет короткая поездка. Минут двадцать или около того.

Я пытался предположить, куда он мог меня отвезти, но не смог.

— Расскажи мне, как ты живешь?

Я скучаю по тебе каждый день.

— Я много работают.

— Эллен рассказывала мне. Это замечательно.

Мне одиноко по ночам.

— Я купил подержанный ноутбук и еще беру курс английского языка онлайн. Эффективная грамматика, и все в этом роде.

— Это хорошо для тебя.

Без тебя ничего хорошего.

— И я познакомился с человеком, который работает в Paramount сценаристом.

— В самом деле? Где?

— Он постоянный посетитель бара. Эллен познакомила нас. И он предложил, чтобы я немножко прикрывал его на работе, чтобы прочувствовать эту «кухню» изнутри. Мне не заплатят, конечно, это будет больше как одолжение, но я не возражаю. Каждый должен с чего-то начинать

— Конечно. Это фантастика, Максим. Я так рад за тебя.

— Я хотел рассказать тебе об этом, — признался я. — Но я не был уверен, что могу звонить тебе.

— Я понимаю, — он больше ничего не сказал, и я снова задался вопросом, куда он везет меня.

Несколько минут спустя я узнал район, в котором мы были, и приподнялся на своем месте.

— Это тот дом.

Он улыбнулся.

— Дом.

— Ты купил его?

— Нет еще. Я подумал, что должен сначала его посмотреть. И я хотел, чтобы ты был со мной.

Мой пульс поскакал галопом, унося с собой все мысли. *Что это значит? Он передумал насчет нас?*

Дерек припарковался на подъездной дорожке возле дома, за маленькой белой Тойотой.

— Это, вероятно, машина агента. Должно быть, она уже внутри. Перед тем, как мы войдем... — он смеялся на своем месте, разворачиваясь ко мне, снял солнечные очки и положил их на колени. Затем он потянулся и взял меня за руку. — Мне нужно извиниться перед тобой. Ты был прав. Если мы хотим быть вместе, это должно быть открыто. Я так устал от чувства стыда за себя. Я не хочу притворяться, я не хочу больше так себя чувствовать. Это того не стоит.

Я не мог подобрать слова, поэтому сжал его руку.

— Я причинил тебе боль, — продолжал он. — Я заставил тебя почувствовать, что ты не для меня, но это неправда. Я никогда ни к кому раньше не чувствовал такого, никогда никому не доверял так глубоко. Я никогда не хотел так сильно изменить свою жизнь, чтобы быть с кем-то, но я знаю, что это правильное решение, — он сделал глубокий вдох. — Потому что ты делаешь меня счастливым. Ты заставляешь меня верить. Ты делаешь меня лучше. И мои мечты не имеют никакого смысла, если я не могу поделиться ими с тобой, — он прижал губы к моим пальцам. — Скажи, что еще не слишком поздно.

— Еще не поздно, — успел сказать я, пока горло окончательно не сжалось.

— Скажи, что ты все еще хочешь быть со мной, несмотря на то, что я сварливый старик, который прямо перед своим носом не видит правды.

— Не смеши. Конечно, хочу, — я наклонился вперед и прижался к его губам, и он, обхватив руками мое лицо, углубил поцелуй. Это было то, чего он никогда бы не сделал средь бела дня, даже в своей машине. Это вселяло в меня надежду.

Закрыв глаза, он уперся в мой лоб своим, поглаживая лицо большими пальцами.

— Я боялся, что потерял тебя.

— Никогда. Я так по тебе скучал.

— Я тоже скучал по тебе. У нас есть время, чтобы наверстать упущенное, — значение его слов было безошибочным.

— Конечно, — согласился я. — Но, может быть, не здесь. Я не хочу быть *настолько* открытым.

Он ухмыльнулся и отпустил меня, снова надев очки.

— Я тоже. Пойдем со мной смотреть дом. Если внутри то, на что я надеюсь, я куплю его. С этого момента я буду делать только то, что будет доставлять мне радость и делать меня счастливым, и мне все равно, кто что скажет.

Мы вышли из машины и пошли к крыльцу.

— Я так рад, что ты привез меня сюда. Я горжусь тобой.

Его улыбка осветила меня изнутри.

— Я тоже горжусь тобой.

* * *

Когда мы закончили с домом — это было именно то, чего хотел Дерек, и он собирался купить дом — он повез меня на работу. Эллен видела, как мы вошли вместе, и с поднятыми бровями смотрела, как мы подходим к бару.

— Это означает то, о чем я думаю? — она спросила. — Перемирие?

— Перемирие, — подтвердил Дерек, сев на стул.

— Могу я перестать притворяться, что ничего не знаю? — она прыгала как щенок. Он застонал.

— Ты можешь не притворяться. Только не...

Она с визгом оббежала вокруг барной стойки, чтобы обнять меня.

— ...поднимай шума вокруг этого, — успел закончить Дерек, прежде чем Эллен отпустила меня и придушила его так сильно, что он задохнулся. — Эллен. Я не могу дышать. Отпусти.

— Извините, — сказала она. — Я просто очень, очень переживала по этому поводу. Это так классно, — она схватила обе наши руки и, казалось, всматривалась в воздух вокруг нас. — Ваши ауры находятся в полной гармонии.

Я рассмеялся, когда Дерек закатил глаза на свою сестру.

— О, Господи. Можно мне пива, пожалуйста?

— У тебя получилось, — она сияла, глядя на нас двоих. — Максим, хочешь отгул?

— Спасибо, но нет, — сказал я. — Мне нужны все смены, которые я только могу получить.

— Какой ответственный! — она восхищенно покачала головой. — Хорошо, принесешь мне немного льда, пожалуйста? Я возьму пиво для Дерека, — практически подпрыгивая, она вернулась обратно за стойку бара и дразнилась. — Что я *говорила* вам? Это судьба!

Позже, когда Дерек поужинал и был готов идти, он поймал мой взгляд и кивком пригласил к двери, где он стоял.

— Мы можем увидеться позже? — тихо спросил он.

Мое сердце подпрыгнуло.

— Я надеялся, что ты спросишь.

Он взял меня за руку, вложил в мою ладонь ключ и закрыл мои пальцы вокруг него.

— Это принадлежит тебе. Разбудишь меня.

Затем он быстро поцеловал меня в губы и вышел.

Я засунул ключ в карман и вернулся за барную стойку, щеки пылали жаром. Меня ждала полная раковина грязных стаканов, чтобы их помыть, но я стоял, уставившись в никуда. *Он поцеловал меня. Публично.*

— Я видела это, — рядом со мной хихикнула Эллен. — Я все видела, как и многие люди здесь.

— Это немного безумно, такие перемены, — сказал я, улыбаясь в неверии. — Это как день и ночь или что-то в этом роде.

Она покачала плечами.

— Он все время знал, чего он хочет. Его просто нужно было немного подтолкнуть.

— Ну, ты помогла ему.

Она покачала головой.

— Нет. Это сделал ты. Он увидел, как ты смог постоять за себя, и понял, что может чему-то у тебя научиться.

— Ты так думаешь? — мне нравилась эта идея.

— Поверь мне, — ее улыбка была самодовольной. — Сестры знают все.

* * *

Я воспользовался ключом, чтобы попасть в дом Дерека, неконтролируемое желание двигало мной, когда я поднимался по лестнице. После быстрого душа в ванной комнате для гостей, я вошел в его комнату, мой член в предвкушении начал наливаться. Мы не виделись пару недель, но казалось, что прошла целая вечность.

Я лег под покрывало, и он потянулся ко мне, застонав глубоко и низко, когда наши тела и рты соприкоснулись. Прижимаясь кожа к коже, мы целовались, трогали и шептали обо всех местах на телах друг друга, которые мы пропустили. Мы исследовали эти места руками, губами и языками. Мы задыхались, стонали, сопротивлялись накатывающему оргазму до тех пор, пока ни один из нас не мог больше терпеть.

— Я хочу, чтобы ты снова был во мне. Мне это нужно, — его голос был низким и напряженным. — Но на этот раз я хочу быть сверху.

Через несколько минут он медленно опускался на мой член, мышцы пресса были напряжены, бедра сокращались под моими ладонями. Я сидел, прислонившись спиной к изголовью кровати и наблюдая за тем, как мой член все глубже и глубже входил в него, пока полностью не погрузился.

Его взгляд был прикован к моим глазам. Пытаясь справиться с болью, он сильно сжал мои плечи.

— Дыши, — прошептал я.

Через несколько напряженных минут он начал двигаться, медленно покачиваясь на моих бедрах, плавными волнобразными движениями, которые заставили мою челюсть напрячься.

— Ты такой красивый, — прошептал я.

Он немного откинулся назад, меняя угол и двигаясь все быстрее и быстрее, и мне пришлось глубоко дышать, потому что одного вида, как он трахает меня так умело, используя мое тело для собственного удовольствия, было достаточно, чтобы подтолкнуть меня прямо к краю. Я боролся, стараясь продлить это состояние чистого экстаза. Его руки путешествовали вниз по моей груди и кончиками пальцев дотронулись до моих сосков, его тело было таким сильным, мужественным и твердым, от крепких бедер, пресса, до рельефных мышц его плеч, его член пульсировал между нами, и я крепко сжал его, чтобы он мог вбиваться в мою руку, и все это было слишком жарко, слишком

ярко, слишком горячо, что сил сдерживать этот огненный поток больше не было. Через секунду он стонал и задыхался, кончая горячими струями на мою грудь, и я отпустил себя, содрогаясь внутри него в диких, неконтролируемых спазмах.

Он двинулся вперед и, не переставая, целовал, целовал и целовал меня.

— Я люблю тебя, — прошептал он мне в губы. — Я безумно люблю тебя. Это намного больше всего того, о чем я когда-либо мечтал в своей жизни. Боже, я так хочу этого. Я хочу все. И я хочу дать тебе все.

— Ты же знаешь. Я твой. Быть с тобой — для меня все.

Он снова поцеловал меня, сжимая руки вокруг моей шеи.

— Тебе придется быть терпеливым со мной.

— Я сделаю для тебя все, что угодно.

— Останься на ночь, — он уткнулся лицом мне в шею. — Я пока не могу тебя отпустить.

— Хорошо, детка.

— А завтра, ты пойдешь со мной к Гейджу и Лэни на день рождения их сына? Эллен сказала, что ты можешь взять выходной.

Дрожь прошла сквозь меня.

— Ты серьезно? Ты готов к этому?

— Я готов. Я хочу быть с тобой, Макс. Я люблю тебя и нахер всех, кто говорит, что это неправильно.

— Что насчет твоих родителей?

Он отклонился и посмотрел на меня. Было темно, но я видел, насколько серьезным он был.

— Нахер любого, кто говорит, что это неправильно, — повторил он. — И неважно, кто это. *Это я*. *Ты* — тот, кого я люблю. Вот это *правильно*.

Мое горло сдавило, и я кивнул, тяжело сглотнув.

— Это правильно.

Глава 38

Дерек

Я припарковался на улице, как можно ближе к дому Гейджа и Лэни, и выключил машину. Мое сердце билось немного быстрее, чем обычно, но я не сомневался в своем решении.

— Готов? — я посмотрел на Максима, который, казалось, гораздо больше нервничал по этому поводу. Он продолжал жевать нижнюю губу и нервно подергивал руками.

Но он кивнул.

— Готов.

Мы вышли, и я захватил подарок с заднего сиденья. Это был замечательный летний день, солнечный, но не жаркий, с холмов дул прохладный ветерок. Когда мы спускались по тротуару к дому, я услышал музыку, плеск воды и крики.

— Дети немного сумасшедшие, — сказал я, извиняясь.

— Я привык к детям. У меня же есть младшая сестра.

— Верно, иногда я забываю об этом. Я хотел бы с ней познакомиться.

Максим рассмеялся.

— Думаю, ей бы это понравилось. Может, она сможет навестить меня. Погостить в моей квартире.

— Я хотел спросить тебя об этом ночью, но отвлекся на твоё тело, — я игриво ткнул его локтем. — Ты хочешь оставить свою квартиру? — мы приближались к дому, и шум стал громче. — Это полностью твое решение. Мне нравится идея, что ты будешь жить со мной, так ты можешь экономить деньги, но я знаю, как для тебя дорога твоя независимость.

— Позволь мне подумать об этом, — сказал он. — Я ценю твоё приглашение, но пусть еще какое-то время у меня будет своя квартира.

Это означало, что нам придется прилагать усилия, чтобы видеть друг друга, но я не хотел давить. Я знал, что он не хочет отступать, и я был готов на все ради него. Я взял Максима за руку и повел вокруг дома во двор.

Он сжал мои пальцы.

— Все в порядке? Ты кажешься таким спокойным, но я знаю, что это нелегко.

Боже, он был чертовски понятлив. Я остановился в тени от стены дома и быстро поцеловал его.

— Да, я немного нервничаю. Но это приятная нервозность. Я, скорее всего, взволнован. И горд. Сегодня утром я проснулся и почувствовал себя полностью счастливым. Это почти как новая жизнь. Наша жизнь. И это только начало.

Он улыбнулся мне такой же теплой, благодарной улыбкой, которой растопил мое сердце в ту ночь, когда мы встретились.

— Я люблю тебя.

Я никогда не устану это слышать.

— Я тоже тебя люблю.

Мы рука об руку вышли из тени на залитый солнцем двор.

Эпилог

Дерек

— Хочешь посидеть здесь немного? — спросил я, глядя на два кресла адирондак (*прим. классическое садовое кресло*) на лужайке в Лагуна Бич, как будто я еще не выбрал их в качестве идеального места. — Посмотрим на закат солнца перед ужином?

— Конечно, — Максим улыбнулся, и мое сердце как всегда стало биться быстрее. Но сегодня все было по-другому.

Мы решили отметить наши совместные шесть месяцев, продажу дома, который я реставрировал, и завершение его первого курса по сценарию.

Также мы собирались обручаться, но он этого пока не знал.

Мы сели рядом, я сделал глоток шампанского, прежде чем поставить бокал на столик между нами. Максим тоже сел и вытащил свой телефон, чтобы сделать несколько снимков уходящего за туманный синий горизонт солнца и окрашенные в розовые и оранжевые краски небо. Это был приятный прохладный осенний вечер, ветер шуршал в ветках пальм, температура колебалась около 15 по Цельсию, но моя кожа под джинсами и серой спортивной курткой горела. Я был рад, что не надел галстук.

— Я почти забыл, как здесь красиво, — он покачал головой, убирая телефон обратно в карман. — Фотография все равно не может запечатлеть всю красоту.

Я потянулся и взял его за руку.

— Нет. Не может.

Он посмотрел на меня, его голубые глаза казались еще глубже в тающем свете.

— Я помню, когда мы были здесь в прошлый раз.

Я улыбнулся.

— С тех пор мы прошли долгий путь.

— Да, — он снова посмотрел на океан. — Каждое утро я просыпаюсь и задаюсь вопросом, может это просто сон.

— Со мной происходит тоже самое. Но потом я открываю глаза, вижу тебя рядом со мной и понимаю, что это реально, — просыпаться рядом с ним каждое утро было подарком, который я никогда не воспринимал как должное. Он арендовал свою квартиру еще пару месяцев, но после я все же уговорил его переехать ко мне. Мы все равно проводили вместе почти каждую ночь, и, если у нас не получалось встретиться, я очень скучал по нему. Я потерял достаточно времени, и я больше не хотел его тратить.

Путь к этому был нелегким. Мои друзья, брат и сестра приняли наши отношения, но мои родители все еще сопротивлялись. Сначала они были в основном шокированы, затем они игнорировали происходящее, как будто отказываясь признать правду, она могла просто так исчезнуть. Мой отец думал, что это было очередным «безумием», как и то, что я был вынужден меньше работать, чтобы освободить время для ремонта дома, который я купил. Он говорил мне, что мне нужно поговорить со священником, что дьявол овладел мной и что-то в этом роде. Но я стоял на своем, заявляя, что Максим теперь часть моей жизни, и, если они хотят поддерживать отношения со мной, они должны принять и его тоже.

Мы медленно сближались — нас пригласили на ужин в честь Дня Благодарения, и все прошло хорошо, может немного неловко, — и именно Максим постоянно напоминал мне быть терпеливее с ними. *Дай им время*, — говорил он, когда я был разочарован их нежеланием нас поддержать. — *Вспомни, сначала и тебе было очень тяжело*.

У него было самое большое и доброе сердце из всех, кого я знал.

Мы сидели и пили шампанское до тех пор, пока солнце не скрылось, купая лужайку в сумерках.

— Нам пора идти? — спросил он, сжимая мою руку.

— Да, — но как только мы встали, я повернулся к нему лицом и обнял за талию. — Одну секунду. Есть еще кое-что, о чем я хочу сказать.

— Конечно.

Мои ноги слегка дрожали, я глубоко вдохнул.

— До того, как ты вошел в мою жизнь, я не знал, кто я такой. У меня были представления о том, кем я хочу быть, и я старался соответствовать этому шаблону, но я никогда не чувствовал себя в своей шкуре. Думаю, одна из причин, почему я был так одержим аккуратностью и порядком в своей жизни снаружи, была попытка держать под контролем все то, что происходило у меня внутри. Я не позволял себе чувствовать правильные вещи, поэтому вместо этого я сосредоточился на том, чтобы быть идеальным в глазах других людей, потому что я никогда не чувствовал себя совершенным в своем собственном понимании. И я никому не позволял увидеть себя настоящим.

Максим обнял меня обеими руками, прижимаясь губами к моему плечу.

— И потом я встретил тебя. В первый раз я доверил кому-то всю свою жизнь. Я впустил кого-то. И я сделал это, потому что смотрел на тебя и видел ту часть себя, которую никогда не понимал и думал, что это неправильно, но это было настолько замечательно. Наконец, с тобой, благодаря тебе, все кусочки меня встали на свои места, — мою грудь и горло сдавило. — Я влюбился в тебя в тот самый момент, когда первый раз увидел, и это происходит снова и снова каждый раз, когда я смотрю на тебя, — я отпустил его и потянулся в карман за кольцом. Дрожащими пальцами я сжал коробочку и, доставая ее, опустился на одно колено.

Его глаза расширились.

— О Боже мой.

— Я каждый день благодарю Бога за то, что ты сел в тот самолет. И что твою сумку украли. За то, что моя сестра позвонила мне. Не знаю, верю ли я в судьбу, но я уверен, что нам суждено быть вместе, и я хочу прожить с тобой свою жизнь до конца, — я приподнял крышку, открывая взору широкое платиновое кольцо от Кортье. — Выходи за меня.

— О Боже мой, — повторил он с блестящими от слез глазами. — Ты сейчас серьезно говоришь?

— Да, серьезно.

Накрыв мои руки, он наклонился и поцеловал меня, и я подумал, что мое сердце разорвется.

— Да. Да.

Я встал и скользнул кольцом по его пальцу, перед глазами все расплывалось от слез. Он обнял меня, и мы крепко прижались друг к другу.

— *Ya lubli tebya*, — прошептал он. — Ни разу за миллион лет я не думал, что смогу быть таким счастливым, — продолжал он срывающимся голосом. — Ты для меня — все. *Navsegda*.

— Еще раз. Скажи это еще раз.

— *Navsegda*.

Ком в моем горле увеличивался, и, прежде чем отпустить его, я сильно сглотнул. Я повернул его лицом к отелю, где Эллен, согнувшись на балконе второго этажа, с расстояния ста футов, снимала все событие на свой телефон. Рядом с ней стояли мой брат и невестка, и Гейдж с Лэни, которые начали аплодировать.

— Скажи привет!

— О Боже мой, — Максим закрыл руками лицо и рассмеялся, прежде чем снова обнять меня, зарываясь лицом мне в шею. — Это самый лучший день в моей жизни.

Я тоже смеялся.

— Это только начало, детка. Лучшее еще впереди.

* * *

Через несколько минут с шампанским, слезами, объятиями и улыбками все собрались на лужайке, чтобы поздравить нас.

Эллен произнесла тост.

— За моего старшего брата Дерека, которого все эти годы мы считали слишком придирчивым, но который с самого начала понял, что его счастье заключалось в шести тысячах миль и в одной украденной сумке. И за Максима, за то, что он стремился к своей мечте, которая привела его сюда, и за то, что он никогда не сдается. Не могу дождаться, когда назову тебя своим братом.

— Ура! — крикнул Гейдж, тем самым призывая всех выпить.

— *Na zdorovie!* — добавил я, потом посмотрел на Максима. — Как у меня получилось?

— Отлично, — сказал он, сияя глазами. — Ты само совершенство.

Позже, после того, как мы отпраздновали за ужином, а затем продолжили в баре, все разошлись по своим номерам. Зайдя в свой, мы обнаружили, что весь номер был украшен лепестками роз и свечами, любезно предоставленными отелем.

Мы зажгли свечи и, в один пятисекундный момент оценив по достоинству такой сюрприз, сорвали с себя одежду, и упали на кровать. Одним из моих последних психологических барьеров был секс с Максимом, который стал еще более насыщенным, незамутненным мыслями о вине и стыде. Мое желание к нему было тем, что я любил в себе, а не тем, что я ненавидел, и я наслаждался всеми способами, которыми выражал это, независимо от того обладаю я его телом или принимаю его в своем собственном.

В ту ночь мы по очереди, меняясь, трахали друг друга в горячем, влажном безумии, до того момента пока сдерживаться не оставалось сил, мы смотрели друг на друга, растворяясь в самом невероятно ярком оргазме, который объединял двух человек. Мы лежали, завернув друг друга в объятия — шорох волн, доносящийся через открытую дверь балкона, мерцание свечей, воздух, ароматизированный лепестками роз и сексом.

— Я не могу перестать смотреть на кольцо на твоем пальце, — сказал я ему, сплетая наши пальцы на моей груди.

— Я тоже хочу надеть кольцо на твой.

Я улыбнулся.

— Когда ты хочешь, чтобы мы поженились?

— Завтра слишком рано?

Немного посмеявшись, я поцеловал его в лоб.

— Скорее всего. Но мы не должны откладывать.

— Хорошо. Я не хочу больше ждать, — он на мгновение прижался губами к моей груди. — Я хочу быть твоим мужем. Я хочу, чтобы у нас с тобой была семья. Я хочу, чтобы мы принадлежали друг другу, сейчас и всегда.

В горле стоял комок, и я попытался сглотнуть.

— Я тоже хочу всего этого.

Он посмотрел на меня.

— И спустя годы мы можем рассказать нашим детям историю той ночи, когда мы встретились.

— У нас была не очень фееричная история любви, — сказал я.

— У нас была история получше, — он поцеловал меня в губы, и я почувствовал это своей душой. — У нас была настоящая история любви, и она никогда не закончится.

Я поцеловал его в ответ, чувствуя, как открывается мое сердце, как огромный, полноводный и глубокий океан.

Конец